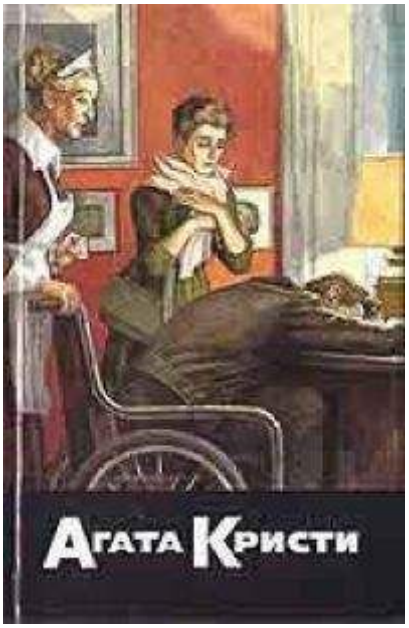

"Агата Кристи - Испытание невиновностью"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Кристи Агата

Испытание невиновностью

БИЛЛИ КОЛЛИНЗУ, с признательностью и благодарностью

Если я буду оправдываться,

То мои же уста обвинят меня..

...То трепещу всех страданий моих,

Зная, что Ты не объявишь меня невинным.

Книга Иова, гл. 9, ст. 20, 28

Глава 1

Когда он подъехал к пристани, уже наступили сумерки.

Ничто ему не мешало появиться здесь гораздо раньше. Просто он все откладывал и откладывал эту поездку.

Ленч с друзьями в Редкее, легкий бессвязный разговор, болтовня об общих знакомых – все это означало только одно: у него не хватало духу сделать то, что следует. Друзья пригласили его остаться на чай, и он согласился. Но наконец настала минута, когда он понял: больше медлить нельзя.

Он попрощался. Нанятый им автомобиль уже ждал. Миль семь проехали по шоссе вдоль кишащего народом побережья, потом свернули на узкую лесную дорогу, которая привела к реке, к небольшому, мощенному камнем причалу.

Шофер принялся что есть силы звонить в тяжелый колокол, чтобы вызвать с другого берега паром.

– Прикажете подождать, сэр?

У шофера был мягкий местный выговор.

– Не надо, – сказал Артур Колгари. – Я заказал машину, через час она будет на том берегу. Отвезет меня в Драймут[1].

Он расплатился, прибавил чаевые.

– Паром сейчас подойдет, сэр, – сказал шофер, вглядываясь во тьму.

Пожелав Артуру доброй ночи, он развернул автомобиль и двинулся вверх по склону холма Артур Колгари остался один на один со своими мыслями и тягостными предчувствиями. «Какая тут глушь, – подумал он – Будто в каком-то Богом забытом уголке Шотландии. А ведь всего в нескольких милях отсюда Редкей, гостиницы, магазины; бары, толпы народа на набережной». Он в который уже раз подивился переменчивости английского пейзажа До его

слуха донесся тихий всплеск весел, и к причалу подошла лодка. Старик лодочник закинул багор, лодка остановилась, и Артур Колгари, спустившись по сходням, прыгнул в нее. Ему вдруг на мгновение представилось, что этот старик и его лодка таинственным образом связаны друг с другом и образуют какое-то странное, фантастическое существо.

Когда они отплыли от берега, с моря задул несильный, но холодный ветер.

– Зябко нынче, – сказал лодочник.

Колгари кивнул: в самом деле, вчера было теплее.

Он заметил – или ему показалось, – что старик поглядывает на него с затаенным любопытством. Вот, мол, странный малый. Туристский сезон уже закончился. Да еще едет в такой час – в кафе на молу чаю уже не подадут, поздно. Багажа при нем нет, стало быть, оставаться не собирается. И правда, спрашивал себя Колгари, почему он поехал так поздно. Неужели бессознательно оттягивал отъезд? Откладывал до последней минуты то, что ему давно уже надлежало сделать? Перейти Рубикон…[2] Река… река… Его мысли вернулись к другой реке к Темзе.

Неужели это было только вчера? Только вчера он сидел, уставясь невидящим взглядом на Темзу. Потом посмотрел на лицо человека, сидящего за столом напротив. Эти внимательные глаза… В них было что-то, чего Артур никак не мог понять. Что-то затаенное, какая-то невысказанная мысль… «Видимо, они хорошо научились скрывать то, что на уме у их обладателя», – подумал он тогда.

Теперь, когда нужно было действовать, его охватил страх. Он обязан исполнить свой долг, а потом – поскорее все забыть!

Припоминая вчерашний разговор, он нахмурился. Приятный, вальяжный, вкрадчиво-вежливый голос произносит:

«Доктор Колгари, вы твердо решили выполнить свое намерение?»

«А разве у меня есть выбор? Вы же знаете. Вы должны меня понять. Я не могу от этого увиливать!» – воскликнул он с жаром.

«Тем не менее следует рассмотреть проблему со всех сторон, мы должны учесть все аспекты».

Артур Колгари был несколько озадачен таким советом, однако в непроницаемом взгляде серых глаз он не смог прочесть ничего.

«Но ведь с точки зрения справедливости существует всего лишь один аспект, разве не так?» – резко проговорил он, вдруг заподозрив в словах собеседника постыдное предложение замять дело.

«В известном смысле, да. Однако, есть кое-что поважнее. Поважнее… справедливости. Вы не согласны?»

«Нет, не согласен. Нельзя не считаться с чувствами его близких».

«О да! Безусловно. Как раз с ними-то я и считаюсь».

«Чепуха, – подумал Колгари. – Потому что если бы с ними считались…»

«Доктор Колгари, – не ожидая ответа, продолжил его собеседник своим хорошо поставленным голосом, – это исключительно ваше дело. Разумеется, вы вольны поступить так, как находите нужным…»

Лодка причалила к берегу. Рубикон перейден.

– Четырехпенсовик пожалуйте, сэр. Или, может, рассчитаетесь на обратном пути? – с мягкой интонацией уроженца западных графств проговорил лодочник.

– Нет, – сказал Колгари, – обратного пути не будет. Как зловеще прозвучали эти слова!

– Не знаете ли вы дом, который называется «Солнечный мыс»? – спросил он, расплатившись со стариком.

Вежливой сдержанности как не бывало: в глазах лодочника полыхало жадное любопытство.

– Как не знать! Знаю, конечно. Как раз по правую руку будет, там увидите за деревьями. Сперва поднимитесь на взгорок, по правой дороге, а после по новой дороге – к домам, там теперь целая улица. В самом конце – последний дом.

– Спасибо.

– Стало быть, «Солнечный мыс», сэр? Это где миссис Аргайл…

– Да-да, – быстро перебил его Колгари. Ему не хотелось об этом говорить. «Солнечный мыс».

Губы старика медленно расползлись в какой-то странной улыбке. Он вдруг стал похож на лукавого фавна[3].

– Это ведь она сама дом так назвала, в войну еще. Дом был новый, только-только построенный, еще без названия. И знаете, где он стоит? На лесной косе, на Змеином мысе! Но ей Змеиный мыс был не по нраву, не пожелала, она, чтобы ее дом так назывался. Переименовала в Солнечный, ну а мы все по-старому Змеиный да Змеиный.

Колгари торопливо поблагодарил лодочника и, пожелав ему доброй ночи, пошел вверх по склону. Вокруг не было ни души, все уже попрятались по домам. Но у него было странное ощущение, что из окон чьи-то глаза украдкой за ним следят. И всем известно, куда он идет. Смотрите, шепчутся там, за окнами, он идет в Змеиный мыс…

Змеиный мыс. Подходящее название, прямо не по себе становится…

«И жало змеи ранит не так больно…»

Он решительно себя одернул. Сейчас ему надо сосредоточиться и хорошенько обдумать, что он будет говорить…

* * *

Колгари прошел всю новую нарядную улицу, застроенную по обеим сторонам новыми нарядными домами, при каждом из которых зеленел небольшой сад. Камнеломки[4], хризантемы, розы, шалфей, герань – словом, всякий домовладелец демонстрировал свои личные вкусы и пристрастия.

В конце улицы Артур увидел ворота, на которых готическими буквами[5] было написано:

«Солнечный мыс». Он отворил калитку, прошел по короткой дорожке и оказался перед добротным домом в безликом современном стиле, с двускатной крышей и портиком[6]. Такой увидишь в любом респектабельном предместье, в районе новой застройки. Дом, на взгляд Артура, пейзажа собою не украшал. Уж очень живописно было вокруг. Река в этом месте, огибая мыс, делала крутой поворот чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Вдали поднимались лесистые холмы. Слева, вверх по течению, открывался вид на дальнюю излучину реки, заливные луга и фруктовые сады.

Колгари постоял минуту-другую, любуясь рекой. Здесь бы замок построить, подумалось ему, забавный сказочный замок. Пряничный, сахарный дворец… А тут стоит эдакий добротный, без всяких затей домина – куча денег и никакой фантазии.

Естественно, Аргайлы здесь ни при чем. Они ведь этот дом не строили, они его купили. Однако они или кто-то из них – может быть, миссис Аргайл – его выбрал…

«Хватит тянуть!» – приказал себе Колгари и нажал кнопку звонка. Постоял, выждал для приличия некоторое время и снова позвонил.

Никаких шагов он не услышал, но внезапно дверь распахнулась. Вздрогнув от неожиданности, он отступил назад.

Возможно, его возбужденное состояние было тому причиной, но ему показалось, что перед ним вдруг возникла обретшая человеческий облик муза Трагедии. В дверном проеме стояла совсем молоденькая девушка. На ее почти детском личике страдание выглядело особенно мучительным. «Трагическая маска, подумал он, – это всегда маска юности… Беззащитность, обреченность, шаги Судьбы… приближающейся из будущего…»

Приструнив разыгравшееся воображение и спустившись на землю, он отметил про себя: чисто «ирландский тип». Густая голубизна окруженных тенью глаз, непокорные черные волосы, печальная и трогательная красота в изысканной лепке лица, в форме головы…

Девушка держалась настороженно и неприязненно.

– Ну? Что вам нужно? – спросила она. В ответ он вежливо осведомился:

– Дома ли мистер Аргайл?

– Да, но он никого не принимает. Я говорю о тех, кто ему не знаком. Он ведь вас не знает, правда?

– Да, мы с ним незнакомы, но…

– В таком случае вам лучше ему написать… – Она явно собиралась захлопнуть дверь.

– Простите, но мне необходимо с ним повидаться. Вы ведь мисс Аргайл?

– Да, я Эстер Аргайл, – с досадой сказала она. – Но отец никого не принимает, если не условлено заранее. Лучше напишите ему.

– Я проделал такой длинный путь… Она не шелохнулась.

– Всегда так говорят. Я-то думала, все это наконец кончилось. Вы ведь, наверное, репортер? – с оттенком осуждения спросила она.

– Нет-нет, ничего подобного! В ее взгляде мелькнуло сомнение.

– Что же вам нужно в таком случае?

За ее спиной в глубине холла Артур Колгари разглядел еще одно лицо. Случись ему описать это лицо, он бы сравнил его с блином. Лицо женщины средних лет, изжелта-седые волосы завиты и уложены на макушке. Казалось, она бдительно стережет девушку.

– Мисс Аргайл, дело касается вашего брата. Эстер Аргайл коротко вздохнула.

– Майкла? – недоверчиво проговорила она.

– Нет, Джека.

– Так я и знала! – воскликнула Эстер. – Знала, что вы о нем заговорите! Почему нас никак не оставят в покое?! Ведь все уже кончено! И довольно об этом!

– Никому не дано знать, кончено или нет.

– Но с этим точно покончено! Жако умер. Что вам еще от него надо? Говорю вам, все кончено. Если вы не репортер, значит, врач, психиатр или Бог знает, кто еще. Прошу вас, уходите. Отца нельзя тревожить. Он занят.

Девушка потянула дверь на себя. Колгари торопливо вытащил из кармана письмо – с этого надо было начать! – и протянул ей.

– Это от мистера Маршалла, – пробормотал он. Девушка, опешив, неуверенно взяла конверт.

– От мистера Маршалла? Из Лондона? – переспросила она.

Пожилая женщина, которая до этого момента скрывалась где-то в глубине передней, теперь тоже подошла к двери и вонзила в Колгари подозрительный взгляд. Ему вдруг вспомнились католические монахини. Ну конечно, типичная монахиня. Ей бы белый крахмальный чепец, черное одеяние и накидку. Да, но вид у нее совсем не отрешенный, она больше похожа на монастырскую привратницу, которая буравит вас взглядом через маленькое окошко в толстой двери, а потом скрепя сердце впускает и ведет в комнату для посетителей или к настоятельнице.

– Значит, вы от мистера Маршалла? – заговорила женщина. Тон у нее был обличающий.

Эстер продолжала молча смотреть на конверт. Потом, не говоря ни слова, повернулась и пошла наверх.

Колгари замер в дверях, боясь пошевелиться под тяжелым подозрительным взглядом этого дракона в обличье монахини.

Он прикидывал, что бы такое сказать, но ничего надумать не мог и решил благоразумно помолчать.

– Отец говорит, пусть поднимется, – донесся сверху надменно-холодный голос Эстер.

Дракон нехотя посторонился, продолжая буравить его подозрительным взглядом. Артур Колгари вошел, положил шляпу на стул и поднялся по лестнице. Эстер его ждала.

Артура поразила почти больничная чистота дома: было такое ощущение, что он попал в фешенебельную частную лечебницу.

Они миновали коридор и, спустившись вниз на три ступени, остановились перед дверью. Эстер отворила ее и жестом пригласила Артура войти. Потом вошла сама и прикрыла за собой дверь.

Это была библиотека. Оглядевшись, Колгари облегченно вздохнул. Здесь не было и следа унылой стерильности. Чувствовалось, что здесь работают, отдыхают – в общем, живут. Стены уставлены книжными шкафами, кресла массивные, довольно потертые, но удобные. На столах разложены книги, бумаги, повсюду царит приятный для глаза рабочий беспорядок. Входя, Артур мельком увидел, как в другую, дальнюю дверь вышла женщина, молодая и весьма привлекательная. Навстречу ему из-за стола поднялся хозяин дома. В руках у него было распечатанное письмо.

Первое впечатление от Лео Аргайла – очень истощенный, почти бесплотный. Призрак, а не человек. Голос приятный, хотя ему явно недостает звучности.

– Доктор Колгари? – сказал он. – Прошу вас, присаживайтесь.

Колгари опустился на стул, стоявший у стола. Взял предложенную ему сигарету. Лео Аргайл тоже неторопливо сел, вообще в его жестах не было ни тени суетливости, как будто в этом доме время мало что значило. Говорил он, чуть заметно улыбаясь и легонько постукивая по письму бескровным пальцем.

– Мистер Маршалл пишет, что вы имеете сообщить нам нечто важное, хотя не указывает, что именно, – И улыбнувшись более открыто, он добавил:

– Юристы всегда так осторожны – им лишь бы ничем себя не связать.

Неожиданно Артуру пришло в голову, что перед ним вполне счастливый человек. Не жизнерадостный, не брызжущий весельем, а счастливый в своем собственном призрачном, но блаженном убежище. С внешним миром этот человек, похоже, совсем не сталкивается и весьма этому рад. Артура эта его отрешенность поразила, хотя он и сам не смог бы объяснить почему.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились встретиться со мной, сказал он, чтобы хоть с чего-то начать. – Я подумал, что лучше будет не писать, а повидать вас лично. – Он помолчал, потом вдруг нервно произнес:

– Мне трудно… Невероятно трудно сообщить…

– А вы не спешите, – учтиво, но все так же отрешенно сказал Аргайл.

Он подался вперед, будто желая со свойственной ему неизменной доброжелательностью помочь гостю.

– Так как вы пришли с письмом от Маршалла, я полагаю, ваш визит имеет отношение к моему несчастному сыну Жако. Я хотел сказать, к Джеку… Дома мы его называли Жако.

Все приготовленные заранее слова выскочили у Артура из головы перед лицом страшной правды, которую он обязан был открыть. Он снова попытался было заговорить:

– Я хотел бы… – и снова замолчал.

– Может быть, вам будет легче решиться, если я скажу, что… – осторожно начал Аргайл. – Мы ведь знаем, что Жако вряд ли можно считать психически здоровым человеком. Что бы вы ни сообщили нам, для нас это не будет неожиданностью. То, что случилось, ужасно, но я убежден, что Жако не отвечал за свои действия.

– Конечно, не отвечал, – раздался вдруг голос Эстер. Колгари вздрогнул. Он совсем о ней забыл. Она сидела в кресле, стоявшем слева и чуть позади него. Он обернулся, и она, нетерпеливым движением подавшись к нему, оживленно заговорила:

– Жако всегда был несносным. Совсем как мальчишка, особенно когда выходил из себя, понимаете? Схватит, бывало, что под руку попадется, и швырнет в тебя…

– Эстер… Эстер, дорогая. – В голосе Аргайла слышалось страдание.

Девушка прижала руку к губам, вспыхнула и вдруг по-детски неловко залепетала:

– Простите… Я не хотела… я забыла… Мне не следовало говорить этого… теперь… о нем… Теперь, когда все кончилось и… и…

– Все кончено, все в прошлом, – поддержал ее Аргайл. – Я стараюсь… мы все стараемся… помнить, что к мальчику следует относиться как к больному. Такое случается… Ошибка природы. Пожалуй, это самое подходящее объяснение. Он посмотрел на Колгари. – Вы согласны?

– Нет! – сказал Артур.

Воцарилось молчание. Это яростное «нет», казалось, неприятно поразило его собеседников. Пытаясь сгладить свою резкость, он заговорил с неуклюжей поспешностью:

– Я… простите, я… Видите ли, вам пока неизвестно…

– О! – Аргайл помолчал, потом обратился к дочери:

– Эстер, может быть, ты нас оставишь…

– Нет, я не уйду! Я хочу знать, о чем идет речь.

– А если тебя это огорчит…

– Разве имеет значение, что там еще натворил Жако? Ведь все кончено, нетерпеливо вскричала Эстер.

– Прошу вас, поверьте, – порывисто проговорил Колгари, – ничего ваш брат не натворил, совсем напротив.

– Не понимаю…

Дверь в дальнем углу комнаты отворилась, и вошла та молодая женщина. На ней было пальто, в руках кожаный портфель.

Она обратилась к Аргайлу:

– Я ухожу. Не нужно ли еще чего-нибудь? Аргайл на мгновенье замялся (наверное, его постоянно одолевают сомнения, подумал Колгари), потом накрыл ее руку своей, будто хотел

удержать.

– Сядь, Гвенда, – сказал он. – Это… э-э… доктор Колгари… Доктор Колгари, позвольте представить вам мисс Воэн, она… она… – Он снова запнулся. – Она вот уже несколько лет служит у меня секретарем. Гвенда, доктор Колгари хочет рассказать… или узнать у нас что-то о… Жако…

– Рассказать, – перебил его Колгари. – И с каждой минутой вы, сами того не желая, все усложняете и усложняете мою задачу.

Все смотрели на Артура в немом удивлении, но в глазах Гвенды Воэн, как ему показалось, мелькнула искра понимания. Будто на одно короткое мгновенье они вступили в молчаливый союз. Будто она ему сказала: «Да, знаю, как нелегко бывает с Аргайлами».

«Какая обаятельная женщина, – подумал Артур, – хоть и не слишком молода, вероятно, ей лет тридцать семь – тридцать восемь. Изящная округлая фигура, каштановые волосы, карие глаза. От нее так и веет жизненной силой и здоровьем. К тому же сразу видно, что она умна и понятлива».

Аргайл заговорил в свойственной ему слегка отстраненной манере:

– Вот уж не подозревал, что так вас смущаю, доктор Колгари. У меня и в мыслях ничего подобного не было, уверяю вас. Если бы вы объяснили суть…

– Да, конечно. Простите, я не должен был… Я должен был сдержаться. Просто вы и ваша дочь все время повторяете, что все уже закончилось, все миновало, все – позади. Так вот – ничего не закончилось! Кто-то из великих сказал: «Не должно успокаиваться, пока не…»

– «Пока не восторжествует справедливость», – подхватила мисс Воэн. – Это Киплинг.

Она ободряюще ему кивнула, и он почувствовал к ней благодарность.

– Итак, перехожу к сути, – начал он. – Когда вы все узнаете, то поймете мои… затруднения. Вернее, мою тревогу. Сначала несколько слов о себе. Я геофизик и недавно участвовал в антарктической экспедиции. Вернулся в Англию всего несколько недель назад.

– Экспедиция Хейса Бентли? – спросила Гвенда. Он с признательностью на нее посмотрел.

– Да. Она самая. Говорю об этом, чтобы вы могли составить представление обо мне, а также чтобы объяснить, почему я почти два года не имел сведений о том, какие… события тут у вас происходят.

Гвенда снова пришла к нему на помощь.

– Вы имеете в виду судебные разбирательства?

– Да, мисс Воэн, именно их. – Он посмотрел на Аргайла. – Простите, ради Бога, если я невольно причиню вам боль, но мне необходимо уточнить некоторые данные. Девятого ноября позапрошлого года, около шести часов вечера между вашим сыном Джеком Аргайлом, Жако, как вы его называете, и его матерью, миссис Аргайл, состоялся разговор.

– Да.

– Джек сказал матери, что попал в затруднительное положение, и потребовал денег. Такое случалось и прежде…

– Много раз, – вздохнул Лео.

– Миссис Аргайл ему отказала. Он начал ей угрожать. Потом выскочил вон, крикнув напоследок, что еще вернется и она «поплатится» за свой отказ. «Ты что, хочешь, чтобы меня в тюрьму засадили?» – спросил он тогда. «Мне начинает казаться, что это пошло бы на пользу!» – в сердцах ответила она.

Лео Аргайл беспокойно задвигался.

– Мы с женой обсуждали как-то и этот вариант. Мальчик приносил нам так много огорчений. Мы столько раз ему помогали, хотели, чтобы он начал новую жизнь. И нам казалось, что, может быть, такое потрясение, как тюрьма… воспитает его… – проговорил он упавшим голосом. – Однако, прошу вас, продолжайте.

– В тот же вечер, позднее, вашу жену убили. Нанесли смертельный удар. По голове. Кочергой. На ней потом были обнаружены отпечатки пальцев вашего сына. Выяснилось, что похищена значительная сумма денег, которые ваша жена держала в ящике письменного стола. Полиция задержала вашего сына в Драймуте. При нем были найдены деньги, в основном пятифунтовые банкноты.

Имя и адрес, написанные на одном из них, позволили заключить, что эти деньги утром того же дня банк выплатил миссис Аргайл… Ваш сын предстал перед судом. – Колгари помолчал. – Вердикт гласил: преднамеренное убийство.

Убийство… Роковое слово наконец прозвучало, вернее сказать, не прозвучало, а, сдавленное и приглушенное, увязло в толстых портьерах, в книгах, в пушистом ковре… Да, слово можно приглушить или вообще не произнести вслух, а вот само деяние…

– Из разговора с мистером Маршаллом, который на процессе выступал в роли защитника, я понял, что во время ареста ваш сын беззаботно, чуть ли не весело, заявил, что он невиновен. Уверял, что у него неопровержимое алиби на то время, когда, по мнению полиции, было совершено преступление, а именно – между семью и семью тридцатью. По его словам, около семи часов он сел в попутную машину в миле отсюда, на шоссе Редмин – Драймут. Он не разглядел, какой марки машина, так как уже стемнело, но помнит, что цвет у нее то ли черный, то ли темно-синий; за рулем сидел человек средних лет. Было сделано все возможное, чтобы найти машину и водителя, однако обнаружить их не удалось. Даже адвокаты Джека Аргайла были уверены, что всю эту историю – совершенно неубедительную он сочинил на скорую руку…

На суде защитник опирался главным образом на свидетельство психиатров, которые старались доказать, что Джек Аргайл психически неуравновешен. Но судья в своем выступлении камня на камне не оставил от их доводов. Было очевидно, что он настроен резко отрицательно по отношению к обвиняемому. Джека Аргайла приговорили к пожизненному заключению. Через полгода он умер в тюрьме от воспаления легких.

Колгари умолк. Три пары глаз были прикованы к нему. Гвенда Воэн смотрела с доброжелательным вниманием, Эстер – с подозрением, Лео Аргайл – озадаченно.

– Правильно ли я изложил факты? – спросил Колгари.

– Да. Совершенно правильно, – подтвердил Лео, – хотя я пока не понимаю, зачем вам понадобилось воскрешать столь мучительное для нас прошлое, которое мы всячески стараемся забыть.

– Простите меня. Я был вынужден это сделать. Насколько я понимаю, вы согласны с вердиктом?

– Видите ли, если принимать во внимание только голые факты, то следует признать, что совершено убийство. Но если вникнуть в существо дела, то обнаружатся очень веские смягчающие обстоятельства. Мальчик был психически неустойчив, хотя, к сожалению, юристы сочли его вполне дееспособным. Наши нынешние законы слишком несовершенны, они давно устарели. Уверяю вас, доктор, что Рейчел, моя покойная жена, первая простила бы несчастному мальчику его безумный поступок. Она была необычайно умна, добра и тонко понимала психологию людей. Она бы не приговорила его к пожизненному заключению.

– Она знала, что Жако может быть просто ужасен, – сказала Эстер. – Он всегда был такой… Казалось, он не в состоянии ничего с собой поделать.

– Значит, никто из вас не сомневался… – медленно проговорил Колгари, не сомневается, что он виновен?

– Что за вопрос! – воскликнула Эстер. – Конечно нет.

– Не то чтобы виновен… – возразил Лео. – Мне это слово не нравится.

– Действительно, оно тут ни к чему. – Колгари тяжело перевел дух. – Потому что Джек Аргайл невиновен!

Глава 2

Казалось бы, это заявление должно было всех поразить. Ничуть не бывало. Колгари ожидал, что все будут безумно обрадованы, сразу начнут засыпать его вопросами… Ничего подобного. Его слова вызвали только беспокойство и подозрительность. Гвенда Воэн нахмурилась. Эстер уставилась на него широко раскрытыми глазами. Ну что ж, наверное, это естественно, такую новость сразу принять трудно.

Лео Аргайл неуверенно проговорил:

– Вы хотите сказать, доктор Колгари, что разделяете мое мнение? Считаете, что Джек не отвечал за свои действия?

– Я хочу сказать, что он не совершал преступления. Неужели не понятно? Не совершал. Не мог совершить. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, обернувшиеся несчастьем для Джека Аргайла, он бы сумел доказать свою невиновность. Я бы его поддержал.

– Вы?

– Да. За рулем той машины был я, – сказал Артур таким обыденным тоном, что в первый момент смысл его слов не дошел до сознания присутствующих.

Не успели все прийти в себя, как дверь отворилась и вошла та самая простоватая круглолицая женщина.

– Иду мимо, слышу, он говорит, что Жако не убивал миссис Аргайл. С чего он взял? Откуда ему знать? – без всяких предисловий напористо заговорила она.

Внезапно ее гневное лицо слезливо сморщилось.

– Можно я тоже послушаю, – попросила она. – Не могу я стоять в стороне.

– Конечно, Кирсти. Вы член семьи. – Лео Аргайл представил ее. – Мисс Линдстрем, доктор Колгари. Доктор Колгари сообщил нам невероятную новость.

Колгари удивился, что у нее шотландское имя. По-английски она говорила безукоризненно, только интонация была чуть-чуть необычная.

Она с осуждением посмотрела на Колгари и сказала:

– И зачем вы сюда явились? Зачем все это говорите? Только всех расстраиваете! Они смирились со своим горем. А вы снова причиняете им боль. Что случилось, то случилось, на все воля Божия.

Ее самодовольное суесловие возмутило Артура. «Видно, она из тех, кто упивается чужим несчастьем. Ну так лишу ее этой радости», – подумал он.

– В тот вечер, без пяти минут семь, – сухо и деловито заговорил он, – на шоссе Редмин – Драймут я подобрал молодого человека. Он «голосовал» на дороге. Я довез его до Драймута. Мы разговорились. Славный, обаятельный молодой человек.

– Да, Жако был очень обаятельный, – сказала Гвенда. – Все так считали. Его погубил неуемный нрав. И конечно, он был иногда странноватым и не очень щепетильным, – задумчиво добавила она. – Но ведь постороннему это в глаза не бросается.

– Нельзя так о нем говорить, ведь он умер, – тут же поспешила упрекнуть ее мисс Линдстрем.

– Доктор Колгари, продолжайте, пожалуйста, – довольно резко проговорил Лео Аргайл. – Почему вы не объявились тогда?

– Вот именно. – Голос у Эстер срывался. – Почему? Ведь в газетах публиковали объявления, просили откликнуться. Как можно поступать так эгоистично, так жестоко…

– Вот именно. – Голос у Эстер срывался. – Почему? Ведь в газетах публиковали объявления, просили откликнуться. Как можно поступать так эгоистично, так жестоко…

– Эстер, Эстер, – прервал ее отец. – Доктор Колгари еще не закончил.

Колгари обернулся к ней:

– Мне так понятны ваши чувства. Знали бы вы, что чувствую я сам… я никогда себе не прощу… – Он с трудом взял себя в руки. – Позвольте мне закончить свой рассказ. В тот вечер на улицах было очень много машин. Когда мы приехали в Драймут и я высадил молодого человека, имени которого так и не узнал, было уже семь тридцать пять. Это обстоятельство, насколько я понимаю, полностью снимает с Джека Аргайла обвинение, так как, по утверждению полиции, преступление совершено между семью и половиной восьмого.

– Да, – сказала Эстер, – но вы…

– Пожалуйста, потерпите еще немного. Чтобы вам все стало понятно, мне придется рассказать о предшествующих событиях. В Драймуте я на пару дней остановился в квартире моего приятеля. Он моряк и в это время был в плавании. Он и одолжил мне автомобиль. Именно в тот день, девятого ноября, я должен был возвращаться в Лондон. Ехать я решил вечерним поездом, с тем чтобы успеть навестить старую няньку, которую у нас в семье все очень любят. Она живет в небольшом коттедже в Полгарте, это милях в сорока от Драймута. Я заехал к ней, как и собирался. Няня совсем уже старая и немного заговаривается, но меня узнала, безмерно обрадовалась и разволновалась, так как прочла в газетах, что я «еду на полюс», как она выразилась. У нее я пробыл недолго, чтобы не утомлять ее. Возвращаться в Драймут я решил не побережьем, а другим путем. Поехал к северу, на Редмин, чтобы повидать старого каноника Песмарша. У него в библиотеке собрано множество редких книг, в том числе трактат по навигации, откуда мне надо было кое-что скопировать. Почтенный джентльмен не пользуется телефоном, ибо считает его изобретением дьявола, вкупе с радио, телевидением, кино и реактивными самолетами, поэтому я рисковал не застать его дома. Увы, мне не повезло. Дом был заперт. Я посетил церковь, а потом направился в Драймут, замыкая таким образом треугольник, коим можно было бы обозначить на карте мой дневной маршрут. У меня оставалось достаточно времени, чтобы заехать на квартиру, взять чемодан, поставить автомобиль в гараж и успеть на поезд.

По пути, как я уже рассказывал, я подобрал молодого человека и высадил его в Драймуте. Приехав на вокзал, я увидел, что еще успею купить сигареты. Я вышел на улицу, и, когда переходил дорогу, меня сбил грузовик, который на большой скорости вылетел из-за угла.

По свидетельству прохожих, я поднялся на ноги. Видимых повреждений не было, и держался я довольно бодро. Сказал, что все в порядке и что я спешу на поезд. Но когда прибыли на Паддингтонский вокзал, я был в беспамятстве, и меня увезли в больницу. Там обнаружили сотрясение мозга. В медицине известны подобные случаи поздней симптоматики[7].

Через несколько дней я пришел в сознание, но ни о несчастном случае, ни о возвращении в Лондон ничего не помнил. Если говорить точнее, последнее, что удержалось у меня в памяти, – поездка к няне в Полгарт. Потом – полный провал. Меня заверили, что такие последствия совсем не редкость. У меня вроде бы не было оснований считать, что в те часы, которые выпали из моей памяти, произошло что-то из ряда вон выходящее. Никому, в том числе мне самому, и в «голову не приходило, что я мог в тот вечер проезжать по шоссе Редмин Драймут.

Времени до отъезда в экспедицию оставалось совсем мало. Прямо из больницы, где мне был предписан полный покой и куда даже газет не доставляли, я отправился в аэропорт, чтобы лететь в Австралию, а затем в Антарктику. Врачи отнюдь не были уверены в том, что я гожусь для участия в экспедиции, но я пренебрег их сомнениями. Меня целиком захватила подготовка к работе, и мне было не до газет и уж тем более не до криминальной хроники. Потом, после ареста Джека, шумиха в газетах прекратилась, а когда дело дошло до суда и о нем снова сообщалось во всех подробностях, я уже был на пути в Антарктику.

Артур помолчал. Его слушали, затаив дыхание.

– Все обнаружилось примерно месяц назад, когда я вернулся в Англию. Мне понадобились старые газеты, для того чтобы заворачивать образцы, и квартирная хозяйка принесла мне целую кипу, она их держит для растопки. Разложив одну из газет на столе, я увидел фотографию молодого человека, чье лицо мне показалось знакомым. Я попытался вспомнить, где я мог его встретить и кто он, но мне это не удалось. Странно, однако, я помнил, о чем мы с ним говорили, – об угрях. Он как зачарованный слушал сагу о жизни угрей. Но когда? Где? Я прочел, что этот юноша, Джек Аргайл, обвиняется в убийстве и что он сообщил в полиции, что

его подвез до города человек в черном седане.

И тут внезапно у меня в памяти всплыл этот кусок пути. Ведь это я его подвозил до Драймута, где и расстался с ним. Я направлялся домой… Стал переходить улицу, чтобы купить сигареты. Потом перед моим мысленным взором мелькнул грузовик, сбивший меня с ног, дальше – провал, затем – больница. Как я сел в поезд, как приехал в Лондон – ничего не помню. Я снова и снова перечитывал газетную статью. Суд окончился год назад, дело почти забыто. «А-а, это тот парень, который прикончил свою мать, – сказала моя квартирная хозяйка, с трудом припомнив эту давнюю историю. – Не знаю, что с ним сталось, кажется, его повесили». Я перечитал подшивки газет того периода и отправился к мистеру Маршаллу, контора «Маршалл и Маршалл», который вел защиту. От него узнал, что уже слишком поздно и я ничего не смогу сделать для несчастного молодого человека. Он скончался в тюрьме от пневмонии. Однако следует восстановить справедливость, хотя бы ради его памяти. Мы с мистером Маршаллом отправились в полицию. Дело представили прокурору. Маршалл почти не сомневался, что его передадут на рассмотрение министру внутренних дел.

Вы, безусловно, получите от мистера Маршалла подробный отчет, с которым он задержался по моей просьбе, ибо я счел своим долгом лично рассказать вам всю правду. Я просто обязан был пройти через это испытание. Мне уже никогда не избавиться от чувства вины, надеюсь, вы это понимаете. Если бы я проявил большую осторожность, когда переходил улицу… – Он осекся. – Я понимаю, что не имею оснований рассчитывать на вашу доброту… хотя формально я невиновен… Но вы не можете не обвинять меня.

Гвенда взволнованно заговорила. В голосе у нее звучала искренняя доброжелательность:

– Да нет же, мы не виним вас. Просто… так уж случилось. Трагическое… невероятное стечение обстоятельств.

– Они вам поверили? – спросила Эстер. Артур удивленно на нее посмотрел.

– Я говорю, в полиции вам поверили? Вы же могли все это выдумать?

Артур невольно улыбнулся.

– Как свидетель я вполне заслуживаю доверия, – мягко сказал он. – И я не преследую никаких корыстных целей. Полиция очень скрупулезно все проверила медицинские справки, показания очевидцев в Драймуте, подтверждающие мои слова. Мистер Маршалл, как и все юристы, крайне осторожен. Он не желал воскрешать в вас надежды, пока сам не убедится в успехе расследования.

Лео Аргайл беспокойно пошевелился и впервые за все это время нарушил молчание.

– Что вы подразумеваете под словом «успех»?

– Простите, – живо проговорил Колгари. – Это не совсем подходящее слово. Вашего сына обвинили в преступлении, которого он не совершал, подвергли суду, приговорили к наказанию, и он умер в тюрьме. Истина обнаружилась слишком поздно. Но правосудие может свершиться, оно должно свершиться, об этом позаботятся. Вероятно, по представлению министра внутренних дел королева дарует Джеку Аргайлу помилование.

Эстер засмеялась.

– Помилование за то, чего он не совершал?

– Я вас понимаю. Судебная терминология зачастую не передает существа дела. Но это необходимо, чтобы сделать в парламенте запрос. В результате чего будет установлено, что Джек Аргайл не совершал преступления, за которое он осужден, и это получит широкое освещение в прессе.

Артур умолк. Никто не проронил ни слова. Он подумал, что для них это, наверное, слишком большое потрясение… Хоть и приятное.

– Боюсь, что мне больше нечего добавить, – неуверенно проговорил он, вставая. – Кроме того, что я горько сожалею и еще раз прошу меня простить… Вы, я думаю, меня поймете. Кончина Джека Аргайла бросает трагический отсвет и на мою жизнь. Однако, все-таки, – в голосе у него звучали просительные нотки, – ведь важно знать, что он не совершал этого преступления… что его имя… ваше имя не запятнано в глазах общества, не так ли?

Увы! Ответа он не дождался.

Лео Аргайл сидел, сгорбившись в своем кресле. Гвенда не отводила взгляда от его лица. Эстер горестно смотрела в пространство широко открытыми глазами. Мисс Линдстрем, тряхнув головой, проворчала что-то себе под нос.

Колгари, остановившись в дверях, с виноватым видом оглянулся.

Наконец Гвенда Воэн решилась нарушить тягостное оцепенение. Она подошла к Артуру, коснулась его руки и тихо сказала:

– Доктор Колгари, наверное, им надо побыть одним. Слишком сильное потрясение. Нужно время, чтобы все это осмыслить.

Он поклонился и вышел. Мисс Линдстрем двинулась вслед за ним.

– Я вас провожу, – сказала она.

Артур оглянулся и, прежде чем двери закрылись, успел увидеть, как Гвенда Воэн опустилась на колени перед Лео Аргайлом. «Довольно странно», – подумал он.

На лестничной площадке мисс Линдстрем остановилась и сварливо проговорила:

– Вы не в силах воскресить Джека. Так зачем напоминать им все это? Они уже смирились со своим горем. А теперь снова будут страдать. Лучше бы вам не вмешиваться.

Вид у нее был раздраженный.

– Необходимо вернуть Джеку Аргайлу доброе имя, – возразил Артур Колгари.

– Подумаешь, какие нежности! У них ведь жизнь уже наладилась. Да где вам понять! Нет чтобы прежде подумать! И почему люди никогда не думают?! – Она топнула ногой. – Поймите, мне они как родные! Ведь я приехала сюда в сороковом году, помогать миссис Аргайл, когда она устроила здесь ясли – была война, и много детей осталось без крова. Уж как мы старались. Все для них делали. Было это почти восемнадцать лет назад. И теперь, когда она умерла, я осталась здесь. Присматриваю за ними, слежу, чтобы в доме было уютно и чисто, чтобы они хорошо питались. Я их всех люблю, да, люблю! А Жако… трудный был мальчик. Его я тоже любила. Но… какой он был трудный!

Она резко развернулась и ушла, забыв, что собиралась проводить гостя. Артур медленно спустился в прихожую. Он замешкался у входной двери, пытаясь открыть хитрый замок, и вдруг услышал за спиной легкие шаги. По лестнице сбежала Эстер.

Она щелкнула предохранителем и отворила дверь. Теперь они стояли, глядя друг на друга. Почему она смотрит на него так горестно, с таким упреком? Он терялся в догадках.

– Зачем вы пришли? Зачем вы только пришли? – выпалила она.

Он беспомощно посмотрел на нее.

– Ничего не понимаю. Разве вы не хотите вернуть вашему брату доброе имя? Не хотите, чтобы восторжествовала справедливость?

– Справедливость! – бросила она презрительно.

– Не понимаю… – повторил он.

– Снова вы со своей справедливостью! Разве для Жако оно имеет значение? Он умер. Теперь дело не в Жако. Дело в нас!

– В каком смысле?

– Не столь важно, виновен ли он. Важно, что мы все невиновны.

Она схватила его за руку, так что ее ногти впились ему в ладонь.

– Теперь все дело в нас. Неужели вы не понимаете, что вы натворили?

Он, стоя в дверях, молча смотрел на девушку.

– Доктор Колгари? – раздался голос из темноты, где смутно маячил силуэт мужчины. – Такси до Драймута заказывали? Машина ждет вас, сэр.

– Да… благодарю вас.

Колгари снова повернулся к Эстер, но она уже скрылась в доме.

Дверь с шумом захлопнулась.

Глава 3

Эстер медленно поднималась по ступеням, задумчиво откидывая с высокого лба свои густые каштановые волосы. На лестничной площадке стояла Кирстен Линдстрем.

– Ушел?

– Да.

– Ты так перенервничала, Эстер. – Кирстен мягко положила руку на плечо девушки. – Пойдем ко мне. Глоточек бренди тебе не помешает. Легко ли такое вынести.

– Спасибо, Кирсти. Что-то не хочется.

– Мало ли что не хочется, а надо, это тебя подбодрит. Девушка не стала противиться, и Кирстен повела ее по коридору к себе, в свою маленькую гостиную.

– Свалился как снег на голову, – раздраженно сказала она, глядя на Эстер, которая чуть-чуть пригубила из стакана. – Хоть бы предупредил. А что ж мистер Маршалл, почему он не написал заранее?

– Думаю, доктор Колгари ему не позволил. Хотел сам нам сообщить.

– Хотел сообщить! Нет чтобы подумать, каково нам будет это узнать!

– Наверное, ожидал, что мы обрадуемся, – проговорила Эстер каким-то безжизненным голосом.

– Обрадуемся, не обрадуемся – все равно это как обухом по голове. Не надо ему было ничего затевать.

– Но что ни говори, с его стороны это мужественный поступок. – Лицо девушки порозовело. – Представляю, как нелегко ему было. Прийти к людям и сказать, что член их семьи, осужденный за убийство и умерший в тюрьме, на самом деле невиновен. Нет, тут нужно много мужества… Но уж лучше бы доктор Колгари струсил и не пришел, – добавила она.

– Да уж конечно, – с готовностью подхватила мисс Линдстрем.

Эстер посмотрела на нее с живым интересом, на миг отвлекшись от своей рассеянной озабоченности.

– Значит, ты тоже так считаешь, Кирсти? А мне казалось, что только я.

– Не так уж я глупа, – проворчала мисс Линдстрем. – Во всяком случае, могу представить себе такие последствия, о которых твой доктор Колгари и не подозревает.

Эстер поднялась.

– Надо пойти к отцу, – вздохнула она. Кирстен Линдстрем кивнула.

– Да. Ему теперь надо подумать, как лучше поступить. Когда Эстер вошла в библиотеку, Гвенда Воэн набирала по телефону номер. Лео Аргайл поманил дочь, та приблизилась и села на подлокотник его кресла.

– Пытаемся связаться с Мэри и Микки, – пояснил он – Надо им все рассказать.

– Алло! Миссис Даррант? Мэри? Это Гвенда Воэн. С вами хочет поговорить ваш отец. Лео подошел, взял трубку.

– Мэри? Как поживаешь? Как Филип?.. Хорошо. Случилось нечто из ряда вон выходящее… Видимо, надо сейчас же тебе все рассказать. У нас только что был некий доктор Колгари. Он пришел с письмом от Эндрю Маршалла. Это по поводу Жако. Оказывается – просто невероятно! – оказывается, все, что говорил Жако о том, как поймал на шоссе какой-то автомобиль, в котором доехал до Драймута, чистая правда. Этот доктор Колгари его и подвез. – Лео умолк и стал слушать, что говорит ему дочь. – Да, хорошо, Мэри. Не стану сейчас вдаваться в подробности… Вовремя не заявил из-за несчастного случая. Сотрясение мозга. Все абсолютно достоверно. Думаю, мы должны как можно скорее собраться у нас и поговорить. Может быть, и Маршалл сумеет приехать. Необходимо посоветоваться с хорошим юристом. Не

могли бы вы с Филипом?.. Да… Да, понимаю. Но, дорогая, я в самом деле считаю, что это крайне важно… Да… хорошо, перезвони позже, если хочешь. Попытаюсь поговорить с Микки. – Он положил трубку.

К нему подошла Гвенда Воэн.

– Позвольте, я попробую дозвониться Микки?

– Гвенда, можно я сначала позвоню Доналду? – сказала Эстер.

– Конечно, – сказал Лео. – Ты ведь сегодня вечером собираешься с ним встретиться, да?

– Собиралась, – уточнила Эстер. Отец бросил на нее внимательный взгляд.

– Ты очень огорчена, дорогая?

– Сама не знаю, – сказала Эстер и, подойдя к телефону, набрала номер. Скажите, пожалуйста, могу я поговорить с доктором Крейгом? Да. Да. Эстер Аргайл.

Она подождала, когда он подойдет.

– Это вы, Доналд?… Кажется, сегодня я не смогу пойти с вами на лекцию… Нет, не заболела, просто мы… просто нам сообщили довольно странную новость.

Эстер, прикрыв трубку рукой, посмотрела на отца:

– Наверное, не стоит ему говорить?

– Ну отчего же? – медленно сказал Лео. – Тут нет никакой тайны. Только я попросил бы Доналда пока больше никого в это не посвящать. Ты же понимаешь, поползут слухи, наговорят Бог знает чего.

– Да, понимаю. – Она снова заговорила в трубку:

– Вообще-то это хорошая новость, Доналд, но… но мы так потрясены. Не хотелось бы говорить по телефону… Нет-нет, не приходите… Пожалуйста, не надо. Не сегодня. Может быть, завтра. Речь идет о Жако. Да… да, о моем брате… Выяснилось, что он не виновен в убийстве… Пожалуйста, Доналд, пока никому ничего не говорите, завтра я вам все расскажу… Нет, Доналд, нет… Сегодня я не в состоянии ни с кем видеться, даже с вами… Пожалуйста. И не надо ничего говорить, – Она положила трубку.

Гвенда подошла к телефону и попросила соединить ее с Драймутом.

– Эстер, почему ты не пошла с Доналдом на лекцию? – ласково спросил Лео. Отвлеклась бы немного.

– Не хочется, папа. Да я просто не в состоянии.

– Ты так говорила… Ему, наверное, показалось, что это для нас дурная новость. Понимаешь, Эстер, на самом деле все не так. Да, мы испытали потрясение, но мы рады… счастливы… Разве может быть иначе?

– Значит, так и будем всем говорить, да?

– Дитя мое… – предостерегающе начал Лео.

– Но ведь это не правда! На самом деле новость просто ужасная.

– Микки на проводе, – сказала Гвенда. Лео подошел, взял у нее из рук трубку и повторил сыну все, что говорил дочери. Микки отнесся к сообщению совсем не так, как Мэри. Не возражал, не удивлялся, не сомневался. Принял все как само собой разумеющееся.

– Ну и ну, – сказал он. – Значит, объявился свидетель! Не поздновато ли? Сколько времени прошло! Ну и ну, чертовски не повезло Жако в ту ночь… Да, согласен, нам надо собраться как можно скорее и заполучить Маршалла. – И вдруг он прыснул, как, бывало, в детстве. Лео хорошо помнил этот его смешок. Микки, тогда совсем еще маленький мальчик, играл, бывало, в саду под окном, – Значит, будем теперь гадать, кто из нас это сделал. То-то забавная игра получится!

Лео со стуком положил трубку и отошел от телефона.

– Что он говорит? – спросила Гвенда. Он передал ей слова Микки.

– По-моему, глупая шутка, – сказала она. Лео бросил на нее быстрый взгляд.

– Хорошо, если так, – тихо проговорил он.

* * *

Мэри Даррант подошла к вазе с хризантемами, аккуратно подобрала опавшие лепестки и бросила их в мусорную корзину. Мэри была высокая двадцатисемилетняя женщина с безмятежным лицом. Хотя морщин у нее еще не появилось, выглядела она старше своих лет, видимо, оттого, что в ее облике угадывались присущие ей степенность и серьезность. Она была безусловно красива, но напрочь лишена обаяния. Правильные черты лица, гладкая кожа, яркие голубые глаза, светлые, гладко зачесанные волосы, собранные у шеи в большой пучок. Такая прическа снова вошла тогда в моду, однако Мэри носила ее отнюдь не по этой причине. Просто она никогда не отступала от своего собственного стиля. Ее внешность, впрочем как и ее дом, была безупречно опрятной и ухоженной. Пыль, грязь, беспорядок причиняли ей невыносимые страдания.

Филип Даррант, сидя в своем инвалидном кресле, наблюдал, как тщательно она подбирает лепестки, как аккуратно кладет их в корзину.

– Чистюля, – сказал он, улыбаясь. – Каждая вещь должна лежать на своем месте. – Он засмеялся, но в его смехе слышалось легкое раздражение. Тем не менее Мэри Даррант хранила невозмутимое спокойствие.

– Что делать, люблю порядок, – согласилась она. – Знаешь, Фил, тебе самому станет противно, если учинить в доме кавардак.

– Во всяком случае, уж я-то не способен ничего учинить, – с едва приметной горечью пошутил он.

Вскоре после того, как они поженились, Филип Даррант перенес тяжелый полиомиелит, осложнившийся параличом. Для Мэри, которая его обожала, он стал не только мужем, но и ребенком. Порой ее деспотичная любовь была ему в тягость. Мэри не хватало ума понять, что

ее радость от сознания того, что он полностью от нее зависит, порою очень его раздражает.

Он заговорил так поспешно, будто боялся, что она начнет ему соболезновать.

– Ну и новости у твоего отца! Уму непостижимо! Столько времени прошло… Как ты можешь с таким спокойствием к этому относиться?

– До меня, наверное, еще не дошло… Это же просто невероятно. Сначала я даже не могла понять, о чем он толкует. Если бы позвонила Эстер, я бы подумала, что это плод ее воображения. Ты же знаешь, какая она фантазерка.

Выражение горечи в лице Филипа Дарранта стало чуть менее заметным.

– Пылкая, мятежная душа, она сама ищет страдание и обречена страдать.

Мэри отмахнулась от его слов. Чужие души ее не занимали.

– Видимо, это все-таки правда? Или он все выдумал, как ты думаешь?

– Кто? Этот разиня-ученый? Хорошо бы, если так, но, кажется, Эндрю Маршалл отнесся к делу весьма серьезно. У фирмы «Маршалл и Маршалл» прожженные законники, их не проведешь, уверяю тебя.

Мэри Даррант нахмурилась:

– Фил, что из всего этого следует?

– Что следует? А то, что Жако будет полностью реабилитирован. Если, конечно, официальные власти сами убедятся… И по-моему, у них вряд ли возникнут сомнения.

– Ну что ж, – с легким вздохом сказала Мэри, – вот и славно.

Филип Даррант снова засмеялся, горько скривив губы.

– Ну, Полли, ты меня уморишь!

Это имя, которым называл Мэри Даррант только ее муж, до смешного не соответствовало ее монументальной наружности. Мэри взглянула на мужа с некоторым удивлением:

– И чем же я тебя так позабавила?

– Своим благостным тоном. Ни дать ни взять патронесса на благотворительном базаре, снисходительно взирающая на шедевры провинциального рукоделия.

– Но это действительно очень хорошо! – недоуменно проговорила Мэри. – А то ведь все считают, что в нашей семье убийца! Не станешь же ты утверждать, что тебя это совсем не задевало.

– Ну, не совсем в нашей.

– Какая разница! Вспомни, сколько было тревог, как неловко мы себя чувствовали! А все эти любопытные! Просто дрожат от нетерпения в ожидании сенсаций. Как я их ненавидела!

– Но держалась ты отменно. Бывало, как смеришь всех своим ледяным взглядом… Осаживала

так, что им совестно становилось. Удивительно, как ты умеешь скрывать свои чувства.

– Мне было ужасно противно. Просто отвратительно. Но когда он умер, все кончилось. А теперь – теперь, я думаю, снова начнут ворошить прошлое. Так утомительно!

– Да, – задумчиво проговорил Филип Даррант. Он передернулся, по лицу едва заметно прошла гримаса боли. Мэри тотчас бросилась к нему:

– Что, снова спазмы? Подожди! Дай я поправлю подушку. Ну вот. Так удобнее?

– Тебе бы быть сиделкой.

– Ну уж нет! Не хочу ни за кем ухаживать. Только за тобой, – просто сказала она.

Какие глубокие чувства угадывались за этими скупыми словами!

Зазвонил телефон, Мэри подошла, сняла трубку.

– Алло… Да… слушаю… А, это ты… Это Микки, – сказала она Филипу. Да… да, мы знаем. Папа звонил… Да, конечно… Да… Да… Раз юристы не сомневаются, говорит Филип, значит, так оно и есть… Но, Микки, честное слово, я не понимаю, отчего ты так нервничаешь… Не думай, не настолько уж я тупа… Микки, послушай, по-моему… Алло!.. Алло?.. Дал отбой… – Она в сердцах положила трубку. – Правда, Филип, я не могу понять Микки.

– Что он говорит?

– Ну, он очень взвинчен. Говорит, что я тупая, не представляю последствий. Говорит, теперь такое начнется… Но почему? Мне не понятно.

– Кажется, он струсил, – задумчиво проговорил Филип.

– Почему?

– Видишь ли, он прав. Последствия не заставят себя ждать.

Мэри немного встревожилась.

– В том смысле, что снова заговорят об этом деле? Конечно, я рада, что с Жако сняли обвинения, но ужасно, если опять начнутся пересуды.

– Не просто пересуды, а нечто посерьезнее. Мэри вопросительно на него посмотрела.

– Полиция тоже вмешается.

– Полиция?! – удивилась Мэри. – С какой стати?

– А ты подумай, душечка. Мэри подплыла к нему, села рядом.

– У них на руках снова оказывается нераскрытое преступление, понимаешь? сказал Филип.

– Да не будут они суетиться – столько времени прошло!

– Боюсь, дорогая, ты выдаешь желаемое за действительное.

– Неужели они захотят ворошить прошлое? Они же показали себя полными идиотами,

арестовав Жако.

– Они-то, может, и не хотят, но придется. Это их долг.

– Ох, Филип, надеюсь, ты ошибаешься. Поговорят-поговорят и угомонятся.

– И мы снова заживем спокойно, – насмешливо закончил Филип.

– А почему бы нет? Он покачал головой:

– Не так все просто… Твой отец прав. Нам надо собраться и поговорить. И вызвать Маршалла. Тут он тоже прав.

– Ты хочешь… ехать в «Солнечный мыс»?

– Да.

– Но это немыслимо.

– Почему?

– Потому что неосуществимо. Ты не можешь передвигаться и…

– Могу, – раздраженно возразил Филип. – Чувствую себя вполне бодрым, никакой слабости. Только ноги вот подвели. Я мог бы добраться до Тимбукту[8], мне бы подходящий транспорт.

– Нет, уверена, поездка в «Солнечный мыс» пойдет тебе во вред. Ворошить это ужасное дело…

– А мне-то что.

– И я себе не представляю, как можно оставить дом. Только и слышишь о кражах да грабежах, особенно по ночам.

– Попросим кого-нибудь присмотреть, пока нас не будет.

– Легко сказать! А кого просить-то?!

– Да хоть эту старушку, миссис… ну как ее там… которая каждый день сюда приходит. Хватит придумывать всякие отговорки, Полли. Просто ты сама не хочешь ехать, вот и все.

– Нет, я хочу.

– Поедем ненадолго, – примирительно сказал Филип. – Но ехать, по-моему, надо обязательно. В такой момент семья должна действовать сплоченно. Нужно договориться, как себя вести.

* * *

Колгари приехал в Драймут, остановился в гостинице, рано пообедал здесь же в ресторане и поднялся к себе в номер. Он никак не мог прийти в себя после визита в «Солнечный мыс». Он, конечно, понимал, что испытание ему предстоит тяжкое, и собрал всю свою силу воли, чтобы выдержать его достойно. Как он и предвидел, Аргайлам пришлось пережить мучительные минуты, они были потрясены. Но разве такой реакции он от них ожидал! Он бросился на кровать, закурил сигарету, снова и снова мысленно возвращаясь в «Солнечный мыс».

Перед ним, как живое, стояло лицо Эстер, каким он его запомнил, когда она его провожала. С каким презрением она отвергла его попытку заговорить о справедливости! Как она сказала? «Не столь важно, виновен ли он. Важно, что мы все невиновны». И еще: «Что вы с нами сделали? Неужели не понимаете?» Что же он такого сделал? Непостижимо.

А остальные? Эта женщина, которую они называют Кирсти… Почему Кирсти? Ведь это шотландское имя. А она не шотландка, а датчанка или, может быть, норвежка… Почему она так враждебно с ним разговаривала, будто он в чем-то виноват?

Лео Аргайл тоже какой-то странный – замкнутый, отрешенный. Естественная реакция, казалось бы: «Слава Богу, сын невиновен!» Так ничего подобного!

Лео Аргайл тоже какой-то странный – замкнутый, отрешенный. Естественная реакция, казалось бы: «Слава Богу, сын невиновен!» Так ничего подобного!

И эта девушка, секретарь Лео. Держалась дружелюбно, старалась помочь. Но тоже вела себя после его сообщения как-то странно. Артуру вспомнилось, как она опустилась на колени у кресла Лео Аргайла. Будто… будто испытывала жалость к нему, хотела утешить. А в чем, собственно, утешить? В том, что его сын не убийца? И, конечно… конечно, ощущение такое, что она для него не просто секретарь, пусть даже с многолетним стажем… Что все это значит? Почему они…

На столике у кровати зазвонил телефон. Артур снял трубку.

– Алло?

– Доктор Колгари? Тут вас спрашивают.

– Меня?

Артур был удивлен. Вроде бы он никому не говорил, что заночует в Драймуте.

– Кто?

Пауза, потом снова голос портье:

– Мистер Аргайл.

– О, передайте ему… – Артур Колгари чуть не сказал, что сейчас спустится в холл, но вдруг сообразил: если Лео Аргайл последовал за ним в Драймут и даже разыскал его гостиницу, значит, дело у него такое, которое неудобно обсуждать на людях.

– Пожалуйста, попросите его подняться ко мне в номер.

Артур встал с постели и принялся расхаживать туда-сюда, пока не раздался стук в дверь.

– Входите, мистер Аргайл… – сказал Артур, отворяя дверь. – Я… – Он осекся, увидев вошедшего. Это был не Лео Аргайл. Это был загорелый молодой человек с красивым, но недобрым лицом. Такие высокомерные желчные лица бывают у неудачников…

– Принимайте нежданного гостя, – проговорил молодой человек. – Думали, что это мой отец? Я Майкл Аргайл.

Topreading.ru

– Входите. – Артур затворил за ним дверь. – Как вы узнали, что я здесь? спросил он, протягивая молодому человеку портсигар.

Майкл Аргайл взял сигарету и сказал с коротким неприятным смешком:

– Проще простого! Дай, думаю, обзвоню крупные гостиницы, может, вы ночуете в Драймуте. Попал со второго раза.

– Зачем вам понадобилось со мной встречаться?

– Хотел взглянуть, что вы за птица… – с расстановкой проговорил Майкл Аргайл.

Он окинул Колгари оценивающим взглядом: чуть сутулые плечи, седеющие волосы, тонкое нервное лицо.

– Стало быть, вы из тех героев, кто покоряет Антарктику. Вид у вас не слишком цветущий. Артур Колгари едва заметно улыбнулся.

– Наружность порой обманчива, – сказал он. – Сил у меня достаточно. Ведь требуется не только физическое здоровье. Есть и другие, не менее важные качества: выносливость, терпение, специальные знания.

– Сколько вам лет? Сорок пять?

– Тридцать восемь.

– А выгладите старше.

– Да… вероятно, – Внезапная печаль кольнула ему сердце, когда он смотрел на этого вызывающе молодого, сильного парня. – Зачем вам понадобилось видеть меня? – снова отрывисто спросил он.

Майкл Аргайл нахмурился:

– Неужели непонятно? Мне стало известно то, что вы сообщили. О моем покойном брате. Колгари промолчал.

– Не поздновато ли для бедняги? – продолжил тогда Майкл Аргайл.

– Да. Слишком поздно… для него, – тихо проговорил Артур Колгари.

– А почему скрывали? Что там еще за сотрясение какое-то? Что за бредни?

Колгари терпеливо все рассказал. К собственному удивлению, он обнаружил, что грубый, почти оскорбительный тон молодого человека придает ему уверенности. Этому юнцу, по крайней мере, не безразлично, что сталось с его братом.

– Значит, суть в том, что у Жако алиби. Вы уверены, что точно вспомнили время?

– Абсолютно уверен, – твердо сказал Артур Колгари.

– Но почему? Вы, ученые, – порядочные растяпы. Где, когда – обычно такие мелочи вас не волнуют. Слова молодого человека позабавили Артура Колгари.

– Наверное, в вашем представлении ученый – эдакий рассеянный профессор изящной словесности, который надевает разные носки, забывает, какое сегодня число и где он находится? Мой юный друг, научная работа требует предельной точности в определении количественных и временных показателей, безошибочности расчетов. Уверяю вас, я не мог ошибиться. Я подобрал вашего брата примерно около семи и высадил его в Драймуте в тридцать пять минут восьмого.

– Может быть, ваши часы врали. Или врали часы, которые были у вас в машине.

– И те и другие показывали одно и то же время.

– Жако мог заморочить вам голову. На это он был мастер.

– Ничего подобного. Почему вы стараетесь внушить мне, что я ошибся? проговорил Артур, начиная раздражаться. – Мне было нелегко убедить официальные власти, что они осудили невинного человека. Но этого я ожидал. Но никак не ожидал, что так трудно будет убедить его собственную семью.

– Значит, вы уже поняли это?

– Да, понял. И это, по-моему, весьма странно. Микки бросил на него цепкий взгляд.

– Так, значит, вам никто не поверил?

– Да, мне так показалось…

– Вам не показалось. Именно так оно и есть. И если вдуматься, тут нет ничего странного.

– Почему? Ваша матушка убита, в ее смерти обвиняют вашего брата и сажают в тюрьму. И теперь выясняется, что он невиновен. Вы должны испытывать облегчение, благодарность. Это же ваш брат.

– Он мне не брат. А она – не мать.

– Как?

– Разве вам не сказали? Мы все приемные. Старшую «сестру» Мэри удочерили в Нью-Йорке. Остальных – во время войны. Моя, как вы выразились, «матушка» не могла иметь детей. Вот и создала себе эту очаровательную семейку. Мэри, я. Тина, Эстер, Жако. Прекрасный, удобный дом, беззаветная материнская любовь… Со временем она даже забыла, что мы ей не родные. Но с Жако ей здорово не повезло, хотя он тоже стал ее «дорогим сыночком».

– Я и не подозревал об этом.

– Поэтому нечего взывать к моим родственным чувствам – «ваша матушка», «ваш брат»! Жако был мерзавец!

– Но не убийца, – твердо сказал Артур. Микки кивнул.

– Значит, вы стоите на своем. Ладно, предположим, Жако ни при чем. Тогда кто ее убил? Вам и в голову не пришло подумать об этом… Подумайте хоть сейчас… Может, тогда поймете, что вы натворили .

Он круто повернулся и вышел.

Глава 4

– Я вам так признателен, мистер Маршалл, что вы согласились еще раз встретиться со мной, – говорил Артур извиняющимся тоном.

– Не стоит благодарности.

– Вам ведь известно, что я побывал в «Солнечном мысе», повидался с семьей Джека Аргайла?

– Да, конечно.

– Полагаю, вам было бы интересно узнать об этом подробнее?

– Весьма интересно.

– Видите ли, я не думал, что все так обернется… Вероятно, вас удивляет, что я снова к вам обратился?

– Да пожалуй, нет, – проронил мистер Маршалл. Говорил он, как обычно, скупо и сдержанно, но Артуру в его голосе послышались подбадривающие нотки.

– Видите ли, мистер Маршалл, я полагал, что своим признанием поставлю точку в этом деле. Разумеется, я предвидел, что вызову у Аргайлов, как бы это сказать… праведное негодование, что ли. Хотя сотрясение мозга можно расценивать как своего рода стихийное бедствие, они чисто по-человечески были вправе питать ко мне враждебность. К этому я был готов. Однако все же надеялся, что, несмотря на их обиду, буду вознагражден благодарностью за то, что, вернул Джеку Аргайлу доброе имя. Но все обернулось совсем не так, как я ожидал. Совсем не так.

– Понимаю.

– Мистер Маршалл, вы… вы предвидели нечто подобное? Помню, в тот раз я ушел от вас в некоторой растерянности, поскольку чувствовал, что вы довольно скептически относитесь к моему намерению. Неужели вы знали наперед, что Аргайлы воспримут эту новость таким образом?

– Доктор Колгари, вы пока еще мне не рассказали, как они ее восприняли.

Артур Колгари придвинулся поближе к столу.

– Я думал, что ставлю точку в деле Джека Аргайла, поменяв концовку, как бы это сказать, уже написанной трагедии. Однако мне намекнули, вернее даже, заставили понять, что я, сам того не ведая, дополнил эту трагедию новым актом. Как вы считаете, я правильно истолковал их отношение?

Мистер Маршалл неторопливо кивнул.

– Да. Вероятно, так оно и есть. Откровенно говоря, я сразу тогда подумал, что вы не понимаете всех тонкостей этого дела. Да и откуда вам было это понять. Вам ведь было известно только то, что известно всем и о чем сообщалось в прессе.

– Да-да, теперь я это понял. – Артур чуть повысил голос и взволнованно проговорил:

– Ни облегчения, ни благодарности они не почувствовали. Их охватил страх. Страх перед тем, что их ждет. Ведь так?

Маршалл сказал осторожно:

– Возможно, вы и правы. Но учтите: я не стал бы утверждать это в столь категоричной форме.

– И все-таки вы допускаете, что я прав? Но в таком случае я не могу спокойно вернуться к своей работе. Я-то думал, что в какой-то мере загладил перед ними вину… А что получилось? Только внес смуту в жизнь этих людей. И было бы верхом непорядочности взять и умыть теперь руки.

Мистер Маршалл деликатно покашлял.

– Не кажется ли вам, доктор Колгари, что вы слишком все усложняете?

– Нет, не кажется. Я искренне считаю, что надо отвечать за свои поступки, и не только за сами поступки, но и за их последствия. Два года назад я подобрал молодого человека, который «голосовал» на шоссе. И тем самым обусловил некий ряд событий. Теперь я не вправе отстраниться.

Мистер Маршалл деликатно покашлял.

– Не кажется ли вам, доктор Колгари, что вы слишком все усложняете?

– Нет, не кажется. Я искренне считаю, что надо отвечать за свои поступки, и не только за сами поступки, но и за их последствия. Два года назад я подобрал молодого человека, который «голосовал» на шоссе. И тем самым обусловил некий ряд событий. Теперь я не вправе отстраниться.

Мистер Маршалл скептически покачал головой.

– Ну хорошо, – нетерпеливо заговорил Артур Колгари. – Называйте это прихотью, чудачеством, если угодно. Но задеты мои чувства, моя совесть. Я желал только одного – загладить свою вину за то, чего не смог предотвратить. Но у меня ничего не получилось. Непостижимым образом я лишь усугубил страдания людей, которые и без того пережили страшную трагедию. Не могу понять, почему так случилось.

– Ну, конечно, не можете. Ведь целых полтора года вы были отрезаны от мира. Не читали газет и знать не знали ни об этом судебном процессе, ни о семье Аргайлов. Будь вы в Англии, вы просто не могли бы не услышать об этом громком деле, даже если бы не имели обыкновения просматривать криминальную хронику. Все обстоятельства, связанные с делом Аргайла, в свое время были преданы широкой гласности. Теперь все сводится к одному: если это преступление совершил не Джек Аргайл – а, по вашим словам, он не мог этого сделать, – то кто? Давайте вернемся к началу истории. Убийство было совершено ноябрьским вечером между семью и половиной восьмого. Миссис Аргайл находилась у себя в доме, в окружении семьи и домочадцев. Двери и окна были надежно заперты, и если кто-то вошел в дом, то его впустила сама миссис Аргайл. Иными словами, это не мог быть чужой. Не могу не вспомнить дело Борденов в Америке. Однажды воскресным утром мистер Борден и его жена были зарублены топором. Никто ничего не слышал и не видел, в дом никто не входил. Теперь вы понимаете, почему Аргайлы почувствовали не облегчение, а тревогу?

– То есть они бы предпочли, чтобы был виновен Джек Аргайл? – с расстановкой проговорил Артур Колгари.

– Да-да, безусловно. Как ни цинично это звучит с точки зрения Аргайлов, Джек – самый подходящий кандидат на роль убийцы. Трудный ребенок, потом неуправляемый подросток и, наконец, молодой человек с необузданным нравом. Близкие нашли ему оправдание. О нем скорбели, ему сочувствовали и, ссылаясь на психиатров, убеждали себя и других, что он не мог отвечать за свои действия. Да, для семьи Аргайлов это был очень удобный выход.

– А теперь… – Артур осекся.

– Теперь, разумеется, все повернулось иначе. Теперь в их стане, наверное, тревога.

Артур пристально посмотрел на мистера Маршалла:

– Для вас ведь мои показания тоже нежелательны, не так ли?

– Должен признаться, что вы правы. Да. Не могу скрыть, что я был… потрясен. Дело, которое было благополучно – да, позволю себе употребить это слово – благополучно закрыто, теперь нужно вытаскивать из архива.

– Это официальная точка зрения? То есть полиция обязана провести повторное расследование?

– О, безусловно. Когда Джека Аргайла признали виновным на основании многочисленных улик – присяжные совещались всего четверть часа, – дело закончилось. Но если ему посмертно даровали амнистию, значит, дело заново открывается.

– И полиция начнет новое расследование?

– Я бы рискнул ответить утвердительно. – Мистер Маршалл задумчиво потер подбородок. – Конечно, прошло столько времени, да и дело такое необычное, что вряд ли они чего-нибудь достигнут… Лично я не думаю. Ну, установят, что виновен кто-то из домочадцев. Может быть, даже выдвинут достаточно убедительную версию относительно конкретного лица. Но добыть убедительные доказательства будет весьма затруднительно.

– Понимаю. Понимаю… Именно это она и подразумевала.

– О ком вы говорите? – насторожился мистер Маршалл.

– Об этой девушке. Об Эстер Аргайл.

– Ах, об Эстер. И что же она вам сказала? – заинтересованно проговорил мистер Маршалл.

– Сказала, что не столь важно, виновен ли Жако, гораздо важнее, что невиновны остальные. Теперь я понял смысл ее слов…

Маршалл бросил на него острый взгляд:

– Надеюсь.

– Она имела в виду то, о чем вы только что говорили. Что семья во второй раз попадет под подозрение…

– Не во второй, а в первый раз, – перебил его Маршалл. – Раньше семью ни в чем не

подозревали. Все улики с самого начала указывали только на Джека Аргайла.

Но Артур лишь слабо махнул рукой в ответ на это возражение и продолжил.

– Семья попадет под подозрение, – повторил он, – и, вероятно, на долгое время, может статься, навсегда. Возможно, они сами не знают, кто из них виновен на самом деле. Начнут следить друг за другом, гадать… Вот что самое отвратительное. А они, скорее всего, действительно не знают, кто именно…

Наступило молчание. Маршалл смотрел на Колгари пытливым взглядом, но ничего не говорил.

– Поймите, это ужасно, – сказал Колгари. На его худом выразительном лице отражались охватившие его чувства.

– Ужасно… Жить в неведении год за годом, изводя друг друга подозрениями… И постепенно исчезнет любовь, исчезнет доверие…

Маршалл покашлял.

– Не кажется ли вам… э-э… что вы чересчур сгущаете краски?

– Нет. Не думаю. Извините меня, мистер Маршалл, но, по-моему, я более ясно, нежели вы, могу представить себе последствия… То, чем обернется это неведение…

Снова наступило молчание.

– Пострадают невиновные, – продолжал Артур, – а этого быть не должно. Вот почему… вот почему я не могу просто так уйти, сказав себе: «Я совершил благое дело – искупил, насколько мог, свою вину, восстановил справедливость». Но весь парадокс в том, что ни о какой справедливости вообще не может идти речи – пока преступник не осужден, невиновные не избавлены от подозрений.

– По-моему, вы чересчур эмоциональны, доктор Колгари. То, что вы говорите, безусловно верно, но не представляю себе, что вы можете предпринять.

– Я тоже, – честно сознался Колгари. – Но я должен попытаться. Потому я к вам и пришел, мистер Маршалл. Я хочу – и, надеюсь, даже имею право – знать все обстоятельства этого дела.

– О, конечно, – с готовностью согласился мистер Маршалл. – Тут нет никаких секретов. Могу сообщить вам все, о чем вы пожелаете узнать. Но предупреждаю: я располагаю только фактами. Я не был на короткой ноге ни с кем из Аргайлов. Итак, начнем. Наша контора несколько лет обслуживала миссис Аргайл. Мы сотрудничали при учреждении доверительных фондов[9], обеспечивая юридическую сторону дела. Саму миссис Аргайл я знал достаточно хорошо и с ее мужем тоже был знаком. Но о царившей в «Солнечном мысе» атмосфере, о характерах и нравах его обитателей знал, можно сказать, понаслышке, от миссис Аргайл.

– Это понятно, но нельзя ли начать с самого начала. Мне сказали, что собственных детей у нее не было, что всех их она усыновила и удочерила, так ли это?

– Да. Миссис Аргайл, урожденная Рейчел Констем, была единственной дочерью Рудолфа Констема, человека очень состоятельного. Ее мать, американка, тоже владела порядочным состоянием. Рудолф Констем много занимался благотворительностью и дочери тоже привил вкус к филантропии[10]. Когда родители погибли в авиакатастрофе, Рейчел все огромное

состояние, унаследованное ею, потратила на то, что условно можно назвать благотворительным предпринимательством. Она входила во все тонкости и нередко даже сама брала на себя кое-какие организационные хлопоты при устройстве детских приютов, больниц и школ. На этом поприще она и встретилась с Лео Аргайлом, преподавателем Оксфордского университета, тоже увлеченным идеями экономического и социального реформирования. Миссис Аргайл не могла иметь детей, и это было для нее настоящей трагедией, омрачавшей – такова уж участь бесплодных женщин – всю ее жизнь. Так вот, если вы хотите понять ее психологию, об этом нельзя забывать. После лечения у разных медицинских светил она поняла, что у нее нет надежды стать матерью, и прибегла к тому утешению, которое ей было доступно. В Нью-Йорке, в каких-то трущобах она подобрала ребенка, девочку, и удочерила ее. Теперь это миссис Даррант. А после этого миссис Аргайл целиком посвятила себя детям, нуждающимся в милосердии. Когда в тридцать девятом разразилась война, она под патронажем Министерства здравоохранения основала что-то вроде детского приюта, купив для этой цели дом, который назвала «Солнечный мыс» и в котором вам уже довелось побывать.

– Тогда он назывался «Змеиный мыс».

– Да, верно. Теперь это старое название, вероятно, подходит ему больше, чем то, которое придумала миссис Аргайл... Короче, к сороковому году у нее уже было человек шестнадцать детей, главным образом из тех, о ком не заботились родители, или из отставших во время эвакуации от своих семей. Для детей делалось буквально все возможное. Дом у них был просто великолепный. Я как мог увещевал миссис Аргайл, говорил, что после войны детям, привыкшим к такой роскоши, будет трудно возвращаться в свои дома. Но она моих советов не слушала. Она была слишком привязана к этим детишкам. Кончилось тем, что часть из них – сирот и тех, кто практически лишился дома, – она оставила в своей семье. Таких оказалось пятеро: Мэри, впоследствии вышедшая замуж за Филипа Дарранта, о ней я уже упоминал; Майкл – теперь он работает в Драймуте;

Тина, полукровка; Эстер, ну и, конечно. Жако. Дети относились к мистеру и миссис Аргайл как к родителям. Все они получили самое лучшее образование, какое только можно купить за деньги. Одним словом, если бы условия, в которых эти дети росли, что-нибудь значили, то они должны были бы далеко пойти. Им дали все, что только можно пожелать... Джек, или Жако, как они его называли, рос неблагополучным ребенком. В школе украл однажды деньги, и его пришлось оттуда забрать. Когда учился на первом курсе в университете, тоже попал в неприятную историю. Он всегда отличался буйным нравом. Впрочем, это вы, наверное, уже поняли. Дважды, когда Джек совершил растраты, Аргайлы улаживали скандалы. И не просто улаживали, они давали ему деньги, чтобы он начал новое дело, но все впустую – каждый раз он терпел неудачи. После смерти Джека Аргайлы назначили его вдове годовое содержание и до сих пор продолжают его выплачивать.

– Его вдове? А мне даже не сказали, что он был женат.

– О Господи! Это мое упущение! – Маршалл досадливо щелкнул пальцами. Совсем запамятовал! Конечно, вы же не читали газет! Должен заметить, что никто из Аргайлов и не подозревал, что Жако женился. Его жена явилась в «Солнечный мыс» на следующий день после того, как его арестовали. Она была в отчаянии. Мистер Аргайл очень доброжелательно к ней отнесся. Эта молодая женщина служит платной партнершей в драймутском дансинге. Наверное, я потому забыл вам о ней рассказать, что она буквально через месяц-другой после смерти Джека снова выскочила замуж. Ее нынешний муж, по-моему, электромонтер.

– Мне надо с ней повидаться, – сказал Артур и, помолчав, сокрушенно добавил:

– Она первая, с кем мне следовало бы повидаться.

– Разумеется. Адрес я вам дам. И как это я забыл про нее, когда вы приходили ко мне в прошлый раз, ума не приложу!

Артур молчал.

– Ее роль столь… гм… ничтожна, – продолжил Маршалл, будто стараясь оправдаться, – что даже газетчики не слишком ее осаждали. В тюрьме она его ни разу не навестила и вообще не проявляла к нему никакого интереса. Артур что-то сосредоточенно обдумывал.

– Не могли бы вы точно мне сказать, – наконец заговорил он, – кто находился в доме в тот вечер, когда убили миссис Аргайл?

Маршалл кинул на него быстрый взгляд.

– Естественно, Лео Аргайл и младшая дочь Эстер. Еще в доме гостили Мэри Даррант с мужем. Он инвалид и только что вышел тогда из больницы. Была также Кирстен Линдстрем – вы ее, наверное, видели. Она медицинская сестра и массажистка, с первых дней жила в доме, помогала миссис Аргайл в приюте, она и сейчас его опекает. Майкла и Тины не было – Майкл работает в Драймуте, занимается продажей автомобилей, а Тина служит в Редмине, в местной библиотеке, там и живет.

Маршалл помолчал.

– В доме также была и мисс Воэн, – добавил он, – секретарь мистера Аргайла. В тот вечер она ушла, когда тело еще не было обнаружено.

– Я ее видел. Кажется, она очень… привязана к мистеру Аргайлу.

– Да… да. Думаю, вскоре объявят об их помолвке.

– Вот как!

– После смерти жены он был очень одинок, – сказал Маршалл. В его тоне проскользнуло что-то вроде легкого осуждения.

– Ну да, конечно, – отозвался Артур. – А что вы можете сказать о мотивах преступления, мистер Маршалл?

– Должен признаться, это для меня до сих пор полная загадка, дорогой доктор!

– В самом деле? Позвольте вам не поверить! Вы же сами сказали, что все факты налицо.

– Видите ли, прямой денежной выгоды от смерти миссис Аргайл не получил никто. Она издавна имела ряд дискреционных[11] доверительных фондов. Такая форма, как вам должно быть известно, в наши дни широко распространена. Эти фонды учреждены на имя всех детей. Управляются они тремя доверенными лицами – мною, Лео Аргайлом и еще одним юристом из Америки, дальним родственником миссис Аргайл. Фонды, кстати, включающие очень большую сумму, распределяются доверенными лицами таким образом, что преимуществом пользуется тот из детей, кто больше всего нуждается в помощи.

– Ну а мистер Аргайл? Принесла ли ему смерть жены какую-либо финансовую выгоду?

– Нет. Ну разве что очень незначительную. Большая часть ее состояния, как я уже сказал, размещена в этих фондах. Она завещала ему свое имущество, но оно оценивается довольно скромной суммой.

– А мисс Линдстрем?

– Ей миссис Аргайл за несколько лет до своей смерти купила щедрую ежегодную ренту[12], – сказал Маршалл и, недовольно поморщившись, добавил:

– Мотивы? По-моему, никаких. Во всяком случае, с финансовой точки зрения.

– А с психологической? Может быть, какие-то серьезные… разногласия, конфликты?

– Боюсь, тут я едва ли смогу вам помочь, – заявил Маршалл, давая понять, что разговор закончен. – Я не вникал в то, что у них там происходит.

– А кто-нибудь вникал?

Маршалл задумался, потом, как будто с неохотой, добавил:

– Можно поговорить с доктором. Доктор… э-э… Макмастер, кажется. Теперь он на пенсии, но живет здесь, неподалеку. Во время войны он обслуживал детский приют миссис Аргайл. Вот ему, должно быть, многое известно об обитателях «Солнечного мыса». Удастся ли вам его разговорить, не знаю. Но если удастся, он, наверное, окажется вам полезен… хотя – извините, что говорю вам это, неужели вы считаете, что есть нечто такое, с чем не управится полиция, причем более профессионально, чем вы сами?

– Не знаю, что и сказать. Может, и нет. Но одно я знаю твердо. Попытаться я должен. Понимаете, должен.

Глава 5

Брови начальника полиции медленно поползли на лоб, казалось, вот-вот и они достигнут кромки седых волос. Он обвел взглядом потолок, потом снова уткнулся в депешу, лежавшую перед ним.

– Уму непостижимо! – воскликнул он. Молодой человек, чье дело было не оплошать с ответом, с готовностью произнес:

– Да, сэр!

– Веселенькая история, – пробормотал майор Финни и забарабанил пальцами по столу. – Хьюиш здесь?

– Да, сэр. Старший инспектор Хьюиш прибыл пять минут назад.

– Ах, прибыл. В таком случае пришлите, пожалуйста, его ко мне, – буркнул начальник полиции.

Старший инспектор был высокий меланхоличного вида малый. Глядя на его унылую физиономию, невозможно было представить, что на детских утренниках он душа общества – откалывает такие штучки, что все со смеху умирают.

– Здорово, Хьюиш. – Майор Финни указал ему на стул. – Веселенькая история получается. Интересно, что вы на это скажете?

Старший инспектор Хьюиш сел и тяжело перевел дух.

– Похоже, тогда, два года назад, мы дали маху. Этот парень… как его там… – майор Финни порылся в бумагах, – Колори, нет, Колгари. Профессор какой-то. Наверное, он просто не от мира сего, а? Такие ведь вечно путаются во всем, особенно во времени?

Майору Финни хотелось, видно, чтобы ему поддакнули, но Хьюиш хранил молчание.

– Одно слово – ученый, что с него взять, – наконец проговорил он.

– И мы должны всему этому верить?

– Сэр Реджиналд, по-моему, верит, а его на мякине не проведешь, – заключил Хьюиш, отдавая должное главному прокурору.

– Нет, если главный верит, – нехотя проговорил майор Финни, – то уж нам, как говорится, сам Бог велел. Стало быть, придется снова открывать дело. Я просил прихватить соответствующие бумаги. Вы их принесли?

– Да, сэр. Вот они.

Старший инспектор выложил на стол кипу бумаг.

– Просмотрели? – спросил майор Финни.

– Да, сэр. Всю ночь читал. Вообще-то я все помню. Не так уж давно это случилось.

– Итак, за работу, Хьюиш! С чего начнем?

– С самого начала, сэр. Понимаете, беда в том, что в то время у нас никаких сомнений не возникало.

– Да. Все было яснее ясного. Не думайте, Хьюиш, что я вас в чем-то виню. Я тогда был согласен с вами на все сто.

– Действительно, ни о какой другой версии у нас не было и речи, задумчиво проговорил Хьюиш. – Миссис Аргайл убита. Этот парень, ее сын, угрожал ей. На кочерге отпечатки его пальцев. И деньги… Мы сразу его взяли, и при нем были эти деньги.

– Какое впечатление он тогда на вас произвел?

– Скверное, – ответил Хьюиш, помолчав. – Нахальный и самоуверенный тип. Не умолкая долдонил про свое алиби, ссылался на время. Нахал. Сами знаете этих молодчиков. Все убийцы, как правило, ведут себя нагло. Думают, они такие умные. Думают, они всегда правы, что бы ни натворили, а на других им наплевать. Нет, человек он был дрянной, тут уж никаких сомнений.

– Да уж, – согласился майор Финни, – по всему видно. И вы сразу решили, что он убийца? Старший инспектор задумался.

– Ну, не сказать, чтобы я был уверен. Просто такие, как он, легко могут пойти на убийство. Ну

вспомните Гармана в тридцать восьмом году. Сколько дел за ним числилось: и велосипеды крал, и деньги выманивал, и старух надувал, а чем кончил? Ухлопал женщину, залил ее кислотой, обрадовался, что с рук сошло, и повадился убивать. Жако Аргайл, как мне показалось, того же поля ягода.

– Да уж, – согласился майор Финни, – по всему видно. И вы сразу решили, что он убийца? Старший инспектор задумался.

– Ну, не сказать, чтобы я был уверен. Просто такие, как он, легко могут пойти на убийство. Ну вспомните Гармана в тридцать восьмом году. Сколько дел за ним числилось: и велосипеды крал, и деньги выманивал, и старух надувал, а чем кончил? Ухлопал женщину, залил ее кислотой, обрадовался, что с рук сошло, и повадился убивать. Жако Аргайл, как мне показалось, того же поля ягода.

– Выходит, мы ошиблись, – медленно проговорил майор Финни.

– Да, ошиблись. А парня-то уже нет. Паршивое дело… Но все равно малый был дрянь, даже не сомневайтесь, – с нажимом добавил старший инспектор. Может, и не убийца, как выясняется, но скверный малый.

– Ладно, поехали дальше, – перебил его майор Финни. – Кто убил миссис Аргайл? Вы говорите, всю ночь над этим ломали голову. Не сама же она хватила себя кочергой по затылку. Кто-то ведь ее прикончил. Но кто?

Старший инспектор Хьюиш вздохнул, откинулся на спинку стула.

– Боюсь, нам теперь не докопаться, – уныло сказал он.

– Трудное дельце, а?

– Да, если бы по горячему следу… А так, какие теперь найдешь улики? Да их и было-то, наверное, раз-два и обчелся.

– Суть в том, что убийца кто-то из ее домочадцев, верно?

– А кому еще быть! Или кто-то из домочадцев, или тот, кому она сама дверь открыла. Аргайлы из тех, у которых всегда все на запоре. Задвижки на окнах, цепочки, хитрые замки на дверях. Пару лет назад их ограбили, и с тех пор они всего боятся. – Старший инспектор помолчал. – Беда в том, что мы тогда ничего толком не осмотрели. Виновность Жако Аргайла казалась настолько очевидной… Теперь-то, конечно, ясно, что убийца этим воспользовался.

– Тем, что парень поссорился с матерью и угрожал ей?

– Да. Убийце осталось только войти в кабинет, подобрать брошенную Жако кочергу, предварительно натянув на руки перчатки, подкрасться сзади к миссис Аргайл, которая сидела за столом и писала, и нанести удар.

Майор Финни проронил лишь одно слово:

– Мотив?

Старший инспектор наклонил голову.

Topreading.ru

– Да, сэр, именно это мы должны выяснить. Думаю, тут тоже придется хорошенько пораскинуть мозгами. На первый взгляд, мотивов нет.

– И не было. По крайней мере, очевидных. Как и многие другие владельцы крупной собственности и солидного состояния, она заранее позаботилась о том, чтобы в рамках законности избежать налога на наследство. Распоряжения относительно предоставления прав владения и соответствующих льгот были ею сделаны, то есть все дети были уже неплохо обеспечены. Ее смерть никак не влияла на их финансовое положение. Будь она вздорной, сварливой, скаредной… Так нет, всю жизнь не жалела денег на детей. Всем дала хорошее образование, предоставляла им крупные суммы, чтобы они могли начать собственное дело, не ограничивала их карманные расходы. С ее стороны дети встречали исключительно благожелательность, доброту и любовь.

– Вот именно, сэр, – поддакнул старший инспектор Хьюиш. – Получается, ни у кого не было причин желать ее смерти. Вот только… – Он вдруг замялся.

– Ну?

– Мистер Аргайл, как я понял, снова хочет жениться. На мисс Гвенде Воэн, которая уже несколько лет служит у него секретаршей.

– Да, – задумчиво произнес майор Финни. – По-моему, это мотив. Тогда мы о нем не знали. Значит, говорите, служит у него несколько лет. Полагаете, в то время, когда убили миссис Аргайл, между ними уже что-то было?

– Едва ли, сэр. В деревне об этом быстро прознали бы. Не думаю, чтобы было что-нибудь такое… что давало бы миссис Аргайл повод для подозрений и упреков.

– Поводов не было, а мечта жениться на Гвенде Воэн могла уже быть.

– Что и говорить: молодая, привлекательная… Неброская, без шику, но очень милая и обаятельная. И так скромно держится.

– Наверное, давно в него влюблена. Секретарши часто влюбляются в своих начальников, – сказал майор Финни.

– Значит, у этих двоих какой-никакой мотив имеется. Теперь шведка, которая помогает по хозяйству. Возможно, она не была так уж пылко привязана к миссис Аргайл, как старается показать. Возможно, копила на нее обиды, реальные или мнимые. Что же касается выгоды… От смерти миссис Аргайл она не получила ни цента, так как хозяйка уже давно купила ей щедрую годовую ренту. Да и на вид эта шведка вполне приятная и разумная. Трудно представить, что она может хватить кого-то кочергой по голове. Но чужая душа потемки. Вспомните, например, дело Лиззи Борден.

– Что правда, то правда. А если это все-таки был кто-то посторонний?

– Никаких зацепок на этот счет. Между прочим, ящик, где лежали деньги, был выдвинут. Такое ощущение, будто кто-то специально инсценировал грабеж, сразу видно, что действовал дилетант. Похоже было, что это сам Жако постарался чтобы навести на ложный след.

– Странная история получается с деньгами, – сказал начальник полиции.

– Да. Ничего не поймешь. Точно установлено, что одну из пятифунтовых купюр, обнаруженных

у Джека Аргайла, миссис Аргайл получила из банка утром того же дня. На этой купюре было написано «миссис Боттлберри». Жако уверял, что деньги ему дала мать, но, по утверждению мистера Аргайла и Гвенды Воэн, миссис Аргайл без четверти семь пришла в библиотеку и рассказала им, что Жако требовал денег, но она решительно ему отказала. Очень возможно, что Аргайл и секретарша лгут, мы вправе это предположить, исходя из того, что нам теперь стало известно.

– Да, возможно, хотя… – Старший инспектор запнулся.

– Ну же, Хьюиш? – поторопил его майор Финни.

– Скажем, некто – назовем пока его или ее «икс» – подслушал, как Жако ссорится с матерью и угрожает ей.

Допустим, «икс» решает воспользоваться случаем. Берет деньги, догоняет Жако, говорит ему, что мать все-таки передумала, и ловушка готова. Ловко, просто любо-дорого посмотреть! Затем он пускает в ход ту самую кочергу, которой Жако угрожал матери… Действует аккуратно, чтобы не стереть отпечатки пальцев Жако.

– Проклятие! – раздраженно воскликнул майор Финни. – Совсем не вяжется с тем, что мне известно об этой семье. Кто еще был в доме, кроме Аргайла, Гвенды Воэн, Эстер Аргайл и этой шведки Линдстрем?

– Старшая замужняя дочь, Мэри Даррант, и ее муж.

– Но он ведь, кажется, инвалид? Значит, он не в счет. Что собой представляет Мэри Даррант?

– Весьма флегматичная[13] особа, сэр. Невозможно представить, чтобы она вышла из себя… и тем более, набросилась на кого-то с кочергой.

– А прислуга?

– Приходящая, сэр. К шести все уже расходятся по домам.

– Дайте-ка мне «Тайме». Старший инспектор подал газету.

– Хм… Так-так-так. Без четверти семь миссис Аргайл пришла в библиотеку и рассказала мужу, что Жако ей угрожал. При этом разговоре присутствует Гвенда Воэн. Она уходит домой вскоре после семи. Без двух-трех минут семь Эстер Аргайл видит мать живой и здоровой. А в семь тридцать мисс Линдстрем обнаруживает труп миссис Аргайл. За эти полчаса могло случиться что угодно. Возможность совершить убийство была у Эстер; у Гвенды Воэн, до того как она ушла домой; у мисс Линдстрем, когда она якобы обнаружила труп. Лео Аргайл тоже оставался один в библиотеке с семи часов десяти минут и до того времени, когда мисс Линдстрем подняла тревогу. В течение этих двадцати минут он мог зайти в гостиную к жене и убить ее, как, впрочем, и Мэри Даррант, которая в это время находилась наверху… Да и сама миссис Аргайл могла впустить кого-то в дом, задумчиво добавил майор Финни. – Мы считали, что она открывала парадную дверь Джеку. Если вы помните, Лео Аргайл сказал, что слышал, как позвонили и как отворилась, а потом захлопнулась входная дверь.

Правда, он не мог с точностью назвать время, когда это произошло. Мы предположили, что это вернулся Джек. Вернулся и убил мать.

– Но ему не надо было звонить, – возразил Хьюиш, – у него был свой ключ. Как и у всех

остальных.

– У Аргайлов ведь есть еще один сын?

– Да, Майкл. Занимается продажей автомобилей в Драймуте.

– Думаю, надо бы выяснить, что он делал в тот вечер.

– По прошествии двух лет? Разве кто-нибудь вспомнит?

– А в то время его допрашивали?

– Насколько я помню, его не было, он проверял проданный автомобиль. Конечно, оснований для подозрений нет, однако у Майкла тоже есть ключ, и в принципе он тоже мог совершить это преступление.

Начальник полиции вздохнул.

– Не знаю, Хьюиш, что вы будете со всем этим делать. Не знаю, удастся ли нам вообще чего-то добиться.

– Мне и самому охота узнать, кто убил миссис Аргайл. Как я понял, она была удивительная женщина. Столько для людей сделала. Для обездоленных детей, да вообще для всех, кто нуждается в помощи. На таких, как она, молиться надо, а тут вон что… Да. Хотелось бы мне докопаться до истины. Даже если мы не сможем найти улики, которые бы удовлетворили главного прокурора, мне лично для себя хотелось бы вычислить этого убийцу.

– Ладно. Удачи вам, Хьюиш. Хорошо хоть, что сейчас мы не завалены по горло работой. И не терзайте себя понапрасну, если у вас ничего не получится. Подобные дела раскрываются по горячим следам. Да-да, по горячим.

Глава 6

В зале кинотеатра вспыхнул свет. На экране замелькала реклама. Капельдинерши[14] принялись разносить лимонад и мороженое. Артур Колгари внимательно их разглядывал. Полненькая девушка с каштановыми волосами, высокая брюнетка и миниатюрная блондинка. Ради нее-то он и пришел. Жена Джека Аргайла. Вернее, вдова Джека Аргайла, а теперь жена человека по имени Джо Клегг. Смазливое пустое личико, покрытое толстым слоем пудры и румян, выщипанные брови, безобразно торчащие, испорченные дешевым перманентом[15] волосы. Артур купил у нее мороженое. У него имелся ее домашний адрес, и он намеревался к ней прийти, но сначала он хотел хорошенько ее рассмотреть, так, чтобы она его не видела. Да-а! Не такую невестку, наверное, желала бы иметь миссис Аргайл. Видимо, поэтому Жако и прятал ее от родственников.

Артур вздохнул, сунул пустой стаканчик из-под мороженого под сиденье и откинулся на спинку стула. Свет опять погас, экран засветился, и начался другой фильм. Немного погодя Артур встал и вышел из зала.

На следующее утро, часов в одиннадцать, он направился к ней домой. Дверь ему открыл мальчик лет шестнадцати. На вопрос Артура он сказал:

– Клегги? Это наверху.

Артур поднялся по лестнице, постучался в дверь. Его встретила сама миссис Морин Клегг. Без своей броской униформы и косметики она выглядела совсем по-другому. Теперь ее глуповатое личико было даже добродушным, но совершенно заурядным. Чуть сдвинув выщипанные бровки, она недоуменно на него уставилась.

– Моя фамилия Колгари. Мистер Маршалл, наверное, написал вам обо мне. Лицо Морин прояснилось.

– А, значит, это вы! Входите же. – Она отступила, пропуская его в комнату. – Извините, у меня тут все вверх дном. Нет времени навести порядок. – Она сгребла со стула скомканную одежду, сдвинула тарелки с засохшими объедками. Да садитесь же. Это очень любезно, что вы пришли.

– Счел своим долгом это сделать. Она смущенно хихикнула, кажется, не очень понимая, что он имеет в виду.

– Мистер Маршалл мне написал, – сказала она. – Эта история, которую наплел Джеки, в результате оказалась правдой. Про то, что в тот вечер кто-то подвез его до Драймута. Значит, это были вы, да?

– Да, – подтвердил Колгари. – Я.

– Мы с Джо полночи об этом проговорили. Просто не верится. Прямо как в кино, честное слово Ведь уже два года прошло?

– Около того.

– Нет, такое только в кино увидишь. Если рассказать, никто не поверит, скажет – какая чепуха, в жизни такого не бывает! Прямо дрожь пробирает, правда?

– А мне кажется, можно было предполагать нечто подобное, – сказал Колгари. Глядя на нее, он испытывал какое-то безотчетное болезненное чувство.

– А бедняга Жако умер и теперь даже порадоваться не может, – весело прощебетала она. – Схватил в тюрьме воспаление легких. Наверное, там было очень сыро.

«Какие у нее, должно быть, наивные представления о тюрьме, – подумал Артур. – Сырой подвал, шмыгающие под ногами крысы».

– А знаете, тогда, – продолжала она, – было даже к лучшему, что он умер.

– Да… Наверное…

– В смысле, лучше, чем сидеть за решеткой много-много лет. Джо сказал, что мне надо с ним развестись, и я как раз начала хлопотать.

– Вы хотели развестись?

– Ну какая радость быть связанной с человеком, который Бог знает сколько просидит в тюрьме? К тому же, хотя я, конечно, была влюблена в Джеки, просто его обожала, но надежным парнем его никак не назовешь. Я и не рассчитывала на то, что наш брак будет долгим.

– Вы начали оформлять развод, когда он умер?

– Ну да, в некотором роде. В смысле обратилась к частному поверенному. Джо меня заставил. Он, само собой, не выносил Джеки.

– Джо – это ваш муж?

– Да. Он электрик. Работа у него хорошая, и его там очень ценят. Джо все время мне твердил, что Джеки не подарок, но я тогда была совсем молоденькая и глупая. А Джеки, понимаете… перед ним было просто не устоять.

– Да, я от всех об этом слышал.

– Как он умел обхаживать женщин! Сама не пойму, как ему это удавалось. Он ведь совсем не красавец, ну совсем. Я его называла мартышкой. Но при всем при том он умел быть таким лапочкой. Не хочешь, а все равно сделаешь, как ему надо. Сколько раз он благодаря этим своим приемчикам выходил сухим из воды. Мы с ним только поженились, как вдруг стряслась беда – он что-то сотворил с автомобилем одного из клиентов. Он тогда в гараже служил. Я толком не поняла, в чем там было дело. Хозяин гаража был в ярости. Тут-то Джеки и принялся обхаживать его жену, старую мымру лет под пятьдесят. Подольстился к ней, стал заигрывать, совсем ей голову вскружил. В конце концов ей пришлось кое-что для него сделать. Заморочила мужу голову до того, что он согласился не подавать в суд, если Джеки покроет недостачу. Бедняге и в голову не пришло, что это его собственная жена снабдила Джеки денежками. Мы с ним потом до упаду хохотали. Артур посмотрел на нее с брезгливостью:

– Разве это… так уж смешно?

– А разве нет? По-моему, так просто умора! Старушенция так в него втюрилась, что как миленькая выгребла все свои сбережения.

Артур вздохнул. Никогда не знаешь, как все обернется. Человек, которого он с такой горячностью взялся защищать, с каждым днем нравился ему все меньше. Еще немного, и он начнет разделять точку зрения обитателей «Солнечного мыса», поначалу вызывавшую у него изумление.

– Миссис Клегг, я только хотел узнать, не смогу ли я… э-э… что-нибудь для вас сделать, чтобы как-то загладить свою невольную вину.

Морин Клегг, казалось, была озадачена.

– Очень мило с вашей стороны, честное слово, – проговорила она. – Но вам-то что за дело? У нас все хорошо. У Джо хорошее жалованье, у меня тоже есть работа. Я капельдинерша в кинотеатре.

– Да, я знаю.

– В следующем месяце телевизор купим, – похвасталась Морин.

– Рад за вас. Я безмерно счастлив, что это… это печальное событие не накладывает отпечатка… не бросает мрачной тени на вашу жизнь.

Артуру становилось все труднее и труднее подбирать подходящие слова в разговоре с этой молодой женщиной, которая была женой Джека Аргайла. Все звучало как-то напыщенно и

неестественно. Почему ему не удается говорить с ней нормально?

– Я так боялся, что это горе сломило вас. Она не мигая уставилась на Артура. В больших голубых глазах было откровенное непонимание.

– Тогда, в первое время, действительно было ужасно, – сказала она. Вокруг только о Джеки и судачили, хотя, если честно, полицейские обходились со мной очень вежливо, так любезно обо всем расспрашивали.

Артуру хотелось выяснить, что она думает о трагедии, разыгравшейся в доме Аргайлов, и он прямо ее спросил:

– Значит, вы считали, что преступление совершил Джек?

– То есть считала ли я, что он укокошил свою мать?

– Да, именно.

– В общем… ну… что он мог, точно думала. Он-то, понятно, все отрицал, но разве можно верить тому, что говорит Джеки! По всему было видно, что это его рук дело. Понимаете, он, когда что не по нем, делался просто бешеный. Я знала, что у него какие-то неприятности. Он мне мало что рассказывал, а если я пыталась его расспрашивать, только еще больше злился. Но в тот день вроде бы успокоился, сказал, что все уладилось, что его мать выложит денежки. Ей, мол, придется раскошелиться. Ну и я, само собой, ему поверила.

– Насколько я понял, он своим близким не говорил, что женился, и вы с ними не виделись.

– Нет. Понимаете, они богачи, живут шикарно, у них большой дом, ну и все такое… Я бы им не подошла. Джеки решил, что лучше им меня не показывать. И потом он думал, что, если приведет меня в дом, его мать мною тоже начнет командовать. Говорил, что она не может не командовать людьми, и он уже сыт этим по горло, а нам с ним и так неплохо живется.

Она не выказывала ни обиды, ни возмущения и, похоже, находила поведение своего мужа совершенно естественным.

– Наверное, вы были потрясены, когда его арестовали?

– Да, конечно. Как он мог, подумала я. Но от фактов не отмахнешься. Говорю ведь, у Джеки нрав был бешеный, стоило вывести его из себя, он такое начинал вытворять…

– Иными словами, вас не слишком удивило, что ваш муж ударил свою мать кочергой по голове и украл у нее изрядную сумму денег, так?

– Мистер… э-э… Колгари, вы меня извините, но это уж как-то слишком. Он же не зверь какой. Не думаю, что он хотел так сильно ее ударить или тем более убить. Она отказалась дать деньги, и он, наверное, схватил кочергу, чтобы ее припугнуть, и только… А когда миссис Аргайл заупрямилась, он не сдержался, ну и… ударил. Уверена, он не хотел убивать. Просто ему не повезло. Понимаете, ему позарез нужны были деньги. Если бы он их не достал, его бы засадили в тюрьму.

– То есть… вы его не обвиняете?

– Нет, конечно, я его обвиняю… Как можно быть таким жестоким. Да еще к собственной

матери! Нет, разумеется, я его осуждаю. И вообще, наверное, Джо был прав, когда говорил, что мне надо порвать с Джеки. Но вы же понимаете, как это бывает. Девушке так трудно на что-нибудь решиться. Джо-то сам всегда был положительный. Я его очень давно знаю. А Джеки, тот совсем другой. Образованный, с манерами. Думала, он хорошо зарабатывает, всегда деньгами сорил. Ну и, конечно, очень уж обаятельный, я уж вам говорила. Кого хочешь окрутит. Ну я и поддалась. Ты еще пожалеешь, милочка, сказал мне Джо. Зелен виноград – вот что я тогда подумала. Ну вы меня понимаете. А в конечном счете Джо оказался прав.

Артур смотрел на нее в недоумении. Неужели до ее сознания так ничего и не дошло?

– В каком смысле прав? – спросил он вслух.

– Ну ведь Джеки меня втянул во всю эту грязь. А я из порядочной семьи. Мамочка строго нас воспитывала. У нас в доме всегда была тишь да гладь. А тут моего муженька полиция арестовывает! И все соседи в курсе. И газеты о нас кричат. И «Ньюс оф де уорлд»[16], и другие. Кругом репортеры снуют, все выспрашивают. Короче, попала в переплет!

– Но, дитя мое, неужели вы не понимаете, что Джек ни в чем не виновен?

На ее хорошеньком личике выразилось недоумение.

– Ах да! Я же совсем забыла! Но все равно, он туда поехал, устроил скандал, угрожал матери… Если бы он ничего этого не натворил, его бы не арестовали, верно?

– Да, – не мог не признать Артур. – Что верно, то верно.

Может быть, эта хорошенькая глупышка рассуждает более здраво, чем он сам?

– Все это было ужасно, – снова заговорила Морин. – К его родственникам я обратилась не сразу. Подумала, они сами должны знать, что делать. А потом мамочка говорит, тебе, мол, лучше все-таки туда наведаться. В конце концов, покажи им, что у тебя есть права и ты знаешь, как их отстаивать. Вот я и поехала. Дверь мне открыла эта самая иностранка, и я сначала ничего не могла ей втолковать. Она не хотела мне верить. «Не может быть, – твердит, невероятно, не мог Жако на вас жениться». Меня это здорово задело за живое. А вот и мог, говорю я ей, мы не просто в мэрии зарегистрировались, а в церкви обвенчались. Это моя мамочка так захотела. А это облезлое пугало знай свое: «Не правда! Не верю!» А вот мистер Аргайл совсем другое дело, такой добрый. Не тревожьтесь, говорит, мы сделаем все возможное, чтобы защитить Джеки. Спросил, как у меня с деньгами, и стал каждую неделю выдавать мне содержание. И до сих пор выдает. Джо недоволен, что я беру эти деньги, а я ему говорю: «Не будь таким дураком! Дают – бери!» А когда мы с Джо поженились, мистер Аргайл прислал мне на свадьбу чек на кругленькую сумму. Сказал, что очень за меня рад и надеется, что этот брак будет счастливее, чем первый. Да уж, он такой добрый, мистер Аргайл, просто душка! Она обернулась на звук отворяемой двери:

– А вот и Джо.

Джо был белобрысый молодой человек с тонкими губами. Выслушав объяснения Морин, он немного нахмурился.

– Я-то надеялся, что с этой историей покончено, – с досадой сказал он, Извините, что говорю вам это, сэр. Не стоит ворошить прошлое, ничего хорошего из этого не выйдет, это точно. Скажу только, что Морин была несчастлива…

– Да. Мне понятны ваши чувства, – сказал Артур.

– Конечно, ей не следовало сходиться с этим парнем. Я знал, что он скользкий тип. Он и прежде попадал во всякие переплеты. Дважды его брали на поруки. Но раз уж кто встал на эту дорожку, тот не остановится. Сначала чужие деньги растратит, потом выманит у женщины ее сбережения, потом, глядишь, дойдет и до убийства.

– Но Джек Аргайл не убийца, – возразил Артур.

– Это вы так говорите, – возразил Клегг. Его, казалось, невозможно было разубедить.

– У Джека Аргайла неопровержимое алиби на все время, в течение которого могло быть совершено убийство. Он находился в моей машине, я его подвозил до Драймута. Так что, понимаете, мистер Клегг, у него не было никакой возможности совершить это преступление.

– Может, и так, сэр, – сказал Клегг. – И все-таки жаль, что вы ворошите прошлое, извините, конечно, в конце концов, он мертв, и ему уже все равно. А нам снова начнут кости перемывать.

Артур поднялся.

– Конечно, вы вправе иметь свое мнение. Однако, мистер Клегг, существует такое понятие, как справедливость.

– Я всегда считал, – сказал Клегг, – что ничего справедливее английского суда и быть не может.

– Даже самая совершенная система не застрахована от ошибок, – возразил Артур. – Правосудие находится в руках людей, а люди могут ошибаться.

Несколько минут спустя Артур шел по улице. Он и сам не ожидал, что будет так растерян и подавлен. Неужто и впрямь было бы лучше, если бы память о том дне никогда к нему не возвращалась? В конечном счете, как сказал этот самодовольный тип с вытянутыми в ниточку губами, Джек мертв. Теперь он предстал перед Судьей, который не ошибается. И ему уже все равно, кем его будут считать в нашей юдоли – убийцей или просто жалким воришкой.

Артур внезапно почувствовал, как в нем поднимается волна гнева. «Кому-то же Джек Аргайл должен быть не безразличен, – подумал он. – Кто-то же должен обрадоваться! Почему они не рады? Ну эту девицу еще можно понять. Жако вскружил ей голову, но она никогда его не любила. Вероятно, она вообще не способна кого-либо любить. Но остальные! Отец, сестра, няня… Они-то должны быть довольны. Должны были испытать облегчение, а уж потом начать бояться за себя. Да… Кому-то же он должен быть дорог…»

* * *

– Мисс Аргайл? Второй стол.

Артур немного помедлил, наблюдая за ней. Маленькая, тонкокостная, изящная, держится спокойно и деловито. Одета в темно-синее платье с белым воротничком и манжетами. Иссиня-черные волосы аккуратным валиком спускаются на шею. Кожа темная, у англичанок такой не бывает. Значит, это она – та самая девочка-полукровка, которую когда-то удочерила миссис Аргайл.

Девушка подняла на Артура темные непроницаемые глаза. Глаза, в которых ничего не

прочтешь.

Голос у нее был низкий, приятный.

– Чем могу вам помочь?

– Вы мисс Аргайл? Мисс Кристина Аргайл?

– Да.

– Меня зовут Колгари. Артур Колгари. Может быть, вы уже слышали…

– Да. Я о вас слышала. Отец мне написал.

– Мне бы очень хотелось поговорить с вами. Она бросила взгляд на часы.

– Через полчаса библиотека закрывается. Не могли бы вы подождать?

– Конечно. Может быть, выпьете со мной где-нибудь чашку чаю?

– Благодарю вас. – И она обратилась к мужчине, стоявшему позади Артура. Чем могу вам помочь?

Артур отошел от стола. Побродил вокруг, рассматривая полки с книгами, а больше – наблюдая за Тиной Аргайл. Она была все так же спокойна и деловита. Полчаса тянулись медленно, но наконец прозвенел звонок, и девушка кивнула ему.

– Встретимся на улице через несколько минут. Ждать ему почти не пришлось. Вскоре она вышла. Без шляпы, в плотном темном пальто. Он спросил ее, куда бы им лучше пойти.

– Я плохо знаю Редмин, – объяснил он.

– Тут есть одно кафе – около собора. Не слишком хорошее и по этой причине менее многолюдное, чем другие.

Вскоре они уже сидели за маленьким столиком. Исхудалая утомленная официантка приняла у них заказ, не выказав при этом ни тени радушия.

– Приличного чаю здесь не дождешься, – сказала Тина извиняющимся тоном, но я подумала, что вы, наверное, предпочтете место относительно уединенное.

– Да, именно. Хочу объяснить, почему я вас разыскал. Понимаете, я уже встречался с другими членами вашей семьи, включая, так сказать, вдову вашего брата Жако. Вы единственная, с кем я еще не успел поговорить. Ах нет, еще я не виделся с вашей замужней сестрой.

– Вы считаете своим долгом повидаться с нами со всеми?

Она произнесла это безукоризненно вежливым тоном, но в голосе ее чувствовалась холодная отстраненность, от которой Артуру сделалось немного неуютно.

– Не потому, что жажду общения, – сухо произнес он. – И не из пустого любопытства. – «Так ли это на самом деле?» – мелькнуло вдруг у него в голове. – Мне необходимо лично выразить каждому из вас, как… как глубоко я сожалею о том, что во время судебного разбирательства не смог засвидетельствовать невиновность вашего брата.

– Понимаю…

– Если вы его любили… Вы его любили? Она немного помедлила с ответом.

– Нет. Я не любила Жако.

– Однако, как я слышал от многих, он был… очень обаятельный человек.

– Я ему не доверяла и не питала к нему нежных чувств, – отчетливо и бесстрастно выговаривая слова, призналась она.

– У вас не возникало никаких сомнений в том, что он… простите меня… убил вашу мать?

– Мне и в голову не приходило, что это мог сделать кто-то еще.

Официантка принесла поднос с заказом. Хлеб был черствый, масло несвежее, вместо джема странная затвердевшая масса, пирожные – точно краской разрисованные и на вид несъедобные. Чай жидкий.

Артур отхлебнул из чашки и сказал:

– Мне дали понять, что мои показания, снимающие с вашего брата обвинение в убийстве, могут иметь неприятные последствия. Могут принести всем вам новые тревоги.

– Потому что вновь начнется следствие?

– Да. Вы уже об этом думали?

– По-моему, отец считает, что это неизбежно.

– Сожалею. Искренне сожалею.

– Почему, доктор Колгари?

– Мне невыносима мысль, что я могу ввергнуть вас в новые неприятности.

– Но если бы вы смолчали, вы были бы недовольны собой?

– Конечно. По-моему, восстановить справедливость – дело чрезвычайно важное. Но теперь… я начинаю думать, что, возможно, есть еще более важные вещи.

– Например?

Он сразу подумал об Эстер.

– Например, защитить невиновных.

Глаза у девушки стали еще более непроницаемыми.

– О чем вы думаете, мисс Аргайл? Она немного помолчала.

– Помните, как сказано в Великой хартии вольностей[17]: «Никому не будет отказано в справедливом суде».

– Понимаю, – сказал он. – Таков ваш ответ…

Глава 7

Доктор Макмастер был старик с кустистыми бровями, серыми проницательными глазами и упрямо вздернутым подбородком. Откинувшись в потрепанном кресле, он внимательно разглядывал гостя. И похоже, остался доволен тем, что увидел.

У Артура доктор тоже вызывал симпатию. Кажется, в первый раз после возвращения в Англию он, похоже, встретил человека, который способен будет понять его чувства.

– Благодарю вас, доктор, что согласились меня принять.

– Право, не за что! С тех пор, как я ушел на покой, просто умираю от скуки. Мои молодые коллеги внушают мне, что я должен сидеть сиднем и лелеять мое старое слабое сердце, но это не по мне. Нет. Послушаешь радио – сплошная болтовня, посмотришь телевизор – и то по настоянию экономки – сплошные фильмы. А я человек деятельный, привык изнурять себя работой. Не могу смириться с бездельем. Читать тоже долго не могу – глаза устают. Поэтому не извиняйтесь за то, что отнимаете у меня время.

– Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы поняли, – начал Артур, – почему я никак не оставлю всю эту историю. Казалось бы, миссию я свою выполнил: засвидетельствовал невиновность несчастного молодого человека, ставшего жертвой моей временной потери памяти. Теперь самое разумное – уехать и забыть обо всем. Ведь так?

– Как сказать, – заметил доктор Макмастер и, помолчав, спросил:

– Вас что-то тревожит?

– Все тревожит. Видите ли, мое признание было принято совсем не так, как я ожидал.

– Вот в этом как раз нет ничего удивительного. Такое сплошь и рядом встречается. Мы ведь все загодя в уме репетируем, не важно, что именно: будь то консилиум с коллегами, предложение руки и сердца любимой женщине, встречу с однокашником после каникул… А на деле все часто происходит совсем не по нашей схеме. У вас все было продумано – что скажете вы, что вам ответят, ан нет, не тут-то было – и ваши слова не те, и ответы другие. Наверное, поэтому вы и огорчаетесь.

– Да, наверное.

– Чего же вы ожидали? Что они будут перед вами распинаться в благодарности?

– Чего я ожидал… – Артур задумался. – Обвинений? Возможно. Негодования? Весьма вероятно. Но все-таки и благодарности тоже.

Макмастер хмыкнул.

– Стало быть, никакой благодарности, как, впрочем, и особого негодования не было?

– В общем… да, – признался Артур.

– А все потому, что вы многого не знали, пока не приехали сюда. Так что же привело вас ко

мне?

– Хотел бы понять, что это за семья. Я располагаю только общеизвестными фактами. Славная бескорыстная женщина делает все, что в ее силах, для своих приемных детей. И при этом еще самоотверженно трудится во благо общества. Словом, удивительная, редкая личность. Второе же действующее лицо – трудный ребенок, потом трудный подросток и, наконец, молодой человек, не раз преступавший закон. Вот все, что мне известно. Но я не знаю ничего о самой миссис Аргайл.

– Вы верно рассудили, – одобрительно заметил Мак-мастер. – Попали в самую точку. Расследуя убийство, всегда стоит задуматься о том, что представляет собой личность убитого. Обычно же все стараются выяснить, что было на уме у убийцы. Вероятно, вы считаете, что миссис Аргайл из тех женщин, которых просто не за что убивать.

– Так считают все, насколько я знаю.

– С точки зрения общепринятых правил морали, вы совершенно правы, – сказал Макмастер, потирая нос. – Но, если не ошибаюсь, китайцы считают, что благотворительность скорее грех, чем добродетель. В этом что-то есть, знаете ли. Благотворительность искажает отношения между людьми. Связывает по рукам и ногам. Окажите кому-то услугу, и вы почувствуете расположение к этому человеку, чуть ли не любовь. А он, чувствует ли он к вам такое же расположение? Любит ли он вас? В принципе, конечно, должен. А на деле? Доктор помолчал.

– Ну так вот, – снова заговорил он, – посмотрим, что получается. Миссис Аргайл с полным основанием можно назвать безупречной матерью. Но она переборщила с благодеяниями. Вне сомнения. Во всяком случае, всегда демонстрировала свою готовность облагодетельствовать.

– Дети у нее приемные, – вставил Артур.

– Да. И по-моему, в этом вся загвоздка. Посмотрите на кошку. Как яростно она защищает своих котят, бросается на каждого, кто смеет к ним приблизиться. Но проходит неделя, и кошка снова начинает жить своей собственной жизнью. Уходит от котят, отдыхает от них, охотится. Если котятам что-то угрожает, она приходит на помощь, но она уже не прикована к ним постоянно. Она с ними играет, но стоит кому-то из котят слишком уж расшалиться, она тут же задаст неслуху хорошую трепку и покажет, что хочет отдохнуть. Понимаете, у кошки природа берет свое. Котята подрастают, и она все меньше о них печется, а мысли ее все больше занимают соседские коты. В природе такая модель поведения норма для любой особи женского пола. Множество девушек и женщин с развитым материнским инстинктом стремятся выскочить замуж главным образом потому, что, даже не отдавая себе в этом отчета, страстно хотят иметь детей. И вот малютки появляются на свет, женщина довольна и счастлива. Но жизнь берет свое. Женщина снова начинает внимательно относиться к мужу и интересоваться местными проблемами и сплетнями, не забывая, разумеется, своих детей. Все в меру. Это когда материнский инстинкт, в чисто физическом смысле, вполне удовлетворен.

Теперь о миссис Аргайл. Природа наделила ее сильным материнским инстинктом, лишив при этом способности выносить собственное дитя. Поэтому ее одержимость не ослабевала. Ей хотелось иметь детей, много детей, и все казалось мало. Ее мысли день и ночь были заняты детьми. Муж стал совсем не в счет. Вообще-то приятно, что он есть, но ей было не до него. Главное – дети. Кормить их, одевать, играть с ними, вся жизнь сосредоточилась на них. Слишком много для них делалось. В чем они действительно нуждались, так это в более халатном отношении со стороны взрослых, да-да, в разумных пределах это совсем неплохо. Их не просто выгоняли в сад погулять, как это делают все родители. Нет, им устроили особую

площадку с разными приспособлениями для лазания, мостик через ручей, маленький дом для игр среди деревьев, привозной песок, особый пляж на реке. Питание у них тоже было особое. Овощи, например, им до пяти лет протирали через сито, молоко стерилизовали, воду фильтровали; подсчитывали количество калорий и витаминов. Говорю вам как специалист, наблюдавший за этими детьми не один год. Сама миссис Аргайл у меня не лечилась. У нее был свой врач на Харли-стрит[18]. Но она редко к нему наведывалась. Она была крепкой, здоровой женщиной.

Меня всегда вызывали к детям, хотя миссис Аргайл, видимо, считала, что я непозволительно небрежен и даже жесток. Я советовал, например, разрешить детям есть ягоды прямо с куста. Говорил, что ничего страшного, если они промочат ноги или получат насморк. И если у ребенка небольшая температура, то волноваться не стоит. Никакой паники, пока не подскочит выше тридцати семи. Этих детей баловали, кормили с ложечки, суетились вокруг них, слепо обожали, что совсем не всегда шло им на пользу.

– Думаете, Жако испортило такое вот воспитание?

– Вообще-то я имею в виду не одного Жако. У него, по-моему, с детства были дурные наклонности. Теперь про таких говорят «ребенок с неустойчивой психикой». Так ли скажи, иначе – суть не меняется. Аргайлы делали для него все, что от них зависело, все, что только можно было сделать. За свою жизнь я на таких юнцов довольно нагляделся. Когда парень сбивается с пути, родители что обычно говорят? «Надо было в детстве строже его держать» или:

«Мы были слишком суровы. Ах, если бы мы мягче с ним обходились!» А по мне, что так, что эдак – никакой разницы. Одни сбиваются с пути оттого, что у них тяжелое детство и они лишены любви. А другие – от избалованности, чуть что не по их – сразу сворачивают на скользкую дорожку. Жако я причисляю к последним.

– Значит, вас не удивило, что его обвинили в убийстве?

– Честно признаться, удивило. Не потому, что не мог представить его в роли убийцы. Жако был способен на все. Меня удивило то, как он убил. Да, я знал, что у него бешеный нрав. В детстве он часто набрасывался с кулаками на других детей, мог швырнуть в них камнем, палкой, чем попало. Но он всегда выбирал тех, кто слабее его, и расправлялся с ними скорее даже не в припадке слепого гнева, а сознательно, желая причинить боль или чего-то добиться. Такого убийства я от него не ожидал. По-моему, для него характерно было бы иное. Скажем, они с сообщником совершили разбой, и за ними гонится полиция. «Ну, давай, друг, врежь ему! Давай, стреляй!» – кричат обычно такие как Жако. Они жаждут убивать, они подстрекают других, но у них не хватает духу собственными руками совершить убийство. Вот что я тогда подумал. И как теперь выясняется, был прав.

Колгари смотрел себе под ноги, на старый ковер, настолько потертый, что узора почти не было видно.

– Не представлял себе, – сказал он, – с чем я столкнусь. Не понимал, чем все это обернется для других. Не знал, что придется…

Доктор сочувственно кивнул.

– Понимаю. У вас такое чувство, будто вы должны выяснить наконец, что к чему, и все расставить по местам.

– Да, я и к вам-то пришел, если честно, надеясь, что вы, как человек хорошо знающий эту семью, поможете мне разобраться. Ведь, на первый взгляд, вроде бы ни у кого из Аргайлов не было причин убивать миссис Аргайл.

– На первый взгляд, да, – сказал доктор. – Но если копнуть глубже… О, тут, по-моему, обнаруживается множество причин.

– Каких?

– Вы действительно считаете, что это ваш долг?

– Да, именно. И ничего не могу с собой поделать.

– Может быть, на вашем месте я бы тоже так решил… Не знаю… Тогда слушайте, что я вам скажу: фактически никто из Аргайлов не мог собой распоряжаться. До тех пор, пока была жива их мать. Она сохраняла власть надо всеми ними.

– Каким образом?

– Она оставила им финансовое обеспечение. Притом весьма щедрое. В виде значительного дохода, который делился между ними в соотношениях, предусмотренных попечителями. Так вот: хотя сама миссис Аргайл не входила в число попечителей, ее воля имела силу…

– Примечательно, что все они так или иначе пытались ей сопротивляться, продолжил доктор после довольно длительной паузы. – Не принимать тех стереотипов, которые она им навязывала. А она действительно их навязывала, причем из лучших побуждений. Она хотела, чтобы у них был уютный дом, хотела дать им хорошее образование и помочь утвердиться в тех профессиях, которые сама же для них выбрала. Она старалась обращаться с ними так, будто они их с Лео Аргайлом родные дети. Но они были чужие – с чужой наследственностью и с врожденными, не всегда понятными ей склонностями. Микки занимается теперь продажей автомобилей. Эстер, можно сказать, сбежала из дома, чтобы играть на сцене, к тому же еще влюбилась в какого-то весьма сомнительного типа… А актриса из нее вышла никудышная. Пришлось вернуться домой. Пришлось, хочешь не хочешь, признать, что мать была права. Мэри во время войны выскочила замуж против воли матери. Он неглупый и очень симпатичный молодой человек, но в делах оказался полным профаном. Потом заболел полиомиелитом. Когда стал выздоравливать, его привезли в «Солнечный мыс». Миссис Аргайл настаивала на том, чтобы они жили там постоянно. Филип с видимой охотой согласился на это, но Мэри решительно восстала. Она хотела, чтобы у нее был свой дом и чтобы ее муж был при ней. Но она точно не получила бы этот дом, если бы мать не умерла.

Микки всегда держался вызывающе. Родная мать бросила его, и он очень от этого страдал. Страдал и в детстве, и даже теперь. По-моему, в глубине души он ненавидел свою приемную мать.

Теперь об этой массажистке шведке. Она не любила миссис Аргайл. Но к детям и к Лео она привязана. Хозяйка осыпала ее благодеяниями, и она, вероятно, старалась платить ей за это благодарностью, но это ей не слишком удавалось. И все же не думаю, что ее неприязнь была так велика, что она смогла бы хватить свою благодетельницу кочергой по голове. В конце концов, она, при желании, могла бы в любой момент уйти от миссис Аргайл. Что до Лео Аргайла…

– Да. Так что же?

– Он собирается жениться, – сказал доктор Макмастер, – и дай Бог ему счастья. Она очень славная, эта молодая женщина. Добрая, отзывчивая, с ней приятно поговорить. Она его любит, и, кажется, уже давно. Какие чувства испытывала она к миссис Аргайл? Вероятно, вы догадываетесь, так же, как и я. Естественно, смерть миссис Аргайл все упростила. Лео Аргайл не из тех, кто позволит себе завести интрижку с секретаршей в доме, который он делит со своей женой. И оставить миссис Аргайл, я думаю, он тоже никогда бы не решился.

– Я видел их обоих, говорил с ними, – задумчиво сказал Колгари, – не могу допустить мысли, что кто-то из них двоих…

– Понимаю. Как можно допустить подобное. Однако… вы же знаете, что убийство совершил кто-то из домочадцев.

– Вы в это верите?

– А что остается? В полиции убеждены, что посторонние тут ни при чем. Думаю, полицейские правы.

– Но кто из них? Макмастер пожал плечами.

– Остается только гадать.

– Вам самому ничего такого на ум не приходит? Вы ведь всех их знаете.

– Даже если бы и приходило, я бы все равно вам не сказал. Как я могу? Пока не выявится нечто такое, что я, вероятно, прозевал, не хотелось бы никого подозревать. Однако ни одного из них я не мог бы вывести за скобки. Да, задумчиво проговорил он, – по-моему, нам никогда не узнать всей правды. Полиция, как и полагается, произведет дознание. Уж они теперь все силы приложат. Но добыть показания через столько времени и не имея на руках почти ничего… – Он покачал головой. – Нет, думаю, правды мы никогда не узнаем. Подобных дел полным-полно, сколько об этом пишут! В двадцати – тридцати процентах случаев преступление налицо, а доказательств никаких, особенно в давних делах, когда прошло уже лет пять – десять.

– Думаете, и нас такое ждет?

– Ну да, конечно… – Он снова бросил острый взгляд на Артура. – Ужасно, правда?

– Конечно, ужасно. Для невиновных. Вот и она так сказала.

– Она? Кто?

– Эта девушка, Эстер. Сказала, что я ничего не понял, что теперь все дело в тех, кто невиновен. Вот и вы о том же. О том, что мы никогда не узнаем…

– ..кто из них невиновен? – докончил за него доктор. – Да, если бы мы могли узнать правду… Не надо никаких арестов, судебных разбирательств и приговоров. Важно просто узнать правду. Ибо в противном случае… – Доктор умолк.

– Что?

– Сами понимаете что, – сказал доктор Макмастер. – Зачем говорить, вы ведь сами уже все сказали. Мне вспоминается дело Брейво. По-моему, уже лет сто прошло, а о нем все еще пишут, гадают, кто убийца – то ли жена, то ли миссис Кокс, то ли доктор Голи. Но ведь

возможно, вопреки коронерскому вердикту, Чарлз Брейво сам принял яд. Однако все версии вполне правдоподобны, только теперь никто и никогда не узнает, какая из них верна. И вот семья отворачивается от Флоренс Брейво, она спивается и умирает в одиночестве. Миссис Кокс с тремя детьми на руках изгнана из общества, она так и состарится с клеймом убийцы. Доктор Голи погиб и как врач, и как личность… Виновник избежал наказания, а невиновные пострадали ни за что.

– Этому не бывать, – сказал Колгари. – В данном деле этому не бывать.

Глава 8

Эстер Аргайл смотрелась в зеркало. Но не тщеславие читалось у нее во взгляде, а смятение. Это был тревожный, вопрошающий взгляд, свойственный людям, постоянно сомневающимся в себе. Эстер отбросила волосы со лба, отвела их в сторону и недовольно нахмурилась. Внезапно в зеркале она увидела, что позади нее кто-то стоит. От неожиданности девушка вздрогнула и быстро обернулась.

– А! Испугалась! – воскликнула Кирстен Линдстрем.

– Испугалась? Чего, Кирсти?

– Меня испугалась. Думаешь, тихонько подкрадусь сзади и…

– Ох, Кирсти, брось эти шуточки. Разве мне может прийти в голову такая чепуха!

– Очень даже может. И правильно. Надо быть начеку. Потому ты и следишь за каждой тенью, дрожишь, увидев что-то непонятное. Потому что в этом доме есть чего бояться. Теперь-то мы знаем.

– Кирсти, дорогая, – сказала Эстер. – Кого-кого, а тебя я могу не бояться.

– Как знать? Вот я недавно читала в газете. Жили вместе две женщины, и не один год, и вдруг ни с того ни с сего одна из них убивает другую. Душит. Почему, спрашивается? А она в полиции спокойненько объяснила, что в ее подругу вселился дьявол. Сама, мол, видела, как он выглядывает у нее из глаз. Надо быть сильной и смелой, говорит, и убить дьявола.

– О да, помню этот случай, – сказала Эстер. – Но ведь та женщина сумасшедшая.

– Ну да. Только ведь она не знала, что сошла с ума. И никто вокруг не знал. Никто и не подозревал, что творится в голове у этой несчастной. Вот я и говорю, разве тебе ведомо, что творится в голове у меня. А может, я тоже сумасшедшая. Может, я вдруг поняла, что в твою мать вселился бес и поэтому ее надо убить.

– Ну да. Только ведь она не знала, что сошла с ума. И никто вокруг не знал. Никто и не подозревал, что творится в голове у этой несчастной. Вот я и говорю, разве тебе ведомо, что творится в голове у меня. А может, я тоже сумасшедшая. Может, я вдруг поняла, что в твою мать вселился бес и поэтому ее надо убить.

– Какая чушь, Кирсти! Совершенная чушь. Кирстен Линдстрем со вздохом опустилась на стул.

– Да, – сказала она. – Действительно, чушь. Я очень любила твою мать. Кроме добра, ничего от

нее не видела. Но я вот о чем толкую, Эстер, постарайся понять и поверить. Теперь ты ничего не должна считать чушью. И еще ты никому не должна доверять, в том числе и мне.

Эстер в упор смотрела на Кирстен Линдстрем.

– Вижу, ты настроена решительно, – сказала она.

– Очень решительно. Мы все должны быть решительными и играть в открытую. Нечего притворяться, что ничего не случилось. Этот человек – глаза бы мои его не видели! – убедил всех, что Жако не убийца, так я понимаю. Значит, убийца кто-то другой, и этот кто-то – один из нас.

– Нет, Кирсти, нет. Может быть, это кто-то, кто…

– Что?

– ..ну, например, хотел что-нибудь украсть или затаил злобу против мамы.

– И ты думаешь, твоя мама впустила бы его в дом?

– Вполне возможно. Ты же знаешь, какая она была. Если бы кто-то заявил, что пришел рассказать о несчастном заброшенном ребенке, с которым дурно обращаются… Неужели ты думаешь, что мама не впустила бы этого человека, не провела бы к себе в кабинет, не выслушала бы?

– Что-то не верится, – возразила Кирстен. – Не могла твоя мать позволить взять ему кочергу и уж тем более допустить, чтобы он подкрался сзади. Нет, с ней в комнате был кто-то из близких, с кем она чувствовала себя совершенно спокойно.

– Перестань, Кирсти, – вырвалось у Эстер. – Не хочу тебя слушать! Зачем вспоминать весь этот ужас?

– Затем, что он опять здесь, совсем близко. Больше ничего говорить не стану, но предупреждаю тебя – не доверяй никому, даже тому, кого, как тебе кажется, ты хорошо знаешь и в ком уверена. Берегись меня, берегись Мэри, берегись своего отца и Гвенды Воэн – тоже.

– Подозревать всех? Разве я смогу так жить?

– Хочешь знать мое мнение? Уезжай из этого дома.

– Сейчас не могу.

– Почему? Из-за молодого доктора?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, Кирсти. – Щеки Эстер вспыхнули.

– Я говорю о докторе Крейге. Очень приятный молодой человек. И врач он хороший, такой внимательный, добросовестный. Считай, тебе повезло. И все-таки, думаю, лучше бы отсюда уехать.

– Чепуха! – раздраженно выпалила Эстер. – Чепуха, чепуха, чепуха! Ох, и зачем только этот Колгари сюда явился!

– Вот именно, – подхватила Кирстен. – Глаза бы мои его не видели.

* * *

Лео Аргайл подписал последнее из писем, которые перед ним положила Гвенда Воэн.

– Все? – спросил он.

– Да.

– Неплохо сегодня поработали.

Гвенда наклеила марки и собрала письма в стопку.

– Тебе не кажется, что сейчас самое время отправиться за границу? спросила она.

– За границу? – рассеянно переспросил Лео Аргайл.

– Да. Разве не помнишь? Ты же собирался поехать в Рим и в Сиену.

– Ах, да-да, конечно.

– Хотел ознакомиться с архивными документами, о которых тебе писал кардинал Массилини.

– Да, помню.

– Может быть, забронировать билет на самолет или предпочтешь поезд?

Будто вернувшись мыслями откуда-то издалека, Лео Аргайл посмотрел на Гвенду и слабо улыбнулся.

– Кажется, тебе не терпится избавиться от меня, Гвенда?

– Ах, нет, дорогой, нет.

Она поспешно подошла к нему, опустилась на колени у его кресла.

– Я бы никогда с тобой не расставалась. Никогда. Но… но, думаю… думаю, лучше тебе отсюда уехать после… после…

– После того, как здесь появился доктор Колгари?

– Лучше бы он вообще не являлся, – сказала Гвенда. – Пусть бы все оставалось как было.

– Значит, пусть бы Жако был осужден за преступление, которого не совершал.

– Но мог бы совершить. В любую минуту мог бы. По-моему, это чистая случайность, что он его не совершил.

– Удивительно, – задумчиво проговорил Лео. – Я ведь никогда по-настоящему не верил, что Жако на это способен. Конечно, пришлось сдаться, улики были неопровержимые. Но все равно мне не верилось.

– Почему? Ведь Жако всегда был такой необузданный.

– Да, это правда. Лез в драку с другими детьми, чаще всего с теми, кто слабее его. Но я и вообразить не мог, что он осмелится поднять руку на Рейчел.

– Почему?

– Он ее боялся, – сказал Лео. – Она у всех вызывала почтение. И Жако не был исключением.

– Не кажется ли тебе, – проговорила Гвенда, – что именно потому и… – Она умолкла.

Лео вопросительно на нее посмотрел. Она слегка покраснела, сама не понимая почему, и отвернулась. Потом встала и подошла к камину. «Да, – подумала она, присев на корточки и протягивая руки к огню, – Рейчел у всех вызывала почтение. Такая самодовольная, уверенная в себе, настоящая пчелиная матка, которая всеми нами распоряжается. Кто-то, сам того не осознавая, мог хватить ее кочергой, только бы заставить умолкнуть раз и навсегда. Рейчел всегда права, Рейчел лучше всех все знает, Рейчел всегда своего добьется».

Гвенда вскочила на ноги.

– Лео, – позвала она, – нельзя ли… нельзя ли нам пожениться, не дожидаясь марта?

Лео поднял на нее взгляд, потом как бы через силу проговорил:

– Нет, Гвенда, нельзя. По-моему, это не слишком разумно.

– Почему?

– Мне кажется, не стоит ничего предпринимать сгоряча.

– Что ты хочешь сказать?

Гвенда подошла к нему, снова опустилась на колени.

– Лео, что ты хочешь этим сказать? Объясни мне.

– Только то, что я уже сказал, дорогая, – не следует действовать сгоряча.

– Но в марте мы ведь поженимся, как собирались?

– Надеюсь… Да, надеюсь.

– Ты говоришь так, будто не уверен в этом… Лео, тебе уже все равно?

– Ну что ты, родная. – Он положил руки ей на плечи. – Ты – единственное, что у меня есть на свете.

– Ну, тогда… – нетерпеливо проговорила Гвенда.

– Нет. – Лео поднялся. – Нет. Пока еще нет. Надо подождать. Мы должны быть уверены.

– В чем?

Он ничего не ответил.

– Ты ведь не думаешь… Не можешь ведь ты думать… – заговорила Гвенда.

– Я… я ничего не думаю, – сказал Лео. Дверь отворилась, и вошла Кирстен Линдстрем с подносом, который она поставила на письменный стол.

Topreading.ru

– Чай, мистер Аргайл. А для вас, Гвенда, принести чашку сюда или будете пить внизу?

– Сейчас спущусь в столовую. Письма я уношу. Их надо отправить.

Чуть дрожащей рукой Гвенда взяла только что подписанные Лео письма и вышла. Кирстен Линдстрем посмотрела ей вслед, потом обернулась к Лео:

– Что это вы ей сказали? Она сама не своя.

– Ничего. – Голос у Лео был утомленный. – Ровным счетом ничего.

Кирстен Линдстрем пожала плечами и удалилась, не сказав более ни слова. Тем не менее весь ее вид выражал очевидное неодобрение. Лео вздохнул и откинулся в кресле. Страшная усталость навалилась на него. Он налил себе чаю, но не притронулся к нему. Сидел, глядя перед собой невидящим взглядом. Ему вспоминалось прошлое.

Общедоступный клуб в восточной части Лондона, устройством которого он был тогда увлечен… Именно здесь он впервые встретился с Рейчел Констем. Она как живая стояла сейчас у него перед глазами. Среднего роста и довольно ширококостная, она была одета в дорогое платье, чего он в то время еще не умел оценить. Правда, это платье не прибавляло ей элегантности. Девушка с круглым серьезным личиком, пылкость и простодушие которой так его привлекали. Как много предстояло сделать, как много на свете такого, чем просто необходимо заняться! Она говорила хоть и бессвязно, но с такой горячностью, которая не могла не вызвать у него сочувствия. Ибо он тоже считал, что им предстоит много свершений, ради которых и стоит жить. Впрочем, он умел смотреть на вещи с известной долей иронии, и поэтому не был уверен в том, что их достижения всегда так уж велики и бесспорны. Зато у Рей-чел не было никаких сомнений. Если сделать то-то и то-то, обеспечить средствами такое-то заведение или общество, то желаемый результат последует сам собой.

Теперь-то он понимал, что она никогда не считалась с самими людьми. Она воспринимала их исключительно как часть некой умозрительной проблемы, которую ей надо решить. Ей было невдомек, что каждый человек – это личность, что у каждого есть свои особенности. Он, помнится, говорил ей тогда, что не следует ожидать слишком многого. Но она всегда рассчитывала на самый блестящий результат, хотя и уверяла, что это не так. Да, она всегда ожидала слишком многого и поэтому постоянно испытывала разочарование. Он сразу в нее влюбился и был приятно удивлен, узнав, что она дочь богатых родителей.

Они с Рейчел намеревались построить свою совместную жизнь на основе самых возвышенных идей, исключив из нее всякую обыденность. Но все-таки более всех этих благородных устремлений его пленяла тогда в Рейчел ее необыкновенная душевность. Теперь он точно это знал. Только, к несчастью, эта душевность была предназначена не ему. Да, она его любила. Но главное, чего она хотела от него, от жизни – это дети. А детей у них не было.

Они обошли всех докторов – и именитых, и никому не известных, и даже знахарей. В результате Рейчел пришлось смириться с единодушным приговором: она никогда не сможет иметь собственных детей. Ему было ее жаль, безмерно жаль, и он с готовностью уступил ее желанию усыновить ребенка. Они уже вели переговоры с соответствующим учреждением, когда однажды в Нью-Йорке, в одном из бедных кварталов, их автомобиль сбил девчушку, выбежавшую из многоквартирного дома.

Рейчел выскочила из машины и бросилась к девочке. К счастью, малышка не пострадала – отделалась ушибами. Она была очень хорошенькой: светловолосая, с голубыми глазами.

Рейчел все-таки настояла на том, чтобы отвезти ее в больницу – хотела удостовериться, что серьезных повреждений нет. Потом она поговорила с родственниками девочки. Оказалось, что она живет с теткой – по виду та была полная распустеха – и с ее мужем, явным выпивохой. Было очевидно: племянница им в тягость, они просто вынуждены были ее взять, потому что ее родители умерли. Рейчел сказала, что хочет забрать малышку на несколько дней к себе, и тетка, естественно, тут же согласилась.

– Я не могу даже толком за ней присмотреть, – сказала она.

Они взяли Мэри с собой в отель. Мягкая постель и роскошная ванная комната явно пришлись девочке по душе. Рейчел накупила ей новых платьев. И тут Мэри сказала:

– Не хочу домой. Хочу остаться здесь, с тобой. Рейчел посмотрела на него восторженным взглядом. Как только они остались одни, она сказала:

– Давай ее возьмем. Это легко устроить. Мы ее удочерим. Это будет наше дитя. Тетка только и мечтает избавиться от нее.

Он согласился почти не раздумывая. Девочка была тихая, послушная. И похоже, так и не привязалась к тетке с дядей. А Рейчел будет счастлива. И они начали действовать: проконсультировались с юристами, выправили бумаги. Очень скоро Мэри О'Шонесси стала Мэри Аргайл и отплыла вместе с ними в Европу. Наконец-то, думал он, бедная Рейчел обретет счастье. Она и правда была счастлива, безумно счастлива, ее пылкая любовь к Мэри была какой-то даже болезненной. Она задаривала дочь дорогими игрушками. Девочка была милая и ласковая. Однако что-то в ней все время немного тревожило Лео. Уж слишком она уступчива, казалось ему. Совсем не тоскует по дому, по близким. Он надеялся, что Мэри со временем привяжется к ним с Рэйчел. Но и теперь она, в сущности, оставалась чужой. Она всегда с радостью все принимала, всем была довольна. Но разве она любила свою приемную мать? Нет, чего не было, того не было.

После появления Мэри, вспоминал Лео, как-то так получилось, он все меньше и меньше интересовал Рейчел, она его почти не замечала. По своей природе она была матерью, а не женой. Обретя Мэри, она не столько удовлетворила свою жажду материнства, сколько ее разожгла. Одного ребенка ей было мало.

С этого времени она всю себя посвятила детям. Приюты для сирот, пожертвования в пользу калек и умственно отсталых, опека над больными детьми. Дети, дети, дети... Он восхищался женой, восхищался ее самоотверженностью. Однако теперь забота о детях заняла главное место в ее жизни. Мало-помалу у него появились собственные интересы. Он стал более основательно изучать историю экономики, которая всегда его увлекала. Все больше и больше времени проводил в библиотеке. Погрузился в научные изыскания, писал небольшие, стилистически безупречные монографии. А деятельная, неутомимая, довольная собой и своей жизнью Рейчел вела дом и все усерднее занималась благотворительностью. Он был покладист и уступчив. Он ее поощрял: «Великолепное начинание, дорогая», «Да-да, я бы непременно продолжал в том же духе». И лишь изредка он позволял себе предостеречь ее: «Полагаю, ты хорошенько все взвесишь, прежде чем примешь на себя это обязательство. Не стоит так увлекаться».

Она по-прежнему просила у него совета, но теперь это превратилось в пустую формальность. Она становилась все более властной. Она всегда права, она всегда знает, что нужно делать. Он из деликатности удерживался от возражений и замечаний.

Рейчел, думал он, больше не нуждается ни в его помощи, ни в его любви. Она поглощена своим делом и вполне счастлива. А энергии у нее столько, что она способна горы свернуть.

К обиде, от которой он не мог удержаться, странным образом примешивалась жалость к Рейчел. Он будто предчувствовал, что путь, по которому она так упрямо следует, может оказаться гибельным для нее.

В тридцать девятом разразилась война, и миссис Аргайл тотчас же удвоила свою активность. Когда однажды ей пришла мысль открыть приют для детей из городских трущоб, она сразу установила связи с влиятельными людьми в правительстве. Министерство здравоохранения выразило крайнюю заинтересованность в сотрудничестве с ней, и она подыскала подходящий дом: новое, современное здание, достаточно удаленное от тех мест, которые подвергались бомбардировке. Тут она смогла разместить восемнадцать человек в возрасте от двух до семи лет. Все – из бедных и неблагополучных семей. Сироты, незаконнорожденные, дети, чьи матери не пожелали с ними эвакуироваться – им просто прискучило заботиться о своих чадах. Дети, с которыми в семье плохо обращались и которыми пренебрегали. Три-четыре инвалида. Для ухода за ними миссис Аргайл, кроме домашней прислуги, наняла массажистку из Швеции и двух специально обученных сиделок. В приюте все было устроено очень удобно, даже роскошно. Однажды он начал увещевать жену:

– Рейчел, не стоит забывать, что детям придется вернуться к своей прежней жизни, в то окружение, из которого мы их взяли. Нельзя допустить, чтобы это стало для них слишком болезненным.

– Да что бы мы ни делали для этих несчастных малюток, все равно будет мало. Слишком мало! – горячо воскликнула она.

– И все-таки не забывай: они должны вернуться в свой прежний дом, настаивал он.

– Совсем не обязательно. Там видно будет, – отмахнулась она.

Вскоре война с ее неотложными нуждами принесла перемены. Медицинские сестры, истово надзиравшие в доме Аргайлов за совершенно здоровыми детьми, вынуждены были вернуться к своим прямым обязанностям – уходу за ранеными. В конце концов остались только одна уже немолодая сиделка и Кирстен Линдстрем. Прислуги тоже не хватало, и Кирстен приходилось помогать по дому. Она трудилась преданно и самоотверженно.

У Рейчел Аргайл не было теперь ни единой свободной минутки, и она была счастлива. Иногда случались и недоразумения. Однажды Рейчел, встревоженная тем, что маленький Микки все время худеет и теряет аппетит, вызвала доктора. Мистер Макмастер, ничего не найдя, предположил, что ребенок скучает по дому.

Рейчел с негодованием отвергла эту мысль:

– Это невозможно! Вы не представляете, что там за дом. С ребенком обращались ужасно, его били. Для него это был сущий ад.

– И все-таки, – настаивал доктор Макмастер, – я допускаю такую возможность. Надо заставить его разговориться.

И вот однажды Микки «разговорился».

– Хочу домой! – рыдал он в своей кроватке, отталкивая Рейчел. – Хочу домой, хочу к маме и к

Эрни. Рейчел растерялась, она не верила своим ушам.

– Не может быть! Она так ужасно с ним обращалась. Била его под пьяную руку.

– Против природы не пойдешь, Рейчел, – мягко возразил тогда он. – Это его мать, и он ее любит.

– Какая же она мать!

– Он ее плоть и кровь. В нем говорит голос крови, который ничто не может заглушить.

– Но теперь он должен видеть мать во мне, – отвечала жена.

Бедняжка Рейчел, думал Лео. Бедняжка, она могла купить все… За исключением того единственного, что было ей нужно. Она отдавала беспризорным детям всю свою любовь, благодаря ей у них теперь был дом. Она покупала им все, что душа пожелает. Не могла купить только любовь этих детей.

Потом война окончилась. По требованию родителей и родственников детей начали отправлять в Лондон. Но некоторых из них никто так и не востребовал, и тогда Рейчел сказала:

– Знаешь, Лео, они нам теперь как родные. Наконец-то мы можем создать настоящую семью. Четверо или пятеро из них останутся здесь. Мы их усыновим, будем воспитывать, это будут наши с тобой дети.

Он тогда, сам не зная почему, почувствовал смутное беспокойство. Не то чтобы он был против, просто подспудно ощущал никчемность этой ее затеи. Разве можно вот так легко, искусственным путем, создать семью?

– Тебе не кажется, что это рискованный шаг? – предостерег он.

– Рискованный? Ну и что же? Игра стоит свеч. Да, игра стоила свеч, только он не был так уверен в успехе, как она. К тому времени он уже настолько отдалился от жены, замкнувшись в холодном одиночестве… в своем собственном мирке, что не стал ей перечить. Сказал, как говорил уже много раз:

– Поступай как знаешь, Рейчел.

Она торжествовала, вся сияя от счастья, строила планы, беседовала с юристами, взявшись за дело с присущей ей энергией. Вот так она и создала свою семью. Мэри, старшая, та девочка, которую они привезли из Нью-Йорка;

– Поступай как знаешь, Рейчел.

Она торжествовала, вся сияя от счастья, строила планы, беседовала с юристами, взявшись за дело с присущей ей энергией. Вот так она и создала свою семью. Мэри, старшая, та девочка, которую они привезли из Нью-Йорка;

Микки, тот самый мальчик, который столько ночей засыпал в слезах, скучая по своей трущобе и по нерадивой, неласковой матери; Тина, грациозная, смуглая полукровка, дочь женщины легкого поведения и матроса-индийца; Эстер, незаконнорожденная девочка, чья мать, юная ирландка, пожелала начать новую жизнь. И маленький Жако, очень обаятельный, с подвижным обезьяньим личиком. Его шалости так всех смешили. Жако, которому всегда

удавалось отвертеться от наказания. Даже к такой ревнительнице дисциплины, как мисс Линдстрем, он умел подольститься и выманить лишнюю порцию сладкого. Жако, отец которого отбывал тюремное наказание, а мать сбежала с другим.

Да, думал Лео, конечно, усыновить этих детей, дать им дом, окружить их родительской любовью и заботой – это ли не настоящее дело. Рейчел имела право торжествовать, упиваясь победой. Только из этой затеи получилось совсем не то, чего они ожидали… Их с Рейчел настоящие дети были бы совсем другие. А в этих нет ни капли крови работящих, бережливых предков Рейчел, нет напористости и честолюбия, которые помогли скромным представителям этого семейства завоевать прочное место в обществе; нет в них и той неброской доброты и целомудрия, какие он помнит в своем отце, дедушке и бабушке со стороны отца, и живости и блеска ума, отличавших родителей его матери.

Они с Рейчел сделали для этих детей все, что было в их силах. Однако что может дать воспитание? Конечно, многое, но не все. Начать с того, что в детях уже были заложены семена родительских пороков, вследствие которых они и оказались в приюте и которые при определенных условиях могли расцвести пышным цветом. И яркий тому пример – Жако. Жако с его обаянием, живостью, остроумием, с его даром любого обвести вокруг пальца нес в себе черты законченного преступника. Они проявились очень рано в его привычке лгать и воровать. Эти дурные наклонности, заложенные в нем в совсем раннем детстве, легко устранить, говорила Рейчел. Оказалось, совсем нелегко… Невозможно.

В школе он учился плохо. Из университета его исключили, а затем потянулась длинная череда всяких неприятностей, и они с Рейчел выбивались из сил, стараясь, чтобы мальчик понял, как они его любят, как верят ему. Они пытались подыскать для него такое занятие, которое бы ему подходило и позволяло надеяться на успех. Возможно, думал Лео, они проявляли по отношению к нему излишнюю мягкость. А впрочем, мягкость ли, твердость ли, все равно он был бы тем же. Если Жако чего-то хотел, он не отступался. Он готов был пустить в ход любые, даже противозаконные средства. Но преступником он оказался неудачливым, способностей не хватало даже на мелкие аферы. И вот финал: промотав все до нитки, он, боясь попасть в тюрьму, явился сюда в тот последний день, стал требовать денег – будто имел на них право… угрожать. Потом убежал, на прощанье припугнув мать, что еще вернется, так что лучше ей приготовить деньги, не то…

И вот Рейчел мертва. Каким далеким прошлым казалась ему теперь вся их жизнь. Жизнь, полная бесконечных сражений с взрослеющими и все более непокорными детьми. Все эти годы были теперь лишь тусклым воспоминанием. А каким был тогда он сам? Тоже тусклым, и вообще каким-то бесцветным. Будто кипящая энергия Рейчел, ее жажда жизни истощили его, лишили сил и воли. А он так нуждался в сердечном сочувствии и любви…

И сейчас он едва мог вспомнить, когда именно осознал, что и любовь и сочувствие – вот они, рядом. Только руку протяни. Не то чтобы их ему предлагали, но…

Гвенда… Безупречная, незаменимая помощница, она всегда рядом, всегда готова прийти по первому его зову, она – сама доброта. Чем-то напоминает Рейчел, какой та была, когда они познакомились. Такая же отзывчивая, сердечная, увлекающаяся. Только у Гвенды ее сердечность, отзывчивость, пылкость – все сосредоточено на нем. Не на каких-то не существующих пока детях, которые, возможно, со временем у нее появятся, а на нем. Он будто протянул руки к огню… Озябшие, отвыкшие от тепла, неловкие руки. Когда он впервые понял, что она его любит? Трудно сказать. Это произошло как-то исподволь.

Но то, что и он ее любит, открылось ему внезапно. Как и то, что они не могут пожениться, пока

жива Рейчел.

Лео вздохнул, выпрямился в кресле и выпил совсем остывший чай.

Глава 9

Не прошло и пяти минут, как ушел Колгари, а к доктору Макмастеру пожаловал новый посетитель. Его-то доктор хорошо знал и поздоровался с ним очень сердечно.

– А, Дон, рад тебя видеть. Входи, выкладывай, с чем пришел. Что там у тебя на уме? Что-то есть, знаю – ты всегда вот так морщишь лоб.

Доктор Доналд Крейг криво улыбнулся. Это был приятный молодой человек, очень серьезный и очень степенны и, такие слов на ветер не бросают. Старый доктор искренне любил своего юного преемника, хотя порою ему казалось, что Доналду Крейгу чуть-чуть недостает чувства юмора.

От предложенного ему вина Крейг отказался и сразу приступил к делу.

– Мак, я очень встревожен.

– Как, неужели у кого-то из твоих пациентов снова авитаминоз? – воскликнул доктор Макмастер. Он не мог удержаться от этой шутки. Как-то однажды ему пришлось прибегнуть к помощи местного ветеринара, чтобы убедить юного Крейга, что у одной из его маленьких пациенток не авитаминоз, а запущенный стригущий лишай, которым она заразилась от своей кошки.

– Пациенты тут ни при чем, – сказал Доналд Крейг. – Эго касается лично меня.

Выражение лица у Макмастера сразу изменилось.

– Ну, извини, мой мальчик. Извини. У тебя что-то стряслось?

Молодой человек покачал головой.

– Да нет. Послушайте, Мак, мне надо с кем-то посоветоваться, а вы их всех столько лет знаете, вам все про них известно. Я тоже должен знать… Надо же мне разобраться в том, что происходит, и решить, как мне действовать дальше.

Старый доктор недоуменно поднял свои кустистые брови.

– Давай-ка выкладывай, в чем дело, – потребовал он.

– Дело в Аргайлах. Вы знаете… думаю, все уже знают, что… нас с Эстер Аргайл… Мистер Макмастер кивнул.

– Связывает некое сердечное взаимопонимание, – одобрительно сказал он. По-моему, это старомодное выражение тут очень подходит.

– Вообще-то я ужасно в нее влюблен, – признался Доналд. – И, кажется… нет, я даже уверен, что… она тоже. А тут вдруг такое открывается.

По лицу старого доктора было видно, что он понял, о чем идет речь.

– О да! С Жако Аргайла снято обвинение, – сказал он. – Правда, слишком поздно.

– Вот именно. И у меня такое чувство… Понимаю, грех так говорить, но ничего не могу с собой поделать. Уж лучше бы вообще ничего не открылось.

– Не тебя одного мучит эта крамольная мысль, – сказал Макмастер. Насколько я успел заметить, твои чувства разделяют все, начиная от старшего инспектора и семьи Аргайлов до самого этого молодого человека, который, вернувшись из Антарктики, засвидетельствовал невиновность Жако. Кстати, он у меня сегодня был.

– Неужели? – удивился Доналд Крейг. – Он что-нибудь сказал?

– А что, по-твоему, он должен сказать?

– Может быть, он догадывается кто… Доктор Макмастер покачал головой:

– Нет. Никаких соображений на этот счет у него нет. Да и откуда? Ведь он никогда не был знаком с Аргайлами. Похоже, соображений нет вообще ни у кого.

– Да-да, видимо, вы правы.

– Что тебя так беспокоит, Дон? Доналд Крейг глубоко вздохнул.

– Когда этот Колгари здесь появился, Эстер в тот же вечер мне позвонила. После приема мы с ней собирались поехать в Драймут, послушать лекцию на тему «Образы преступников в пьесах Шекспира».

– Актуальная тема, – заметил Макмастер.

– И вот она мне звонит, говорит, что не придет. Говорит, что они узнали новость, которая их всех ужасно расстроила.

– Ну да. Новость, которую им сообщил доктор Колгари.

– Именно. Хотя тогда она о нем и не упомянула. Но была ужасно расстроена. Вы бы слышали, какой у нее был голос!

– Ирландский темперамент, – сказал Макмастер.

– Она была потрясена, напугана. Не могу вам передать, в каком она была состоянии.

– Чего же ты хочешь? Ей ведь и двадцати нет, ты же знаешь, – Но почему она так напугана? Говорю вам. Мак, она до смерти чего-то боится.

– М-мм, да, ну… да, возможно.

– Вы думаете, что… о чем вы думаете?

– Уместнее спросить, о чем думаешь ты. Молодой человек сокрушенно проговорил:

– Не будь я врачом, я бы об этих тонкостях и не задумывался. Девушка, которую я люблю, не может совершить ничего дурного. Но так как…

– Ну, говори, говори. Тебе надо облегчить душу.

– Понимаете, я догадываюсь о том, что происходит с Эстер. Она… она страдает от комплексов, которые сформировались в раннем детстве.

– Вот-вот, – сказал Макмастер. – Теперь мода такая – везде ищут детские комплексы.

– Вот-вот, – сказал Макмастер. – Теперь мода такая – везде ищут детские комплексы.

– Она еще не успела должным образом адаптироваться в обществе. В то время, когда произошло убийство, она находилась в мучительном состоянии, вполне естественном для очень юной девушки – она не желала подчиняться опеке взрослых, пыталась уклониться от докучливой родительской любви, которая, по теперешним представлениям, приносит детям больше вреда, чем пользы. Ей хотелось бунтовать, хотелось бежать из дому. Она сама мне об этом рассказывала. И она бежала, вступила в труппу третьеразрядного странствующего театра. Ее мать, по-моему, дала ей дельный совет. Она предложила Эстер поехать в Лондон, поступить в Королевскую академию драматического искусства, чтобы профессионально изучать сценическое мастерство, если уж ей так хочется. Но этого Эстер как раз и не хотела. Бегство из дому и разъезды с театром были не более чем позой. На самом деле она вовсе не собиралась ни учиться, ни становиться профессиональной актрисой. Ей просто важно было доказать, что она может поступать по-своему. Как бы то ни было, Аргайлы не пытались ее вернуть. Они предоставили ей полную свободу и щедро снабжали карманными деньгами.

– Что было очень умно с их стороны, – заметил Мак-мастер.

– Потом она по наивности увлеклась одним уже немолодым актером из их труппы. В конце концов она поняла, что он дурной человек. Приехала миссис Аргайл, поговорила с ним, и Эстер вернулась домой…

– Извлекши из всего этого урок, как говаривали в старину, – сказал Макмастер. – Но, естественно, уроки не любит извлекать никто. И Эстер не исключение.

Доналд Крейг озабоченно продолжал:

– Эстер затаила обиду, тем более что должна была признаться, хотя бы самой себе: ее мать совершенно была права, что актриса из нее получилась дурная; что человек, которому она расточала свои чувства, их не стоил, и она по-настоящему его и не любила. «Мама знает, что говорит». Молодые терпеть этого не могут.

– Да, – кивнул Макмастер. – И в этом была беда миссис Аргайл, вернее, одна из ее бед, хотя она сама никогда так не считала. Понимаешь, она действительно почти всегда оказывалась права и действительно лучше всех знала, что и как делать. Будь она из тех, кто вечно влезает в долги, теряет ключи, опаздывает на поезд, творит всякие глупости, из которых не может выпутаться без посторонней помощи, близкие ее бы обожали. В такой семье в той или иной мере каждый волен жить по своему разумению. А у миссис Аргайл к тому же не хватало ума действовать хитростью, чтобы добиться своего, она шла напролом. Помнишь, какая она была самодовольная. Упивалась своей властью и мудрой прозорливостью, своей непогрешимостью. Молодым трудно такое вынести.

– Да-да, понимаю, – подхватил Доналд Крейг. – Слишком хорошо понимаю, поэтому… мне хотелось бы знать… – Он осекся.

– Дон, если ты мне позволишь, – мягко проговорил доктор Макмастер, – я сам скажу, что тебя тревожит. Ты боишься, что Эстер слышала, как миссис Аргайл и Жако ссорились. И пока она слушала, в душе ее росло желание взбунтоваться против своей всеведущей матери. В припадке ярости она бросается в кабинет, хватает кочергу и наносит роковой удар. Ты ведь этого боишься, да?

Молодой человек кивнул, вид у него был несчастнейший.

– Нет, не может быть. Не верю этому, но… но чувствую… чувствую, что так могло бы случиться. Эстер неуравновешенна, не умеет держать себя в руках. Она не по возрасту инфантильна, не уверена в себе, сумасбродна. Если посмотреть на остальных Аргайлов, вроде бы никто из них не мог такое совершить. Но Эстер… не знаю…

– Понимаю, – сочувственно произнес доктор Макмастер. – Понимаю.

– Нет, я ее не обвиняю, – поспешно добавил Дон Крейг. – Думаю, бедная девочка не отдавала себе отчета в том, что делает. Разве это можно назвать убийством? Эмоциональный срыв, бунт, вызванный жаждой обрести свободу и сознанием того, что, покуда мать жива, ей этой свободы не видать.

– Последнее звучит весьма правдоподобно, – сказал Макмастер. – И в этом можно усмотреть хоть какой-то мотив, хотя и довольно необычный. В глазах закона он совершенно неубедителен. Желание получить свободу. Свободу от вынужденного подчинения более сильной личности. После смерти миссис Аргайл никто из членов ее семьи не унаследовал крупной суммы денег, поэтому, с точки зрения закона, у них не было мотива для убийства. Но то, что она имела большое влияние на попечителей, видимо, все-таки отражалось на финансовом положении детей. Да, с ее смертью все получили свободу. Не только Эстер, мой мальчик. Лео получил возможность жениться. Мэри может теперь без помех лелеять своего мужа, Микки – жить так, как ему нравится. Даже «темная лошадка», крошка Тина, уединившаяся в своей библиотеке, обрела желанную свободу.

– Все-таки я должен был к вам прийти, – сказал Доналд. – Должен был узнать, что вы думаете. Не кажется ли вам, что… что это могло случиться?

– Ты об Эстер?

– Да.

– Могло бы, – с расстановкой проговорил Мак-мастер, – но не знаю, случилось ли.

– Так, значит, вы считаете, что все могло произойти именно так?

– Да. По-моему, ты рассуждаешь верно, во всяком случае, твое предположение довольно резонно. Но, Доналд, оно отнюдь не бесспорно.

Молодой человек нетерпеливо вздохнул.

– Мак, мне нужна определенность. Я должен знать. Если Эстер мне расскажет, если откроется, тогда… тогда все будет хорошо. Мы поженимся как можно скорее. И я буду о ней заботиться.

– Слава Богу, тебя не слышит старший инспектор Хьюиш, – сдержанно заметил Макмастер.

– Вообще-то я законопослушный гражданин, – сказал Доналд, – но вы же отлично понимаете,

Мак, что полицейские не слишком разбираются в психологии. По-моему, тут речь может идти даже не об убийстве в состоянии аффекта, а о несчастном случае. Хладнокровное убийство исключено в принципе.

– Вы влюблены в эту девушку, Дон.

– Мак, имейте в виду, я говорю с вами сугубо конфиденциально.

– Да-да, конечно.

– Собственно, мне нечего сказать, кроме того, что если Эстер мне откроется, мы вместе искупим ее проступок. Но она должна сказать мне. Я не смогу жить в неведении.

– То есть ты не готов жениться на ней, пока тебя мучат подозрения?

– А как бы вы поступили на моем месте?

– Не знаю. В мое время, случись со мной такое, я бы, наверное, должен был убедиться в ее невиновности.

– Виновна, невиновна, дело не в этом. Просто я должен знать.

– Значит, даже если она действительно убила свою мать, ты готов на ней жениться и надеешься счастливо прожить с ней жизнь?

– Да.

– Не налейся! – с горячностью произнес Макмастер. – Ты же будешь вечно терзаться сомнениями: не слишком ли горький кофе, а кочерга, которая стоит у камина, не слишком ли она увесистая. Твоя жена поймет, что ты все время об этом думаешь. И ничего у вас не выйдет…

Глава 10

– Уверен, Маршалл, что вы поймете причины, побудившие меня пригласить вас принять участие в этом разговоре.

– Разумеется, – сказал мистер Маршалл. – По правде говоря, мистер Аргайл, если бы вы меня не пригласили, я бы сам просил у вас позволения приехать. Сегодня во всех утренних газетах появились сообщения и, безусловно, все идет к тому, что пресса снова начнет проявлять интерес к этому делу.

– Нам уже звонили и просили дать интервью, – вставила Мэри.

– Так-так, этого следовало ожидать. Я бы советовал отвечать, что вам пока нечего сказать. Разумеется, вы благодарны доктору Колгари, вы рады, что с Жако сняты обвинения, но от обсуждения предпочитаете воздерживаться.

– Старший инспектор Хьюиш, который тогда вел это дело, просил разрешения прийти сюда завтра утром и побеседовать с нами, – сказал Лео.

– Да. Да, боюсь, в деле откроются какие-то новые обстоятельства, хотя не думаю, что у полиции

есть шансы получить ощутимый результат. В конце концов, прошло два года, и если поначалу здесь еще что-то помнили, то теперь наверняка уже все забыто. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

– По-моему, все совершенно ясно, – уверенным топом изрекла Мэри. – Дом всегда надежно запирался, и грабитель не мог в него проникнуть, но если бы кто-то пришел и сказал, что хочет обратиться к матери с просьбой, или просто представился ее хорошим знакомым, то его бы наверняка впустили. Думаю, так и случилось. Отцу показалось, что он слышал, как после семи в дверь позвонили.

Маршалл вопросительно посмотрел на Лео.

– Да, кажется, я об этом говорил, – подтвердил тот. – Конечно, теперь мне трудно припомнить все досконально, но тогда я вроде бы действительно слышал звонок. Хотел даже спуститься, но потом услышал, как дверь открылась и снова закрылась. Причем снизу не доносилось ни голосов, ни шума, то есть никто не пытался ворваться в дом силой. Иначе я бы, конечно, это понял.

– Так-так, – сказал мистер Маршалл. – Да, думаю, скорее всего, именно так все и произошло. Увы, нам слишком хорошо известно, как легко преступник может проникнуть в дом: достаточно только наплести хозяину более или менее убедительную историю про свои несчастья. Да, по-моему, можно допустить, что в данном случае мы столкнулись с чем-то подобным.

Мистер Маршалл говорил неторопливо и веско, время от времени внимательно оглядывая собравшихся, и мысленно оценивая каждого из них с присущей ему обстоятельностью. Мэри Даррант, красивая, но без малейшего намека на одухотворенность, подчеркнуто самоуверенная, даже немного надменная. За ней ее муж в инвалидной коляске. Филип, умница, мог бы многого достичь, не будь он так беспомощен в том, что касается бизнеса. Держится отнюдь не столь безмятежно, как его жена. Взгляд беспокойный, озабоченный. Он-то прекрасно понимает, чем чреваты события последних дней. Мэри тоже, конечно, далеко не так спокойна, как хочет казаться. Она всегда умела скрывать свои чувства, даже когда была маленькой девочкой.

Филип едва заметно пошевелился в своем кресле, не спуская с мистера Маршалла своих проницательных, чуть насмешливых глаз. Мэри быстро повернулась и бросила на мужа взгляд, полный такого обожания, что мистер Маршалл был поражен. Конечно, он знал, что Мэри преданная жена, но привык считать ее сдержанной, даже бесстрастной, не способной ни на какие сильные чувства. Вот, значит, как она относится к мужу! А Филип точно встревожен. Видимо, его пугает будущее, подумал Маршалл, и, может статься, не напрасно.

Напротив мистера Маршалла сидел Микки. Молодой, красивый, с горькой складкой у губ. И почему он так ожесточен, вскользь подумал мистер Маршалл. Разве для него не делается все, что его душа пожелает? Почему у него такой вид, будто он постоянно конфликтует со всем миром. Рядом с ним Тина, маленькая, изящная кошечка. Очень смуглая, глаза темные, голос вкрадчивый, движения исполнены мягкой грации. Удивительно невозмутимая, впрочем, за этой невозмутимостью может скрываться чувствительная душа. Вообще-то о Тине Аргайл ему было известно очень немного. Она работает в библиотеке, эту работу ей подыскала миссис Аргайл. В Редмине у нее квартира, а на выходные она приезжает домой. В семье Аргайлов Тина, очевидно, считается покладистой, вполне благополучной девушкой. Как знать! Во всяком случае, ее можно исключить из круга подозреваемых. В тот вечер ее в доме не было. Правда,

Редмин находится всего в двадцати пяти милях отсюда. И все-таки, по-видимому, ни Тины, ни Микки здесь не было.

Маршалл бросил быстрый взгляд на Кирстен Линдстрем, которая неотступно за ним наблюдала. Чувствовалось, что почтенная дама настроена довольно воинственно. Предположим, рассуждал мистер Маршалл, это она в припадке безумия набросилась на свою хозяйку. Признаться, он бы не удивился. Юриста с многолетним стажем трудно чем-либо удивить. Комплекс старой девы – такое понятие существует теперь в психиатрии. Зависть, ревность, обида на всех и вся по поводу и без повода. Да уж, даже термин изобрели. А как удобно было бы, вдруг мелькнуло в голове у мистера Маршалла. Очень удобно. Иностранка. Не член семьи. Однако смогла бы Кирстен Линдстрем все устроить так, чтобы подставить Жако? Воспользоваться тем, что слышала, как они с матерью ссорятся? Едва ли. Ведь Кирстен Линдстрем обожала Жако. Она всегда была так предана детям. Нет-нет, это была не она. Досадно, что... Нет, право же, не стоит даже об этом думать.

Он перевел взгляд на Лео Аргайла и Гвенду Воэн. Они еще не объявили о помолвке, ну что ж, и слава Богу. Очень мудрое решение. Вообще-то Лео Аргайл не скрывал своих матримониальных[19] намерений. Здесь они не были секретом ни для кого, в том числе и для полиции, которая конечно же с готовностью ухватится за эту версию. Еще бы, ведь прецедентов было предостаточно. Муж, жена, другая женщина. Однако чтобы Лео Аргайл убил свою жену... Поверить в это Маршалл никак не мог. Не мог, и все тут. В конце концов, он не первый год знает Лео Аргайла, знает, что это за человек. Мягкий, интеллигентный, начитанный, с философски-отстраненным восприятием жизни. Отнюдь не из тех, кто способен убить жену, да еще таким варварским способом. Конечно, когда мужчина в его возрасте влюбляется... Но нет! Вздор, приманка для газетных писак. Занимательное чтиво в воскресных приложениях. Нет, вообразить, чтобы Лео...

А эта женщина? Ему не слишком много известно о Гвенде Воэн. Стройная, но при этом не худышка, полные чувственные губы. Влюблена в Лео. Видимо, уже давно. Интересно, подумал мистер Маршалл, возникал ли когда-нибудь вопрос о разводе. Как бы отнеслась к разводу миссис Аргайл? Этого он не знал, а вот что касается Лео Аргайла, то едва ли такой вариант был для него приемлем, с его-то старомодными взглядами. Вот если Гвенда Воэн была любовницей Лео Аргайла (хотя это маловероятно), могла ли она воспользоваться случаем и устранить миссис Аргайл, будучи уверена, что на нее не упадет и тени подозрения? Могла ли она не дрогнув пожертвовать Жако? Скорее всего, она его не любила, несмотря на все его обаяние. А женщины в принципе безжалостны, мистеру Маршаллу это было известно слишком хорошо. Словом, Гвенду Воэн из списка подозреваемых исключать нельзя. Вряд ли теперь полиции удастся откопать какие-нибудь улики. Да и какие против нее могут быть улики? В тот день она находилась здесь, они с Лео Аргайлом работали в библиотеке. Потом Гвенда Воэн попрощалась с ним и сошла вниз. Но кто знает? Может быть, она зашла в гостиную к миссис Аргайл? Взяла кочергу и подкралась к ничего не подозревающей женщине, склонившейся над бумагами. И когда миссис Аргайл упала, даже не успев крикнуть, ей осталось только выйти через парадную дверь и вернуться домой, как обычно... Нет, мистер Маршалл весьма сомневался в том, что полиция, и вообще кто бы то ни было, сможет узнать, как все было на самом деле.

Его взгляд остановился на Эстер. Хорошенькая и совсем еще юная. Нет, не просто хорошенькая, а прелестная. Пленяет какой-то странной, тревожной красотой. Интересно бы узнать, кто были ее родители? В ней чувствуется что-то дикое, бунтарское. Да, пожалуй, уместно даже сказать отчаянное. Было ли в ее жизни что-то, отчего она стала такой? Из дому, конечно, убежала тогда по глупости и по глупости влюбилась в какого-то проходимца, потом, правда, одумалась, вернулась домой. И все-таки ее тоже нельзя исключить из круга

подозреваемых. Мало ли что могла натворить эта отчаянная девчонка… Кто знает? Уж конечно не полиция.

А что, собственно, полиция? Даже если они там решатся кого-то заподозрить, что они смогут предпринять? Стало быть, в общем все пока обстоит неплохо. Неплохо? Его слегка передернуло, когда он вдумался в это слово. Неужели тупик – самая предпочтительная в данных обстоятельствах ситуация? Интересно, а сами Аргайлы знают правду? Похоже, что нет. Не знают. Кроме, разумеется, одного из них… Нет, знать они не знают, но, может быть, кого-нибудь все-таки подозревают? Даже если теперь не подозревают, то вскоре станут подозревать, потому что наверняка начнут припоминать, исподволь выведывать каждую мелочь… Да и как тут удержаться… Неприятно. Да-да, пренеприятнейшее положение… Мистер Маршалл, выйдя из задумчивости, поймал на себе насмешливый взгляд Микки.

– Значит, мистер Маршалл, таков ваш вердикт? – сказал Микки. Посторонний, незваный гость, злодей, который убивает, похищает деньги и исчезает с награбленным?

– Мне кажется, именно эту версию нам следует принять, – ответил мистер Маршалл.

Микки откинулся в кресле и усмехнулся.

– То есть мы должны придерживаться вашей версии, да?

– Да, Майкл, я бы посоветовал поступить таким образом. – В голосе мистера Маршалла проскользнули предостерегающие нотки.

Микки понимающе кивнул.

– Значит, вы советуете. Да. Должен заметить, что совет очень дельный. Однако сами вы в эту версию не верите, так?

Мистер Маршалл холодно на него посмотрел. Как трудно иметь дело с людьми, лишенными вполне естественного и оправданного чувства осторожности. Непременно хотят сказать то, чего лучше бы вовсе не говорить.

– Я сказал то, что счел нужным. Таково мое мнение. За категоричностью его тона крылся невысказанный укор. Микки обвел взглядом стол.

– Что мы об этом думаем? – обратился он ко всем сидящим за столом. – Вот ты, Тина, скромница ты наша, нет ли у тебя каких-нибудь идей? Каких-нибудь нежелательных, так сказать, версий? А ты, Мэри, отчего ты помалкиваешь?

– Ну разумеется, я согласна с мистером Маршаллом, – раздраженно произнесла Мэри. – Что еще можно предложить?

– А вот Филип, кажется, с тобой не согласен, – ухмыльнулся Микки.

Мэри порывисто обернулась и посмотрела на мужа.

– Ты бы лучше придержал язык, Микки, – спокойно отозвался Филип. – Когда попадаешь в трудное положение, от пустых разговоров нет никакого прока. А мы сейчас в трудном положении.

– Итак, ни у кого никаких соображений? – вопросил Микки. – Ладно. Нет так нет. В таком

случае давайте немного пошевелим мозгами на сон грядущий. Иногда очень полезно, знаете ли. Тем более каждый из нас хочет понять, что же все-таки случилось на самом деле. Кирсти, ты ведь кое-что знаешь? Ты всегда все примечала. Помнится, ты и прежде всегда все знала, но никогда ничего не говорила.

Кирстен Линдстрем с достоинством ответила:

– Тебе, Микки, лучше придержать язык. Мистер Дар-рант прав. Что толку в пустых разговорах.

– А еще мы могли бы устроить голосование, – сказал Микки. – Или написать имя на бумажке и бросить ее в шляпу. По-моему, будет ужасно интересно. Узнаем, кто соберет больше голосов.

Кирстен Линдстрем повысила голос:

– Уймись! Ведешь себя как глупый, дерзкий мальчишка. А ты ведь уже взрослый.

– А что? Я ничего. Я только говорю «давайте подумаем», вот и все, растерянно пробормотал Микки.

– Подумаем, подумаем, – с горечью сказала Кирстен Линдстрем.

Глава 11

Ночь опустилась на «Солнечный мыс». Семеро его обитателей разошлись по своим комнатам, но уснуть никто из них не мог…

* * *

Филип Даррант, с тех пор как утратил способность двигаться, находил все большее утешение в интеллектуальных занятиях. Он понял, какие редкостные возможности открывает перед ним его изощренный ум. Порой он развлекался тем, что предугадывал, какой отклик у окружающих будет иметь тот или иной посыл. Чаще всего то, что он делал или говорил, было продиктовано не естественным побуждением, а желанием посмотреть, какая реакция последует. Для него это было чем-то вроде игры. Если ему случалось угадать, он мысленно ставил себе галочку.

Развлекаясь таким образом, он развил в себе тонкую наблюдательность и научился неплохо разбираться в человеческих характерах, определять, кто что собой представляет на самом деле.

Прежде психология людей как таковая не слишком его интересовала. Те, с кем он общался и кто его окружал, могли нравиться ему или не нравиться, могли его забавлять или нагонять на него скуку, но это было не так уж важно. Он был прежде всего человек действия, а не созерцатель. Его незаурядная фантазия была направлена на изобретение различных способов добывания денег. Все его планы отличались остроумием, но катастрофическое отсутствие деловой хватки сводило их на нет. Раньше люди были для него всего лишь пешками. Но с той поры, как он заболел и отошел от прежней активной жизни, ему пришлось с ними считаться.

Все началось в госпитале, где за неимением другого занятия он пристально наблюдал за тем, что происходит вокруг – за любовными интрижками сиделок и сестер, за тайными столкновениями страстей и мелких обид. Вскоре это развлечение превратилось в привычку. Люди – это единственное, что теперь его интересовало. Только люди. Изучать их, разузнавать о

них как можно больше и делать выводы. Угадывать, чем они живут, радоваться, когда оказываешься прав. Безусловно, это было увлекательное занятие...

Сегодня вечером, сидя в библиотеке, он понял, как мало знает семью своей жены. Что они за люди? Ему хорошо известны их чисто внешние особенности и проявления, а вот каковы они изнутри? Удивительно, как мало мы знаем о близких. Даже о своей собственной жене.

Он задумчиво посмотрел на Мэри. Что он о ней знает?

Он в нее влюбился, привлеченный ее красотой и сдержанным достоинством ее манер. К тому же она была небедна, что для него тоже имело значение. Он бы дважды подумал, прежде чем жениться на бесприданнице. В общем, в Мэри его все устраивало, и они поженились. Он ее поддразнивал, называл Полли и радовался, когда она растерянно на него глядела, не понимая его шуток. Но что он о ней знал? О чем она думает, что чувствует? Конечно, он знал, что она его любит глубоко и преданно. При мысли о ее безграничной преданности он испытывал некоторое беспокойство и даже невольно поводил плечами, точно хотел сбросить с них какую-то тяжесть. Преданность – прекрасная вещь, когда вы на несколько часов в день можете от нее уклониться. Прекрасная вещь, когда она находит отклик в вашей душе. Он же был теперь опутан ею по рукам и ногам. Его обожали, охраняли, лелеяли. Он просто мечтал, чтобы о нем хоть изредка забывали, предоставляли самому себе... Поневоле приходилось искать пути спасения. Разумеется, интеллектуальные пути, ибо иные были ему заказаны. Пришлось прятаться в царстве фантазии или чистой игры ума.

Игра ума. Тема, например, такая – кто виновник смерти его тещи. Он ее не любил, она его – тоже. Не хотела, чтобы Мэри вышла за него (интересно, а хотела ли она вообще, чтобы Мэри выходила замуж?), но ничего не могла поделать. Они с Мэри поженились и были счастливы и ни от кого не зависели, а потом все пошло прахом. Сначала эта Южноамериканская компания, потом «Байсикл Аксессериз Лимитед»...[20] Задуманы обе были отлично, но... финансовые расчеты оказались никудышными. Забастовка на железных дорогах Аргентины завершила цепь несчастий. Сплошное невезение, но ему почему-то казалось, что вся ответственность лежит на миссис Аргайл. Она никогда не хотела, чтобы он преуспел. А потом он заболел. Казалось, единственный выход для них с Мэри поселиться в «Солнечном мысе», где радушный прием был им обеспечен. Он особенно не возражал. Полчеловека, калека, какая ему разница, где находиться. Но Мэри воспротивилась.

Случилось так, что им и не пришлось жить в «Солнечном мысе». После смерти миссис Аргайл попечители увеличили содержание, полагающееся Мэри, и они снова зажили своим домом.

Филип Даррант не слишком был опечален смертью миссис Аргайл. Конечно, лучше бы она умерла, скажем, от пневмонии, в своей постели. А убийство – это всегда скверно, это скандальная известность, кричащие заголовки в газетах. И потом – если уж убийство, то хоть было бы приличное! Преступник, например, какой-то свихнувшийся тип, мотив – какая-нибудь психологическая тарабарщина, и все пристойно. А тут – брат Мэри. Приемный ребенок с дурной наследственностью. Такие всегда сбиваются с пути. Теперь ничего хорошего ждать не приходится. Завтра явится старший инспектор Хьюиш, начнет расспрашивать эдаким вкрадчивым голосом с мягким выговором, как у всех уроженцев Западного побережья. Надо обдумать, что отвечать...

Мэри расчесывала перед зеркалом свои длинные волосы. Ее безмятежная отстраненность раздражала его.

– Полли, ты, надеюсь, хорошо продумала, что завтра будешь говорить?

Она обратила на него недоуменный взгляд.

– Придет старший инспектор Хьюиш. Снова будет расспрашивать, чем ты занималась вечером девятого ноября.

– Ах, ну да. Но это было так давно. Едва ли кто помнит.

– Он-то помнит. В этом вся штука. Он помнит. У него все записано в каком-нибудь специальном блокнотике.

– Правда? Неужели они все это хранят?

– Еще бы! В течение десяти лет, в трех экземплярах. Но с тобой, Полли, все просто. Скрывать тебе нечего. Ты была со мной в этой комнате. На твоем месте я бы не упоминал, что между семью и семью тридцатью ты отсюда выходила.

– Но я же только в ванную. В конце концов, – резонно возразила она, каждый может выйти в ванную.

– В то время ты ему об этом не говорила. Я помню.

– Я, наверное, случайно забыла ему сказать.

– Я подумал, из инстинкта самосохранения… Во всяком случае, я помню, как ты вернулась. Так вот: мы были тут, играли в пикет[21] от половины седьмого и до того времени, когда Кирсти подняла тревогу. Это наша с тобой версия.

– Хорошо, дорогой, – спокойно, даже безучастно проговорила она.

«Нет у нее воображения, что ли, – подумал он. – Неужели она не понимает, что нас ждет?»

Он подался вперед.

– Знаешь, все-таки интересно… А тебе совсем не хочется узнать, кто ее убил? Мы все понимаем – Микки туг совершенно прав, – что это один из нас. Разве тебе не любопытно, кто?

– Не ты и не я, – сказала Мэри.

– И больше тебя ничего не волнует? Полли, ты удивительное создание!

Она чуть-чуть покраснела.

– Не понимаю, что тебя удивляет.

– Верю, что не понимаешь… Ну а я совсем другой. Я любопытен.

– Мне кажется, мы никогда ничего не узнаем. И полиция тоже.

– Возможно. У них действительно очень мало шансов продвинуться в расследовании. Но у нас совсем иное положение.

– Что ты хочешь сказать, Филип?

– Ну… мы располагаем кое-какими сведениями. Мы знаем нашу маленькую компанию изнутри,

знаем, кто чем живет. Ты-то, во всяком случае, знаешь. Ты выросла с ними. Хотелось бы услышать твое мнение. Как ты думаешь, кто?

– Понятия не имею, Филип.

– Тогда попробуй догадаться.

– Я бы вообще предпочла этого не знать. Предпочла бы даже об этом не думать.

– Ты страус, – сказал Филип Даррант.

– Честно тебе говорю, я не вижу смысла гадать. Гораздо лучше ничего не знать. И пусть все идет, как прежде.

– А вот этого уже не будет, моя дорогая. Пришла беда – отворяй ворота.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну вот, смотри: возьмем, например, Эстер и ее друга – этого ретивого молодого доктора Доналда. Славный малый, серьезный, о больных печется. Вообще-то он не верит, что Эстер могла это совершить, но... все-таки его гложет сомнение... С какой тревогой он на нее смотрит, когда думает, что она этого не замечает. Но она прекрасно все замечает. Вот видишь! Может быть, действительно, это она. Тебе лучше знать. А если не она, как ей себя вести с этим молодым человеком? Все время ему твердить: «Честное слово, это не я!» Больше ей ничего не остается.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну вот, смотри: возьмем, например, Эстер и ее друга – этого ретивого молодого доктора Доналда. Славный малый, серьезный, о больных печется. Вообще-то он не верит, что Эстер могла это совершить, но... все-таки его гложет сомнение... С какой тревогой он на нее смотрит, когда думает, что она этого не замечает. Но она прекрасно все замечает. Вот видишь! Может быть, действительно, это она. Тебе лучше знать. А если не она, как ей себя вести с этим молодым человеком? Все время ему твердить: «Честное слово, это не я!» Больше ей ничего не остается.

– Право, Филип, по-моему, все это твои фантазии.

– Зато ты, Полли, совсем не способна пофантазировать. Ладно, возьмем беднягу Лео. Свадебные колокола откладываются на неопределенное время. Гвенда жутко расстроена. Ты заметила?

– Не могу поверить, неужели отец снова хочет жениться? В его-то годы!

– Еще как хочет! Но понимает, что любой намек на это приведет к тому, что их с Гвендой заподозрят в убийстве. Вот такой переплет.

– Какой бред! Подумать, что отец мог ее убить! Это невозможно, – сказала Мэри.

– Очень даже возможно. Читай газеты.

– Возможно, но только не в нашем кругу.

– Какой снобизм, Полли! Теперь посмотри на Микки. Его что-то гложет. Что-то с ним неладно, зол на всех и на вся. А Тина, всегда такая открытая, безмятежная, искренняя… Но если бывают на свете каменные лица, то теперь у нее именно такое лицо. Затем бедная старая Кирсти…

Мэри немного оживилась.

– Наверное, это был бы выход!

– Кирсти?

– Да. В конце концов, она иностранка. И потом, последние год-два она страдает сильнейшими головными болями… По-моему, гораздо более вероятно, что преступление совершила она, а не кто-то из нас.

– Бедняжка! – сказал Филип. – Тебе не кажется, что она все прекрасно понимает? Понимает, что мы дружно свалим всю вину на нее. Потому что нам это удобно. Она ведь не член семьи. Ты заметила, как она сегодня вечером забеспокоилась? Они с Эстер в одинаковом положении. Что она может нам сказать? «Я не убивала свою подругу и благодетельницу»? Чего стоит ее заявление? Кирсти сейчас хуже всех, несравнимо хуже… Она ведь одна. Сейчас она перебирает в уме каждое свое слово, каждый недовольный взгляд в сторону миссис Аргайл, боясь, что это припомнят и обратят против нее. Ей нечем доказать свою невиновность.

– Успокойся, Фил. В конце концов, что мы можем поделать?

– Постараться узнать правду.

– Каким образом?

– Наверное, есть способы. Мне хотелось бы попробовать.

Мэри встревожилась.

– Какие еще способы?

– О, можно, например, бросить пробный камешек и посмотреть, какая последует реакция. Ну… сказать нечто такое, – он помедлил, – такое, что будет иметь смысл только для убийцы и на что невиновный никак не прореагирует. – Он снова замолчал, что-то обдумывая, потом поднял взгляд на жену и сказал:

– Мэри, разве тебе не хочется помочь тем, кто невиновен?

– Нет! – вырвалось у нее. Она подошла к нему, опустилась на колени возле его кресла. – Фил, я не хочу, чтобы ты в это вмешивался. Не надо ничего придумывать, не надо никому расставлять ловушки. Я прошу тебя! О Фил, ради Бога!

Филип поднял брови.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал он и положил ладонь на ее аккуратно причесанную золотоволосую голову.

* * *

Майкл Аргайл лежал без сна, напряженно вглядываясь в темноту.

Мысль его металась по кругу, как белка в колесе, все время возвращаясь в прошлое. Почему он не может остановиться? Почему должен всю жизнь таскать за собой свои воспоминания? Какой в этом смысл? Почему он так ясно помнит эту маленькую комнатенку в лондонских трущобах с ее веселым беспорядком и себя «нашего Микки». Какой пьянящий дух безалаберной свободы царил там! Как весело было на улице в компании таких же, как он, мальчишек! Мать, яркая блондинка (крашеная, теперь-то он, умудренный жизненным опытом, это понимает), которая частенько возвращалась домой, распаленная гневом, случалось, что и поколачивала его (ясное дело, тому виною джин). Зато в минуты хорошего настроения ею овладевала необузданная веселость. Они вкусно ужинали рыбой с жареной картошкой, и мать пела что-то чувствительное. Иногда они ходили в кино. И конечно же рядом с нею неизменные «дяди», как он должен был их называть. Родной отец давно от них ушел, Микки его совсем не помнит… Но мать не дает «дядям» спуску. «Микки не тронь!» – говорит она, замахиваясь на очередного «дядю».

Потом наступили тревожные военные дни. Ожидание бомбежек, прерывистый вой сирены. Свист бомб. Ночами они укрываются в метро. Вот где настоящее веселье! Здесь собирается вся улица, приносят с собой сандвичи и шипучку. Почти всю ночь мимо проносятся поезда. Вот это жизнь! Бурная, кипящая жизнь!

А потом его привезли сюда, в деревню. Глухое, мертвое место, где никогда ничего не происходит.

«Ты вернешься, мой дорогой, как только кончится война», – сказала мать.

Он уже тогда не очень-то поверил этим ее словам. Казалось, ее совсем не трогает, что он уезжает. И почему она не едет вместе с ним? Многие дети с их улицы эвакуировались со своими мамами. А его мать не захотела. С очередным «дядей», дядей Гарри, они уехали на север и устроились работать на военный завод.

Должно быть, он тогда уже все понял, хотя она очень ласково с ним попрощалась. На самом деле она его не любит… Джин – вот что она любит. Джин и «дядей»…

И вот он очутился здесь, в плену, узник, обреченный есть безвкусную, непривычную пищу, ложиться спать – подумать только! – в шесть часов. И ужин-то какой дурацкий – молоко с печеньем. Вот смех – молоко с печеньем! И потом он лежит без сна, плачет, натянув на голову одеяло, плачет от тоски по маме и по родному дому.

А все она, эта женщина! Заманила его и держит. Изводит душещипательными разговорами. Заставляет играть в дурацкие игры. Все время чего-то от него требует. Но не на таковского напала – ничего у нее не выйдет. Ладно, он подождет. Наберется терпения. И в один прекрасный день, в один замечательный день он вернется домой. Вернется в родные места, к своим друзьям, к чудесным красным автобусам, к метро, к ужинам из рыбы и жареной картошки, к людным улицам, к бездомным кошкам – он жадно перебирал в уме все эти восхитительные подробности из своей прежней жизни. Он должен ждать. Не вечно же будет длиться война. Он торчит в этой дыре, а на Лондон падают бомбы, полгорода объято огнем. Пламя, должно быть, до неба, кругом убитые, дома рушатся.

И в его воображении вставала эта грандиозная картина, такая страшная и… манящая.

Ну, ничего. Вот кончится война, и он вернется домой, к маме. То-то она удивится, когда увидит, как он вырос.

Микки Аргайл, лежа в темноте без сна, набрал воздуху, медленно, с шумом выдохнул.

Война кончилась. Гитлера и Муссолини поколотили… Некоторые дети уже возвращались домой. Ну, теперь скоро… Но она, вернувшись из Лондона, сказала, что Микки остается в «Солнечном мысе», что он теперь будет ее сыночком…

Он спросил: «Где моя мама? В нее попала бомба?»

Если бы в нее попала бомба, было бы легче. У многих мальчиков матери погибли.

Но миссис Аргайл сказала: «Нет, твоя мамочка не умерла. Но у нее очень трудная работа, она не может за тобой смотреть». Ну и прочая белиберда, ничего не значащие душещипательные фразочки… Он понял одно: мама его не любит, не хочет, чтобы он возвращался.. Он должен остаться здесь. Навсегда…

После этого он начал украдкой подслушивать разговоры взрослых. «Она была просто счастлива отделаться от него… Ей совершенно безразлично», – услышал он однажды, и еще что-то о ста фунтах. И тогда он понял – мать продала его за сто фунтов.

Унижение, боль… Он всегда будет помнить эти чувства. Значит, она его купила! Она казалась ему воплощением власти, против которой он, такой маленький и тщедушный, был бессилен. Но ничего, он вырастет, станет большим взрослым мужчиной. И тогда он ее убьет…

Когда он это решил, ему стало легче.

Потом он начал ходить в школу, и жизнь стала вполне сносной. Но каникулы он ненавидел. Из-за нее. А она командовала, распоряжалась, все устраивала, осыпала его подарками. И приходила в недоумение – почему же он так равнодушен? Когда она его целовала, он испытывал отвращение… Позже ему доставляло удовольствие срывать дурацкие планы, которые она для него строила. Банк? Нефтяная компания? Нет уж, увольте. Он сам найдет себе работу. Однажды он попытался разыскать свою мать. Он тогда учился в университете. Оказалось, что она умерла несколько лет назад. Попала в автомобильную катастрофу вместе со своим дружком-пьяницей, который вел машину.

Почему он не может обо всем этом забыть? Почему не может просто радоваться жизни, почему не старается преуспеть? Он и сам не знал.

А теперь… Что будет теперь? Она ведь мертва… Уверенная, что сумела купить его за жалкую сотню фунтов. Уверенная, что может купить все – дома, машины, детей, раз уж у нее нет своих. Уверенная в своем чуть ли не божественном могуществе.

Как бы не так! Шарахнули кочергой по голове, и все – мертвенькая, ничем не лучше других покойников. Не лучше той крашеной блондинки в разбитом автомобиле на Северном шоссе.

Она мертва. Откуда же эта тревога?

Что с ним происходит? Может быть, он просто утратил способность ненавидеть ее, потому что теперь она мертва?

Да, мертва…

Без этой своей ненависти он чувствовал себя потерянным. Потерянным и напуганным.

Глава 12

В своей безупречно прибранной спальне Кирстен Линдстрем заплела некогда светлые, а теперь седые волосы в две тощие косички и приготовилась отойти ко сну.

Она места себе не находила, так ей было страшно.

В полиции не жалуют иностранцев. Правда, она так долго жила в Англии, что иностранкой себя не чувствовала. Но полицейским нет до этого дела.

Доктор Колгари… И зачем он только сюда явился? Принесла его нелегкая на ее голову!

Правосудие совершилось. Она вспомнила Жако и еще раз сказала себе: «Правосудие совершилось».

Она помнила Жако совсем маленьким мальчиком.

Да, обманщик, да, плут. Но какой милый, какой трогательный. Его всегда старались выгородить, никому не хотелось его наказывать.

Как ловко он врал! Это правда, горькая правда. Ему всегда верили, не могли не верить… Злой, безжалостный мальчик.

Доктору Колгари, наверное, кажется, что он все понимает. Как он ошибается! Место, время, алиби, ну и что же! Жако мог легко все подстроить. На самом деле никто не знал Жако так, как она.

Если бы она им рассказала, какой был Жако, разве ей бы поверили? И вот… завтра. Что же будет завтра? Явится полиция. А у всех такой несчастный вид, смотрят друг на друга с подозрением. Не знают, чему верить, чему нет.

Она так их всех любит, так любит. И знает о них больше, чем кто-либо. Больше, чем миссис Аргайл. Та была одержимая мать. Они были для нее только ее детьми, ее собственностью. А Кирстен в каждом из них видела личность со всеми недостатками и добродетелями. Будь у нее свои дети, она, возможно, тоже смотрела бы на них как на собственность. Но она не сходила бы так из-за них с ума. Ее любовь принадлежала бы в основном мужу. Мужу, которого у нее никогда не было.

Она не понимала таких, как миссис Аргайл. Помешана была на детях, на чужих детях, а мужа для нее вроде бы и не существовало. Мистер Аргайл достойный, прекрасный человек, такого днем с огнем не сыщешь. А она им пренебрегала, ей дела до него не было. Ну и, конечно, не замечала, что у нее под носом делается. Что секретарша – очень хорошенькая и, главное, очень женственная. Ну что ж, пожалуй, ему еще не поздно… Или теперь уже поздно? Ведь убийство снова явилось на свет Божий, а мы-то думали, что погребли его. Осмелятся ли они теперь соединить свои судьбы?

Кирстен сокрушенно вздохнула. Что будет с ними со всеми? С Микки, который всегда питал неодолимую, болезненную ненависть к своей приемной матери. С Эстер, такой неуверенной в себе, такой не приспособленной к жизни. Она ведь только-только обрела спокойствие, познакомившись с этим славным молодым доктором. С Лео и Гвендой, у которых был и мотив для убийства, и, если смотреть правде в глаза, возможность его совершить. И он и она наверняка это понимают. Что будет с Тиной, с этой маленькой, вкрадчивой кошечкой? С эгоистичной Мэри, которая, пока не вышла замуж, казалась совсем бесчувственной, настоящей ледышкой…

Кирстен и сама поначалу была в восторге от своей хозяйки. Сейчас она уже не помнила точно, когда перестала ею восхищаться. Когда раскусила ее и поняла, что ей на самом деле нужно. Самоуверенная, властная, эдакое ходячее воплощение всеобщей благодетельницы. На ее лбу будто было написано: «Я лучше всех знаю, что хорошо, а что дурно». А ведь даже матерью им не была! Роди она ребенка, наверное, сохранила бы хоть каплю смирения.

Но зачем думать о Рейчел Аргайл? Рейчел Аргайл мертва.

Надо думать о себе… и о других. И о том, что будет завтра.

* * *

Мэри проснулась как от толчка.

Ей привиделось, что она – маленькая девочка и снова в Нью-Йорке.

Странно. Уже столько лет она не вспоминала о том времени.

Удивительно, что она вообще что-то помнит. Сколько ей тогда было? Пять? Шесть?

Ей приснилось, будто из отеля ее забрали домой, в теткину квартиру. И Аргайлы в конце концов отплыли в Англию без нее. Гнев и ярость охватили ее, но через минуту-другую она поняла, что это только сон.

Как восхитительно все было. Ее посадили в автомобиль, потом в отеле она вознеслась в лифте на восемнадцатый этаж. Просторный номер, шикарная ванная комната. Ей впервые открылось, как много всего можно иметь, если ты богат. Вот бы остаться здесь, и чтобы все это принадлежало ей – навеки…

Добиться этого оказалось совсем несложно. Единственное, что ей пришлось сделать, это разыграть чувствительную сцену. Ей это далось с трудом, так как чувствительность не в ее натуре. Но она справилась. Ай да умница, славно устроилась на всю жизнь. Богатые родители, платья, автомобили, пароходы, аэропланы, целый штат прислуги, дорогие игрушки. Волшебная сказка стала явью…

Жаль, что появились другие дети. Война, что поделаешь. А может, они появились бы в любом случае. Эта ее ненасытная материнская любовь! В такой любви есть что-то неестественное… что-то звериное.

Она всегда чувствовала легкое презрение к своей приемной матери. Какая тупость – подбирать детей из социальных низов! С преступными наклонностями, как у Жако. Психически неуравновешенных, как Эстер. Жестоких, как Микки. А Тина, та вообще полукровка! Надо ли тут удивляться, что все они дурно себя ведут. Хотя, по правде говоря, не ей обвинять их в непослушании. Она сама не лучше. Ей вспомнилось, как она познакомилась с Филипом, лихим молодым летчиком. Как недовольна была мать. «Ох уж эти поспешные браки. Подожди, пока кончится война». Но она не захотела ждать. Силы воли у нее было не меньше, чем у матери. Кроме того, ее поддержал отец. В общем, они с Филипом поженились. А война вскоре закончилась.

Она хотела, чтобы Филип принадлежал только ей одной, и надеялась освободиться от материнской опеки. Но ее планы рухнули, – по вине судьбы, мать тут была ни при чем. Вначале крах финансовых предприятий Филипа, потом еще более страшный удар – полиомиелит и паралич. Когда Филипа выписали из госпиталя, им пришлось вернуться в «Солнечный мыс».

Казалось, теперь хочешь не хочешь, а их дом будет здесь. Филип спустил все свои деньги, а содержание, которое предоставляли ей попечители, было невелико. Она просила, чтоб его увеличили, но в ответ услышала, что было бы разумнее какое-то время пожить в «Солнечном мысе». Но она воспротивилась: не хотела, чтобы ее Филип тоже стал «ребенком» Рейчел Аргайл. Заводить своих детей она не пожелала – ей нужен был только Филип.

Но выяснилось, что сам он совсем не прочь поселиться в «Солнечном мысе».

– Так и тебе будет легче, – сказал он, – Потом, там постоянно кто-то гостит, все-таки развлечение. К тому же мне всегда было приятно общество твоего отца.

Почему он не захотел быть только с нею, ведь она только об этом и мечтала? Почему ему нужен был еще кто-то – то ли ее отец, то ли Эстер?

Мэри чувствовала, как ее захлестывают волны бессильного гнева. Мать, как всегда, добилась своего.

Но насладиться своей победой ей не довелось… не успела…

И вот теперь снова начнут ворошить прошлое. Зачем, о Господи, зачем?

И почему все это так удручает Филипа? Зачем ему вмешиваться в то, что его совсем не касается? Зачем расспрашивать, выяснять, ставить кому-то ловушки?

И что это за ловушки он выдумал?

* * *

Лео Аргайл смотрел, как тусклый серый утренний свет медленно наполняет комнату.

Он очень тщательно все обдумал. Он совершенно отчетливо представлял, с чем им – ему и Гвенде – придется столкнуться.

Он попробовал взглянуть на все глазами старшего инспектора Хьюиша. Итак, Рейчел приходит в библиотеку, рассказывает им о выходке Жако, о том, как он буйствовал, как угрожал ей. Гвенда из деликатности удаляется в другую комнату, а он старается успокоить Рейчел, говорит, что она была совершенно права, проявив твердость, что их прежние попытки помочь Жако ни к чему хорошему не привели, и, как бы все ни обернулось, Жако должен смириться с тем, что ему уготовано. Успокоенная, Рейчел уходит.

Гвенда возвращается в его кабинет, собирает письма, которые необходимо отправить, спрашивает, не нужно ли ему чего-нибудь еще. В ее голосе он слышит то, чего не могут передать слова. Он благодарит ее, говорит, что нет, ничего не надо. Пожелав ему доброй ночи, она уходит. Она идет по коридору, потом спускается по лестнице, минует комнату, где сидит за письменным столом Рейчел, и направляется к входной двери. Но никто не видит, как она идет, как выходит из дома…

А он сам остается в библиотеке, один. Проверить, не спускался ли он в комнату жены, никто не может.

Вот и получается – и у него, и у Гвенды была удобная возможность…

И мотив, так как в то время они уже любили друг друга.

Вот и получается – и у него, и у Гвенды была удобная возможность…

И мотив, так как в то время они уже любили друг друга.

Нет ни того, кто мог бы их обвинить, ни того, кто засвидетельствовал бы их невиновность.

* * *

А у себя дома, в четверти мили от «Солнечного мыса», без сна, с сухими глазами лежала Гвенда. Кулаки у нее сжаты, она думает о том, как сильно она ненавидела Рейчел Аргайл.

И в темноте ей слышится голос Рейчел: «Надеялась заполучить моего мужа теперь, когда меня нет. Не выйдет. Ты его никогда не получишь».

* * *

Эстер спала. Ей снилось, что они с Доналдом Крейгом стоят на краю обрыва, и вдруг он уходит и оставляет ее одну. У нее вырывается крик ужаса, и тут она видит доктора Колгари. Он стоит на другом краю обрыва и протягивает к ней руки.

Она с укором его спрашивает:

«Зачем вы это сделали?»

И он отвечает:

«Я пришел, чтобы помочь вам…»

* * *

Тина лежала в постели, в маленькой комнатке для гостей, и старалась дышать глубоко и ровно, но сон все равно не шел.

Она не испытывала к миссис Аргайл ни благодарности, ни обиды, а вспоминала о ней просто с любовью. Миссис Аргайл кормила и поила ее, согревала, окружала комфортом, дарила дорогие игрушки. И она любила миссис Аргайл. Жаль, что ее больше нет…

Как теперь все непросто.

Когда виновным считали Жако, некоторые вещи не имели значения…

А теперь?

Глава 13

Старший инспектор Хьюиш окинул собравшихся внимательным взглядом.

– Знаю, как вам нелегко, – заговорил он извиняющимся тоном. – Очень нелегко заново все это пережить. Но, поймите, у нас нет выбора. Думаю, вы читали эту заметку? Все утренние газеты ее напечатали.

– Полное помилование, – сказал Лео.

– Судебная лексика иногда режет слух, – заметил Хьюиш. – Анахронизм, подобный многим терминам юриспруденции. Но смысл его вполне ясен.

– Стало быть, вы совершили ошибку, – сказал Лео.

– Да, – подтвердил Хьюиш. – Мы совершили ошибку. – Он помолчал. – Правда, она была неизбежна, мы ведь не располагали показаниями доктора Колгари.

– Мой сын вам говорил, когда вы его арестовали, что в тот вечер его подвезли до города на автомобиле, – с горечью напомнил Лео.

– О да. Он говорил. И мы приложили все усилия, чтобы проверить его слова, но не смогли найти никого, кто бы их подтвердил. Я прекрасно понимаю, мистер Аргайл, как вам горько и больно. Но даже не приношу вам своих извинений. Мы, полицейские, обязаны только получить свидетельские показания, которые затем направляются прокурору, а он уже решает, возбуждать ли дело. В данном случае он решил положительно… Ну, в общем, я бы хотел вас попросить – если это возможно – абстрагироваться от чувства ожесточения и обиды и снова припомнить все, что касается данного дела.

– Какая теперь от этого польза? – резко проговорила Эстер. – Того, кто это сделал, теперь и след простыл и вам никогда его не найти.

Старший инспектор посмотрел на нее.

– Может быть, и так, а может, повезет, – кротко проговорил он. – Вы не поверите, но бывали случаи, когда нам удавалось напасть на след даже спустя несколько лет. Главное – терпение, терпение и упорство.

Эстер отвернулась, а Гвенда поежилась, будто на нее подуло холодным ветром. Она с ее живым воображением почувствовала угрозу в этих словах, произнесенных таким спокойным тоном.

– А теперь, если позволите, начнем, – сказал Хьюиш и выжидательно посмотрел на Лео. – Начнем с вас, мистер Аргайл.

– Что именно вас интересует? У вас, должно быть, имеется мое первоначальное заявление. Теперь мне едва ли удастся припомнить все с такой точностью, как тогда. Часы и даты так легко забываются.

– Это-то понятно. Но всегда есть шанс, что какой-то незначительный факт, который в то время ускользнул от вашего внимания, вдруг всплывет в памяти.

– А вы не допускаете, что по прошествии времени можно увидеть те или иные события в более правильном свете? – спросил Филип.

– Конечно, такое случается, – согласился Хьюиш, с интересом взглянув на Филипа.

«Умный малый, – подумал он. – Интересно, какие у него соображения по поводу этого дела…»

– Итак, мистер Аргайл, не могли бы вы просто припомнить последовательность событий. Значит, вам подали чай?

– Да. Как обычно, в пять часов, в столовую. Собрались все, кроме мистера и миссис Даррант. Они пили чай у себя, в своей гостиной.

– В то время я был еще более беспомощен, чем теперь, – сказал Филип. Только что вышел из клиники.

– Понял. – Хьюиш снова повернулся к Лео. – Все – это значит?..

– Моя жена, я, Эстер, мисс Воэн, мисс Линдстрем.

– Что было потом? Расскажите, пожалуйста, все, что помните.

– После чая мы с мисс Воэн вернулись сюда. Работали над очередной главой моей книги «Экономика средневековья», которую я редактировал и дополнял. Жена спустилась на первый этаж в свою гостиную, которая служила ей кабинетом. Она, как вам известно, почти все свое время посвящала общественной деятельности. В тот вечер она просматривала планы новой спортивной площадки для детей, чтобы потом представить их местному совету.

– Вы слышали, как пришел Джек?

– Нет. То есть я не знал, что это он. Мы с Гвендой слышали, что звонили в парадную дверь, но кто пришел, мы не знали.

– Вы не задались вопросом, мистер Аргайл, кто бы это мог быть?

Казалось, эти слова позабавили Лео.

– В ту минуту я был полностью погружен в пятнадцатый век. Внизу были жена, мисс Линдстрем, Эстер и, возможно, кто-то из приходящей прислуги. Вряд ли кто-то рассчитывал, что я пойду открывать дверь.

– Что было потом?

– Ничего. Пришла моя жена, но это было гораздо позже.

– Когда именно? Лео нахмурился.

– Теперь я затрудняюсь сказать. Тогда мне показалось, что через полчаса, нет… позже, наверное, минут через сорок пять.

– Чаепитие мы закончили вскоре после половины шестого, – сказала Гвенда. Думаю, когда миссис Аргайл пришла в библиотеку, было, примерно, без двадцати семь.

– И она сказала… Лео вздохнул.

– Мы уже столько раз это повторяли, – болезненно поморщился он. – Жена сказала, что приходил Жако, что у него крупные неприятности, держался агрессивно и дерзко, требовал денег. Говорил, что если немедленно не достанет денег, то ему грозит тюрьма. Жена решительно ему отказала, сказала, что не даст ни пенса. И ее мучили сомнения, правильно ли она поступила.

– Мистер Аргайл, позвольте задать вам один вопрос. Почему миссис Аргайл не позвала вас, когда разговаривала с Джеком? Почему сказала вам об этом только потом? Вам это не показалось странным?

– Нет, не показалось.

– Уж, кажется, чего естественней? Может быть, вы были в ссоре?

– О нет. Просто жена имела обыкновение самостоятельно принимать решения по всем практическим вопросам. Она часто заблаговременно интересовалась моим мнением, а потом, приняв решение, всегда обсуждала его со мной. О Жако мы с ней часто разговаривали. Нам катастрофически с ним не везло. Жена не раз выплачивала очень крупные суммы денег, чтобы вызволить Жако, но он снова и снова ухитрялся попасть в беду. И мы решили больше ему не помогать – пусть сам узнает, почем фунт лиха.

– И тем не менее миссис Аргайл была расстроена?

– Да. Если бы он вел себя не так дерзко… более чем дерзко… она бы, вероятно, сдалась и снова ему помогла. Но на этот раз она только укрепилась в своей решимости.

– И тогда Жако ушел?

– Да.

– Вы сами в этом убедились или вам сказала миссис Аргайл?

– Она мне сказала. Сказала, что он кричал на нее, грозился вернуться и требовал, чтобы она к его приходу приготовила деньги.

– Пожалуйста, припомните, – это весьма важно, – вас эти угрозы не встревожили?

– Разумеется, нет. Мы давно привыкли к выходкам Жако.

– Вам тогда и в голову не приходило, что, вернувшись, он может исполнить свою угрозу?

– Нет. Я и тогда вам это говорил. Я был просто потрясен.

– Оказывается, вы были правы, – мягко проговорил Хьюиш. – Миссис Аргайл убил не Жако… Итак, она вышла от вас. Когда именно?

– Могу сказать довольно точно. Мы столько раз это обсуждали. Около семи. Примерно без семи минут семь.

– Вы можете это подтвердить? – обратился Хьюиш к Гвенде Воэн.

– Да.

– Можете ли вы что-нибудь добавить к тому, что рассказал мистер Аргайл? Не упустил ли он чего-нибудь?

– Я слышала только начало разговора. Когда миссис Аргайл сказала, что Жако требует денег, я подумала, что мне лучше уйти, чтобы не смущать их. И я вышла, – она указала на дверь в глубине библиотеки, – в комнату, где я обычно печатаю. А потом, услышав, что миссис Аргайл вышла, я вернулась.

– Это было без семи минут семь?

– Да, примерно… ну, может быть, без пяти.

– А что было потом, мисс Воэн?

– Я спросила у мистера Аргайла, не хочет ли он продолжить работу, но он сказал, что потерял мысль. После я спросила, не надо ли чего-нибудь сделать. Нет, сказал он. Тогда я собралась и ушла.

– Когда именно?

– Пять минут восьмого.

– Вы спустились вниз и вышли через парадную дверь?

– Да.

– Гостиная миссис Аргайл находится сразу слева от парадной двери?

– Да.

– Дверь ее гостиной была открыта?

– Да, приоткрыта, примерно на фут.

– Вы не зашли к миссис Аргайл, чтобы пожелать ей доброй ночи?

– Нет.

– А обычно делали это?

– Нет. Глупо беспокоить человека и мешать ему, только чтобы пожелать доброй ночи.

– Если бы вы вошли, вы, наверное, обнаружили бы тело.

Гвенда пожала плечами.

– Возможно… Но мне кажется – вернее, нам всем тогда казалось, что ее убили позже. Жако едва ли смог бы… Она запнулась.

– Теперь ведь уже известно, что ее убил не Жако. Поэтому она к этому времени уже могла быть мертва, вы согласны?

– Да, наверное, могла.

– Вы пошли прямо домой?

– Да. Когда я пришла, мы какое-то время разговаривали с моей квартирной хозяйкой.

– Так. А возле дома Аргайлов вы никого не встретили?

– Нет… нет. – Гвенда нахмурилась. – Сейчас уже не помню… Было холодно, темно. К тому же эта улица – тупик. Кажется, я не видела никого, пока не вышла на Ред-Лайон. Здесь мне встретились несколько человек.

– А машины?

Казалось, Гвенду вдруг что-то поразило.

– Да, действительно, машину я видела. Она забрызгала мне юбку. Пришлось даже сразу как пришла смывать с нее грязь.

– Какой марки была машина?

– Не помню. Не заметила. Помню только, что она мне встретилась у въезда на нашу улицу. Но там много домов. Мало ли к какому она могла ехать.

Хьюиш снова обратился к Лео:

– Вы сказали, что спустя какое-то время после ухода жены слышали звонок у парадной двери?

– Да. Вроде бы слышал. Но полной уверенности у меня нет.

– В котором часу это было?

– Понятия не имею. На часы не смотрел.

– А вы не подумали, что вернулся Жако?

– Не подумал. Я… снова погрузился в работу.

– Еще один вопрос, мистер Аргайл. Вам ведь и в голову не приходило, что ваш сын женился?

– Нет, конечно!

– А миссис Аргайл тоже об этом не знала? Или, может быть, знала, но не говорила вам?

– Уверен, что она тоже ничего не подозревала. Она бы тотчас мне рассказала. Когда жена Жако здесь появилась, я был просто потрясен. Мисс Линдстрем мне говорит: «Тут молодая женщина… девушка… утверждает, что она жена Жако. Но ведь этого не может быть». По-моему, вы были ошеломлены, правда, Кирсти?

– Да, я ушам своим не поверила, – сказала Кирстен. – Ей пришлось дважды повторить, и только тогда до меня дошло. Невероятно!

– Насколько я понял, мистер Аргайл, вы проявили истинное великодушие по отношению к этой женщине?

– Я сделал то, что мог. Она снова вышла замуж, чему я очень рад. Кажется, ее муж приятный и достойный молодой человек.

Хьюиш кивнул. Потом повернулся к Эстер.

– Теперь вы, мисс Аргайл. Что вы делали в тот день после чая?

– Не помню, – хмуро ответила девушка. – Разве можно все это помнить? Два года прошло.

– Вероятно, вы помогали мисс Линдстрем убирать посуду после чая.

– Ну да, именно так, – подтвердила Кирстен. – А после ты поднялась к себе в спальню. А потом ушла, помнишь? В театр, на любительский спектакль «В ожидании Годо»[22]. Эстер держалась замкнуто и отчужденно.

– Вы же все это уже записывали, – сказала она Хьюишу. – Сколько можно твердить об одном и том же?

– А вдруг обнаружится что-то важное? Итак, мисс Аргайл, в котором часу вы ушли из дома?

– В семь… примерно в семь.

– Слышали ли вы разговор вашей матери и брата Джека?

– Нет, не слышала. Я была наверху.

– Но до того, как уйти в театр, вы видели миссис Аргайл?

– Да. Мне понадобились деньги. Я уже вышла и вдруг вспомнила, что у меня бензин на нуле. Надо было заправиться по пути в Драймут. И я вернулась, чтобы попросить у матери денег… всего пару фунтов. Больше мне не надо было.

– И мать вам их дала?

– Кирсти дала.

Хьюиш немного удивился.

– Не помню, чтобы вы раньше об этом говорили.

– Как было, так и говорю, – с вызовом ответила Эстер. – Я вошла и сказала, что мне нужно немного денег. Кирстен услышала и крикнула мне из холла, что у нее есть и она мне даст. А мама сказала: «Да, возьми у Кирсти».

– А я как раз собиралась пойти в женский клуб, отнести книги о составлении букетов, – добавила Кирстен. – Я знала, что миссис Аргайл занята и не хочет, чтобы ее отвлекали.

– Какое имеет значение, кто именно дал мне деньги? – раздраженно проговорила Эстер. – Вы хотите знать, когда я последний раз видела мать живой? Тогда и видела. Она сидела за столом, просматривала какие-то бумаги. Я сказала, что мне нужны деньги, и Кирстен крикнула из холла, что сама даст их мне. Я взяла у нее деньги, снова вошла в комнату к маме и пожелала ей доброй ночи, а она мне – приятного вечера и еще попросила, чтобы я была осторожна за рулем. Она всегда это говорила. Я пошла в гараж и вывела автомобиль.

– А мисс Линдстрем?

– Дала мне деньги и сразу ушла. Кирстен Линдстрем сказала поспешно:

– Эстер обогнала меня, едва я успела дойти до угла. Она, должно быть, вышла из дому сразу после меня. Она поехала вверх по склону на шоссе, а я свернула налево, в сторону деревни.

Эстер открыла рот, будто хотела что-то сказать, потом снова его закрыла.

Хьюиш насторожился. Уж не старается ли Кирстен Линдстрем убедить его, что у Эстер просто не было времени, чтобы совершить преступление. А что, если девушка вернулась в комнату матери вовсе не затем, чтобы пожелать ей доброй ночи, что, если Эстер затеяла ссору и в припадке гнева ударила миссис Аргайл кочергой?

Хьюиш обернулся к Кирстен и вкрадчивым голосом попросил:

– Ну, мисс Линдстрем, давайте послушаем, что припомните вы.

Та явно нервничала.

– Пили чай. Потом я убирала со стола, – начала она, судорожно сплетая и расплетая пальцы. – Эстер мне помогала. Потом она поднялась к себе. Потом пришел Жако.

– Вы слышали, как он пришел?

– Да. Я его и впустила. Он сказал, что потерял ключ, прошел прямо к матери. Слышу, он говорит: «Я попал в беду. Ты должна мне помочь». Потом я ушла в кухню и больше уже ничего не слышала. Надо было еще кое-что приготовить к ужину.

– А как он ушел, вы слышали?

– Да, еще бы! Он так кричал. Я выбежала из кухни, а он стоит здесь, в прихожей. Весь трясется от злости и кричит, что еще вернется, чтобы мать приготовила деньги, не то… Так и сказал: «Не то!..» Видно, хотел ее напугать.

– А потом?

– Выскочил и со всей силы хлопнул дверью. Миссис Аргайл вышла в холл. На ней просто лица не было. И говорит мне: «Слышала?» Я ее спросила: «Что, у него опять что-то не так?» Она кивнула и пошла в библиотеку к мистеру Аргайлу. Я накрыла стол к ужину и поднялась к себе, чтобы одеться. Понимаете, в женском клубе на другой день проводили конкурс на лучший букет, и мы обещали им принести книги про то, как нужно их составлять.

– Значит, вы понесли книги. В котором часу вы вернулись?

– Ну… около половины восьмого. Дверь открыла своим ключом. И сразу вошла в кабинет миссис Аргайл – передать ей благодарность и записку от устроителей конкурса. Она сидела за столом, голову уронила на руки. А рядом валялась кочерга. И ящики бюро выдвинуты. «Грабитель, – подумала я. – На нее напал грабитель». Выходит, я была права. Теперь-то известно, что я была права! Грабитель, а семья тут ни при чем!

– Значит, миссис Аргайл сама его впустила?

– А что тут странного? – с вызовом сказала Кирстен. – Она была очень добрая и очень… очень доверчивая, никого и ничего не боялась. И потом, она же была не одна. Наверху находились ее муж, Гвенда, Мэри. Она могла позвать на помощь.

– Однако не позвала, – возразил Хьюиш.

– Да. Видимо, он ей наговорил что-то вполне подходящее. А она всегда всех выслушивала. Ну вот, наверное, снова села к столу, может, искала чековую книжку – говорю же, она была доверчивая. А он этим воспользовался, схватил кочергу и нанес удар. Может, он и не собирался ее убивать. Может, хотел только оглушить и взять деньги и драгоценности.

– Но, похоже, он ничего не успел, только ящики у стола выдвинул.

– Может, что-то услышал или у него просто нервы сдали. Может, понял, что убил ее, ну и… сразу испугался.

Кирстен подалась вперед. В глазах у нее были страх и мольба.

– Наверняка так все и случилось. Поверьте! Хьюиша насторожила ее настойчивость. Что это, страх за себя? Что, если она сама убила хозяйку, а ящики выдвинула, чтобы все подумали, что это сделал грабитель? Медицинская экспертиза была не в состоянии установить время смерти с достаточной точностью, они говорили, что это произошло в промежуток от девятнадцати до девятнадцати тридцати. Промежуток в целых полчаса.

– Возможно, возможно, – любезно поддакнул Хьюиш. Женщина украдкой облегченно вздохнула и откинулась на спинку стула.

Хьюиш обратился к Даррантам:

– Слышали ли вы что-нибудь?

– Ничего не слышали. Я принесла поднос с чаем в нашу комнату, – сказала Мэри. – Она изолирована от остальной части дома. Мы вышли только услышав, как закричала Кирстен, когда обнаружила тело.

– Значит, до этого момента вы не выходили из комнаты?

– Нет. – Мэри смотрела на Хьюиша своим прозрачным взглядом. – Мы играли в пикет.

Филип ощутил легкое беспокойство. Почему? Полли как будто все делает так, как он ей сказал. Возможно, причина тому – безупречность ее манер, ее спокойствие, неторопливость, безмятежная уверенность в себе. «Вот так душенька Полли! Лжет и не краснеет», – подумал он.

– А я, старший инспектор, ни тогда, ни теперь и шагу ступить самостоятельно не в состоянии, – сказал Филип.

– Ну, теперь вы хоть куда, мистер Даррант, – бодро проговорил старший инспектор. – Вот-вот снова начнете ходить.

– Долга песня.

Хьюиш переключился на двух остальных членов семьи, которые до этой минуты не произнесли ни звука. Микки сидел, скрестив руки на груди, с презрительной усмешкой на лице. Хрупкая и грациозная Тина, откинувшись на спинку стула, рассеянно переводила взгляд с одного лица на другое.

– Вас в доме не было, я знаю, – сказал Хьюиш. – Но, может быть, напомните, что вы делали в тот вечер?

– Неужели вы нуждаетесь в напоминании? – Презрительная усмешка на лице Микки обозначилась еще явственней. – Могу сказать только о себе. Проверял автомобиль. Сцепление барахлило. Очень долго провозился. Прогнал машину от Драймута до Минчин-Хилла по Мор-роуд и обратно через Ипсли. К несчастью, мой автомобиль говорить не умеет, свидетельских показаний от него не дождетесь.

Тина повернула голову и пристально посмотрела на Микки. Ее лицо при этом хранило бесстрастное выражение.

– А вы, мисс Аргайл? Вы ведь работаете в библиотеке в Редмине?

– Да. Библиотека закрывается в половине шестого. Я по дороге кое-что купила – на Хай-стрит – и пошла домой. У меня квартирка в Моркомб-Меншенз. Приготовила себе ужин, а потом весь вечер слушала музыку. У меня есть проигрыватель и пластинки.

– И совсем никуда не выходили?

Никуда, – сказала девушка после едва заметной паузы.

– Вы уверены, мисс Аргайл?

– Да, уверена.

– У вас ведь есть автомобиль?

– Да.

– У нее малолитражка с прозрачной крышей, настоящая летающая тарелка. «Тарелочка, тарелка на небе висит, красная тарелка мне беду сулит…»

– Да, малолитражка, – сухо, без тени улыбки подтвердила девушка.

– Где вы ее держите?

– На улице. Гаража у меня нет. Но рядом с домом переулок. Там все припарковывает свои машины.

– Значит, больше ничего интересного вы нам сообщить не можете?

Хьюиш сам удивился своей настойчивости.

– Не могу.

Микки бросил на нее быстрый взгляд.

Хьюиш вздохнул.

– Боюсь, инспектор, этот разговор вам мало что даст, – сказал Лео Аргайл.

– Как знать, мистер Аргайл. Вы, наверное, понимаете, что самое странное в этом деле?

– Я… Не уверен, что уловил вашу мысль.

– Деньги, – сказал Хьюиш. – Деньги, взятые миссис Аргайл из банка, среди которых была пятифунтовая купюра с надписью на обратной стороне: «Миссис Боттл-берри, Бангор-роуд, семнадцать». Эта купюра среди прочих была изъята у Джона Аргайла при аресте. На это в основном и опиралось обвинение. Тем более что он сам клялся, что получил деньги от матери. Но миссис Аргайл заверила вас и мисс Воэн, что не давала Жако никаких денег. Вопрос – как у него оказались эти пятьдесят фунтов? Вернуться сюда он не мог. Это следует из показаний доктора Колгари. Значит, они должны были быть при нем, когда он отсюда уходил. Кто их ему дал? Может быть, вы? – Он в упор посмотрел на Кирстен Линдстрем.

– Я?! Нет, конечно. Как я могла?! – вскричала женщина, покраснев от злости.

– Где лежали деньги, которые миссис Аргайл взяла из банка?

– Она всегда держала деньги у себя в письменном столе, – сказала Кирстен.

– Ящик запирался? Кирстен задумалась.

– Обычно она запирала его на ночь. Хьюиш взглянул на Эстер.

– Может быть, вы взяли деньги из ящика и отдали их вашему брату?

– Я даже не знала, что он здесь был. И разве я могла взять деньги так, чтобы мама не видела?

– Спокойно могли – когда ваша мать пошла в библиотеку поговорить с мистером Аргайлом, – сказал Хьюиш.

Ему было интересно, сообразит ли девушка, что ей расставили сети.

Эстер угодила прямо в западню.

– Но Жако к тому времени уже ушел. Я… – Она испуганно замолчала.

– Значит, вы все-таки знали, когда ваш брат ушел? – тут же спросил Хьюиш.

– Я… я… знаю теперь, а тогда не знала, – с торопливой горячностью проговорила Эстер. – Я была наверху, в своей комнате. Говорю вам, я совсем ничего не слышала. И в любом случае я не собиралась давать Жако никаких денег.

– Вот и я вам говорю то же, – сказала Кирстен, щеки которой пылали от негодования. – Если бы я дала ему деньги, то только свои собственные! Красть бы я не стала!

– Конечно, не стали бы, – сказал Хьюиш. – Но, понимаете, что из этого следует? Миссис Аргайл, вопреки тому, что сказала вам, – он посмотрел на Лео, – скорее всего, сама дала ему эти деньги.

– Не могу поверить. Почему же она об этом умолчала?

– Не она первая скрыла, что была к сыну более снисходительна, чем он того заслуживает.

– Тут вы ошибаетесь, Хьюиш. Жена никогда не лгала и не изворачивалась.

– Никогда, кроме того вечера, – сказала Гвенда Воэн. – Все-таки она, наверное, дала ему деньги. Инспектор прав: это единственно возможное объяснение.

– В конце концов, мы теперь должны рассматривать это дело с совсем иной точки зрения, – примирительно проговорил Хьюиш. – Мы считали, что Джек Аргайл во время ареста лгал. Сейчас мы знаем, что он говорил правду: Колгари действительно подвез его до города. Поэтому весьма вероятно, что насчет денег он тоже сказал правду. Он утверждал, что ему их дала мать. Вероятно, так оно и было.

Воцарилось неловкое молчание.

Хьюиш поднялся.

– Ну что ж, благодарю вас. Боюсь, след совсем остыл, но вдруг повезет…

Лео проводил его до двери. Вернувшись, он сказал со вздохом:

– Ну вот все и кончилось. По крайней мере, пока кончилось…

– Навсегда, – возразила Кирстен. – Они никогда ничего не узнают.

– Какая нам от этого польза? – воскликнула Эстер.

– Успокойся, дитя мое, – сказал отец, подходя к ней, – Не взвинчивай себя так. Время все излечит.

– Не излечит. Что мы будем делать? Что?

– Пойдем со мной, Эстер. – Кирсти положила руку ей на плечо.

– Оставьте меня! – Эстер выбежала из комнаты. Минуту спустя хлопнула парадная дверь.

– Ох, не доведет ее все это до добра, – сказала Кирстен.

– И все же, по-моему, это не так, – задумчиво проговорил Филип Даррант.

– Что не так? – спросила Гвенда.

– Что мы никогда не узнаем правды… У меня просто руки чешутся.

На его немного лукавом, как у юного фавна, лице вспыхнула какая-то странная улыбка.

– Филип, пожалуйста, будь осторожен, – вдруг сказала Тина.

Он удивленно на нее посмотрел.

– Крошка Тина, а что знаешь ты обо всем этом?

– Надеюсь, что не знаю ничего, – отчетливо проговорила она.

Глава 14

– Ничего, надо полагать, не откопали? – спросил начальник полиции.

– Определенного ничего, сэр, – сказал Хьюиш. – Но все-таки время потрачено не так чтобы уж совсем зря.

– Ну-ну, что у вас там?

– Значит, так. Наши прежние данные и параметры времени не изменились. Около семи миссис Аргайл была жива, она разговаривала с мужем и Гвендой Воэн, а внизу ее видела Эстер Аргайл. Трое не могли заранее сговориться. С Жако Аргайлом теперь разобрались. Остаются только следующие варианты: убить мог муж – в любой момент между пятью минутами восьмого и половиной восьмого;

Гвенда Воэн – когда уходила, то есть в пять минут восьмого;

Эстер – незадолго перед тем; Кирстен Линдстрем – когда пришла, то есть, скажем, чуть раньше половины восьмого. Физическое состояние Дарранта обеспечивает ему алиби, но алиби его жены держится только на его словах, на его утверждении, что она была с ним неотлучно.

Между семью и половиной восьмого она могла при желании спуститься и убить мать. Непонятно только, зачем ей это? Вообще, на мой взгляд, мотив для убийства был только у двоих: у Лео Аргайла и Гвенды Воэн.

– Вы думаете, это сделал один из них – или они действовали вместе?

– Вместе они, по-моему, в этом участвовать не могли. Как я себе представляю, это преступление, совершенное в состоянии аффекта, а не с заранее обдуманными намерениями. Миссис Аргайл поднялась в библиотеку и рассказала им, как Жако ей грозил и требовал денег. Допустим, позже Лео Аргайл идет к ней поговорить о Жако или еще о чем-нибудь. В доме тишина. Никого нет. Он входит в кабинет жены. Она сидит за письменным столом спиной к нему. На полу, может быть, валяется брошенная кочерга, которой Жако грозил матери. Такие тихие, сдержанные люди, бывает, вдруг срываются. Обмотать руку носовым платком, чтобы не осталось отпечатков, схватить кочергу и с размаху ударить сидящую по голове – на это ушла бы минута. Потом выдвинуть пару ящиков, чтобы подумали, что искали деньги. И – обратно в библиотеку, ждать, пока кто-нибудь не обнаружит тело. Или же другой вариант. Гвенда Воэн, перед тем как выйти из дома, заглядывает к ней в кабинет. И вдруг такой соблазн. А свалить все можно потом на Жако. И пожалуйста, выходи замуж за Лео Аргайла.

Майор Финни нахмурил лоб и кивнул.

– Да. Правдоподобно. И с сообщением о помолвке не спешили – осторожничали, откладывали до тех пор, пока бедняга Жако не получит приговор за убийство. Да, вполне может быть. Варианты преступлений не отличаются разнообразием. Муж и третье лицо или жена и третье лицо – каждый раз примерно та же картина. Но что можно теперь сделать, Хьюиш? Какие у нас имеются возможности?

– Я не вижу никаких возможностей, сэр, – подумав, отозвался Хьюиш. – Даже если мы совершенно уверены, все равно, где доказательства? На суд выйти не с чем.

– Н-да. Выйти не с чем. Но вообще-то вы уверены, Хьюиш? В глубине души?

– Не так твердо, как хотелось бы, – с грустью признался старший инспектор Хьюиш.

– Да? А почему?

– Не такой он человек, – ответил Хьюиш. – Я имею в виду мистера Аргайла.

– Не такой, чтобы убить?

– Я не столько об убийстве, сэр, сколько об этом Жако. Не думаю, чтобы мистер Аргайл мог сознательно подставить парня.

– Он ему ведь не родной отец, вы помните? Он мог и не питать к нему особо теплых чувств, мог даже ревновать, из-за того что жена уделяла тому столько внимания.

– Может, и так. Хотя как будто бы он хорошо относился ко всем этим детям. Да вроде и теперь к ним привязан.

– С другой стороны, – продолжал рассуждать Финни, – он знал, что мальчишку не повесят… И тогда… тогда совсем другое дело.

– Это мысль, сэр. Возможно, он считал, что десять лет заключения – а к этому и сводится на практике пожизненный срок – пойдут парню на пользу.

– Ну а если вернуться к Гвенде Воэн?

– Если допустить, что убийство совершила она, ее вряд ли мучила бы совесть. Женщины – народ беспощадный.

– Но в целом вы склоняетесь к тому, что это либо он, либо она?

– Да, сэр. В целом склоняюсь.

– Но не более того? – уточнил начальник полиции.

– Не более. Там что-то такое происходит. Подводные течения, так сказать.

– Что вы имеете в виду, Хьюиш?

– Что мне по-настоящему хотелось бы знать, сэр, это какие у них самих мысли? Друг про друга.

– А-а, теперь ясно. Вас интересует, не знают ли они, кто совершил убийство?

– Да. Никак в толк не возьму. Если знают, то все ли? И не сговорились ли они помалкивать? Едва ли. Вполне возможно, что у каждого имеются свои собственные идеи и подозрения. Эта шведка, например, – сплошной комок нервов. Все время настороже. Может, она сама и убила? Она в таком возрасте, когда у женщин немного ум за разум заходит. И не поймешь толком, то ли она за себя боится, то ли за кого-то еще. Мне лично кажется – я, конечно, могу ошибаться, – что она не за себя боится.

– За Лео?

– Нет, не думаю. По-моему, за младшенькую, за Эстер.

– За Эстер? Гм. А Эстер не могла убить?

– Вроде никакого мотива. Но у нее горячий нрав, и – как знать – может, она немного неуравновешенна.

– И Линдстрем известно про нее куда больше, чем нам...

– Само собой. Потом еще есть та чернявенькая, что работает в библиотеке.

– Но ее в тот вечер в родительском доме не было, верно?

– Верно-то верно. Но у меня такое впечатление, что она что-то знает. Может быть, знает, кто убил.

– Догадывается? Или знает?

– Она обеспокоена. Нет, похоже, тут не просто догадка...

Хьюиш помолчал.

– И еще есть второй сын, Микки. Он тоже в тот вечер отсутствовал. Он проверял машину, но

никого с ним не было. Говорит, что обкатывал ее у Минчинского холма. Приходится верить ему на слово. Но на этой же самой машине он мог подъехать к родительскому дому, совершить убийство и быстренько уехать. Гвенда Воэн упомянула одну подробность, которой не было в ее первоначальных показаниях. Она говорит, что, когда она дошла до угла, с улицы Ред-Лайон завернул автомобиль. На улице, ведущей к дому Аргайлов, четырнадцать домов, автомобиль мог направляться к любому из них, и теперь, когда прошло два года, конечно же никто этого не вспомнит. А вдруг это был автомобиль Микки? Мы ведь не можем исключить подобный вариант.

– Зачем ему было убивать свою приемную мать?

– Вроде бы незачем. Но, возможно, мы чего-то не знаем?

– А кто же может знать?

– Все они. Но нам ничего не скажут. Разве что случайно проговорятся.

– Угадываю ваш дьявольский замысел, – сказал майор Финни. – Кого же вы намерены первым делом взять в оборот?

– Линдстрем, я думаю. Только бы удалось сломить ее сопротивление. Еще очень надеюсь выяснить, не было ли у нее давней обиды на миссис Аргайл. И наконец, этот парализованный малый, – заключил Хьюиш. – Филип Даррант.

– А он-то что?

– Чувствую я, что он составил себе некоторое представление обо всей этой истории. Со мной он, конечно, откровенничать не станет. Но попробую уловить, в каком направлении работает у него мысль. Парень он с головой и, я бы сказал, весьма наблюдательный. Он мог обратить внимание на кое-какие интересные детали.

* * *

– Давай выйдем. Тина, немного подышим свежим воздухом.

– Подышим? – Тина, запрокинув голову, с сомнением заглянула в лицо Микки. – Холодно ведь, Микки. – Она зябко передернула плечами.

– Мне кажется, ты не любишь свежий воздух. Тина. И поэтому способна целый день торчать в четырех стенах у себя в библиотеке.

Тина улыбнулась.

– Я не против торчать в четырех стенах, когда зима. Тут тепло, уютно.

– Вот я и смотрю – сжалась вся в комок, как котенок у очага. И тем не менее тебе будет полезно немного прогуляться. Пошли, Тина. Я хочу поговорить с тобой. Я хочу… Господи, вздохнуть поглубже и отвлечься от всей этой истории, которую полиция снова вытащила на свет!

Тина плавным, лениво-грациозным движением поднялась со стула – она действительно была похожа на изящную кошечку.

В вестибюле она закуталась в твидовое пальто с меховым воротником, и они вышли на улицу.

– А ты, Микки, даже без пальто?

– Да. Я вообще не чувствую холода.

– Бррр! – Тина поежилась. – Как мне не нравится здесь зимой! Я бы уехала за границу. Хорошо бы очутиться где-нибудь, где всегда светит солнце и чтобы воздух был влажным, мягким и теплым.

– Мне предложили работу в Персидском заливе, – сказал Микки. – В одной нефтяной компании. Начальником автотранспортного отдела.

– Поедешь?

– Наверно нет… Какой смысл?

Они обогнули дом и пошли по тропе, которая вилась среди деревьев и в конце концов спускалась к реке. Над обрывом на полпути стояла небольшая беседка со скамьей. Не садясь, они просто остановились под ее прикрытием, чтобы спрятаться от ветра, и стали смотреть сверху на реку.

– Красиво тут, верно? – сказал Микки.

– Да, пожалуй, – отозвалась она, но взгляд ее выражал безразличие.

– Но точно сказать ты не можешь, да? – ласково упрекнул ее Микки. – Ты не умеешь чувствовать красоту, Тина, и никогда не умела.

– Ты раньше никогда этим не восхищался, хотя мы прожили здесь столько лет. Ты все время ходил хмурый, тосковал, хотел обратно в Лондон.

– Это другое дело, – покачал головой Микки. – Просто я был здесь чужим.

– Вот именно, – сказала Тина. – Ты всюду чужой.

– Я всюду чужой, – задумчиво повторил Микки. – Должно быть, так оно и есть. Господи, Тина, какая страшная мысль. Помнишь ту старую песню, что пела нам Кирстен? Про голубку:

Девица моя милая…

Голубка моя белокрылая…

Вспомнила?

Тина замотала головой.

– Может, она тебе и пела, а я… нет, не помню. Микки продолжал, то ли декламируя, то ли напевая:

– Девица моя милая,

Голубка моя белокрылая,

Мы уходим в дальнее плаванье,

И назад мы уже не придем.

Не найти мне нигде тихой гавани

Только в любящем сердце твоем.

Он заглянул Тине в глаза.

– Так оно, похоже, и есть.

Тина положила маленькую ладонь ему на локоть.

– Давай посидим тут немного, Микки. Тут не чувствуется ветра и не так холодно. Он подчинился.

– Ну почему ты всегда такой грустный? – спросила она.

– Эх, моя милая, разве тебе понять?

– Я многое понимаю. – Тина покачала головой. – Неужели ты не можешь о ней забыть, Микки?

– Забыть? О ком?

– О матери.

– Забыть о ней! – с горечью повторил Микки. – Поди попробуй забыть после таких расспросов, как сегодня утром. Когда человека убили, он не дает о себе забыть.

– Я не про то, – сказала Тина. – Я имела в виду твою родную мать.

– О ней-то чего мне думать? Я и не видел ее с шести лет.

– Нет, Микки, ты о ней думал. Думал постоянно.

– Я что, когда-нибудь говорил тебе об этом?

– Некоторые вещи можно и так понять. Микки обернулся к ней.

– Ты такая тихая, мягонькая зверушка, Тина. Вроде черного котеночка. Так и хочется погладить тебя по шерстке. Киса, кисонька, хорошенькая, славная. – Он погладил рукав ее пальто.

Тина улыбнулась в ответ. Микки сказал:

– Ты ведь не ненавидела ее, как все остальные, правда?

– И очень несправедливо с вашей стороны! – Она покачала головой и проговорила с чувством:

– Ты посмотри, сколько она нам всем дала! Дом, тепло, любовь, хорошую еду, игрушки, присмотр и уход…

Тина улыбнулась в ответ. Микки сказал:

– Ты ведь не ненавидела ее, как все остальные, правда?

– И очень несправедливо с вашей стороны! – Она покачала головой и проговорила с чувством:

– Ты посмотри, сколько она нам всем дала! Дом, тепло, любовь, хорошую еду, игрушки, присмотр и уход…

– Да-да, – нетерпеливо отмахнулся Микки. – Блюдечко молока и чтобы гладили по шерстке. Это все, чего ты хотела, кошечка?

– Я была благодарна за это, – ответила Тина. – А вы – нет.

– Неужели ты не понимаешь, Тина, что невозможно испытывать благодарность по требованию? Оттого, что обязан испытывать благодарность, только еще хуже. Я не хотел, чтобы меня привозили сюда. Не хотел жить в роскоши. Не хотел уезжать из родного дома.

– Дом могли разбомбить, – заметила Тина. – И ты мог погибнуть.

– Ну и что? Пусть бы и разбомбили. Я бы погиб у себя дома, среди своих. На своем месте. Видишь, мы снова к этому вернулись. Нет ничего хуже, чем быть чужим, посторонним. Но ты – котеночек, для тебя важны только материальные вещи.

– Возможно, что это и так, в каком-то смысле, – сказала Тина. – Возможно, потому я и не испытываю таких чувств, как вы все. У меня нет в душе этой странной обиды, которая есть у всех остальных, – и больше всего у тебя, Микки. Мне не трудно чувствовать благодарность, потому что я не стремилась обязательно быть самой собой. И не хотела оставаться там, где была. Я, наоборот, хотела освободиться от себя. Хотела стать другим человеком. И она превратила меня в другого человека. В Кристину Аргайл, у которой есть дом, которую любят. Которая живет обеспеченной жизнью и может ничего не бояться. Я любила маму за то, что она дала мне все это.

– А твоя родная мать? Ты что, никогда о ней не думаешь?

– Чего мне о ней думать? Я ее почти и не помню. Не забудь, мне было всего три года, когда я очутилась здесь. У нее я все время боялась, мне было страшно: эти шумные драки с пьяными матросами, и она сама тоже… теперь, став взрослой, я понимаю, что она, по-видимому, тоже почти всегда была пьяна. Тина говорила равнодушно, как о ком-то постороннем. – Нет, о ней я не вспоминаю и не думаю. Моей матерью была миссис Аргайл. И мой дом – здесь.

– Да, тебе легко, Тина, – вздохнул Микки.

– А тебе почему обязательно должно быть трудно? Ты сам создаешь трудности! Только имей в виду: ты не миссис Аргайл ненавидел, а свою родную мать. Да-да. Я знаю, что так оно и есть. И если это ты убил миссис Аргайл, то на самом деле ты хотел убить свою мать.

– Тина! Что за вздор ты плетешь?

– А теперь, – спокойно продолжала Тина, – тебе некого больше ненавидеть, и поэтому тебе стало очень одиноко. Но ты должен научиться жить без ненависти, Микки. Это, наверное, трудно, но возможно.

– Не понимаю, что ты такое болтаешь? Что значит:

«если это ты убил»? Ты прекрасно знаешь, что в тот день я находился далеко отсюда. Я проверял автомобиль клиента на Мур-роуд, у Минчинского холма.

– Да?

Тина поднялась и подошла к самому краю обрыва, откуда видна была река внизу.

– На что ты намекаешь? – спросил Микки, подойдя и встав рядом.

Тина указала на реку.

– Кто эти двое там внизу? – спросила она. Микки кинул быстрый взгляд.

– Эстер и этот ее доктор, по-моему, – ответил он. – Тина, что ты сейчас такое сказала? Бога ради, не стой ты над самым обрывом!

– Почему? Тебе хочется меня столкнуть? Тебе это проще простого. Я маленькая. Микки хрипло проговорил:

– Почему ты сказала, что я мог быть здесь в тот вечер? Тина молча повернулась и пошла обратно вверх по дорожке к дому.

– Тина!

Она отозвалась тихим, ровным голоском:

– Я беспокоюсь, Микки. Я очень беспокоюсь за Эстер и Дона Крейга.

– Оставим пока Эстер и ее дружка.

– Но я правда волнуюсь за них. Боюсь, что Эстер сейчас очень страдает.

– Но мы же не о них говорим.

– Я, например, говорю о них. Понимаешь, они для меня очень много значат.

– Ты что, все это время считала, что я был здесь в тот вечер, когда убили мать? Тина не ответила.

– Т о г да ты ничего про это не сказала.

– А зачем? Не было нужды. Тогда ведь было очевидно, что это Жако убил.

– А теперь так же очевидно, что это не он. Тина кивнула.

– А раз так? Значит, что? Не отвечая, она пошла дальше.

* * *

Внизу у самой воды Эстер загребала песок носком туфли.

– Не понимаю, о чем тут говорить, – сказала она.

– Мы должны поговорить об этом, – повторил Дон Крейг.

– Зачем?.. Разговоры ничего не дают. От них нисколько не легче.

– По крайней мере, расскажи, что было сегодня утром.

– Ничего, – ответила Эстер.

– Что значит, ничего? Приезжали люди из полиции, верно?

– А… ну да. Приезжали.

– И что же? Они вас всех расспрашивали?

– Да, они нас расспрашивали.

– Какие вопросы задавали?

– Обычные, – ответила Эстер. – Честное слово, те же самые, что и тогда. Где мы были, и что делали, и когда последний раз видели маму живой. Мне не хочется больше об этом говорить. Дон. Все уже позади.

– Совсем даже не позади, дорогая. В этом все и дело.

– Но ты-то почему так беспокоишься? Тебя же это не касается.

– Девочка моя, я хочу помочь тебе. Неужели ты не понимаешь?

– Разговорами об этом мне не поможешь. Я хочу только одного – забыть. Вот если бы ты помог мне забыть…

– Эстер, любимая, от реальности не уйдешь. Надо смотреть правде в глаза.

– Правде в глаза, как ты выражаешься, я смотрела все утро.

– Эстер, я тебя люблю. Ты ведь это знаешь, правда?

– Наверно, – ответила Эстер.

– Что значит, наверно?

– Ты все время возвращаешься к этой теме.

– Но я обязан, Эстер.

– Не понимаю почему. Ты же не полицейский.

– Кто из вас последним видел мать живой?

– Ну, я, – сказала Эстер.

– Знаю. Было без нескольких минут семь, да? Как раз перед тем, как ты вышла из дому, чтобы встретиться со мной.

– Перед тем, как я вышла из дому, чтобы ехать в Драймут, в театр, уточнила Эстер.

– Ну а в театре был я, верно?

– Конечно.

– Ты тогда уже знала, Эстер, что я тебя люблю?

– Я еще была не уверена. Я даже не была уверена, что и сама в тебя влюбилась.

– У тебя ведь не было никаких причин – ни малейших – убивать свою мать, да?

– Да, в общем не было, – ответила Эстер.

– Что это значит, в общем не было?

– Мне часто хотелось убить ее, – сказала Эстер, равнодушно пожимая плечами. – Я, бывало, говорила себе:

«Хоть бы она умерла. Хоть бы она умерла». А иногда, – прибавила Эстер, мне даже снилось, что я ее убиваю.

– И каким же образом ты ее убивала во сне? На минуту Дон Крейг из влюбленного превратился во врача, выслушивающего пациента.

– Иногда из пистолета, – жизнерадостно ответила Эстер. – А иногда и ударом по голове. Доктор Крейг застонал.

– Это были всего лишь сны. Я часто бываю в сновидениях ужасно воинственна.

– Послушай, Эстер. – Молодой человек взял ее за руку. – Ты должна сказать мне правду. Ты должна довериться мне.

– Не понимаю, чего ты хочешь, – отозвалась Эстер.

– Правды, Эстер. Я хочу услышать от тебя правду. Я тебя люблю. И ты всегда можешь на меня положиться. Если… если это ты ее убила, я… мне кажется, я смогу найти объяснение. Если так, в этом не было твоей вины. Понимаешь? И конечно, в полицию я не обращусь. Это останется строго между нами. Не пострадает ни один человек. Дело постепенно заглохнет из-за отсутствия каких-либо доказательств. Но мне необходимо знать! – Он с нажимом произнес последнее слово.

Эстер смотрела на него широко раскрытыми глазами, но казалось, что она его не видит…

– Что ты хочешь от меня услышать? – переспросила она.

– Хочу, чтобы ты сказала мне правду.

– Ты ведь думаешь, что правда тебе уже известна, так? Ты считаешь, что убийца – я.

– Эстер, дорогая, не смотри ты на меня так, – Он взял ее за плечи и легонько встряхнул. – Я же врач. Я знаю, как это происходит. Знаю, что люди не всегда могут отвечать за свои поступки. Я знаю, что ты славная, прелестная и, по существу, совершенно нормальная девушка. И я тебе помогу. Буду оберегать тебя. Мы поженимся, и тогда у нас все будет хорошо. Ты никогда больше не будешь чувствовать себя одинокой и никому не нужной, и никто больше не будет тебя тиранить. Причины наших поступков часто восходят к вещам, которых люди, как правило, не понимают.

– Примерно то же мы все говорили о Жако, – заметила Эстер.

– Бог с ним с Жако. Мне важна ты. Я очень-очень люблю тебя, Эстер, но я должен знать правду.

– Ах, правду?

Губы Эстер изогнулись в медленной насмешливой улыбке.

– Прошу тебя, любимая.

Эстер отвернулась и запрокинула голову к небу.

– Эстер!

– А ты поверишь, если я скажу, что не убивала?

– Конечно, я… Конечно поверю.

– А мне кажется, что не поверишь. Эстер повернулась на каблуке и бросилась бежать вверх по тропинке. Он сделал было шаг следом, но остановился.

– О, черт, – вырвалось у него. – Проклятье!

Глава 15

– А я еще не хочу домой, – проговорил Филип Дар-рант плаксиво и раздраженно.

– О, черт, – вырвалось у него. – Проклятье!

Глава 15

– А я еще не хочу домой, – проговорил Филип Дар-рант плаксиво и раздраженно.

– Но, Филип, нам больше совершенно незачем тут оставаться. Надо было обсудить эти дела с мистером Маршаллом, а потом дождаться людей из полиции, мы же для этого приехали. Но теперь нет никаких причин здесь задерживаться.

– По-моему, твоему отцу было бы приятно, чтобы мы еще немного погостили, сказал Филип. – Он рад, что есть с кем сразиться в шахматы по вечерам. Он играет как бог. Я вроде бы и сам неплохо играю, но рядом с ним я нуль.

– Папа может подыскать себе другого партнера, – сухо возразила Мэри.

– Свистнуть кому-нибудь из Женского института?

– И вообще, нам необходимо быть дома, – не отступалась Мэри. – Завтра день миссис Карден, она будет чистить краны и дверные ручки.

– Полли – идеальная хозяйка! – со смехом произнес Филип. – Эта твоя миссис… как ее… спокойно может все перечистить и без нас, разве нет? А если не может, пошли ей телеграмму: пусть ручки и краны побудут нечищеными еще недельку.

– Филип, ты ничего не смыслишь в домашних делах и не представляешь себе, как сложно вести дом!

– Не вижу ничего сложного, ты сама обожаешь создавать трудности на пустом месте. В общем, лично я хочу еще немного побыть здесь.

– Филип, мне тут так неприятно! – страдальчески произнесла Мэри.

– Но почему?

– Здесь жутко мрачно, и вообще вся эта атмосфера… Разговоры об убийстве, и все такое.

– Прекрати, пожалуйста, Полли, и не говори мне, что ты превратилась в клубок нервов из-за подобных пустяков. Уверен, что убийство тебя совершенно не волнует. Тебе гораздо важнее краны и дверные ручки, чтобы они были начищены, и чтобы нигде в доме не было ни пылинки, и чтобы в твоем меховом манто не завелась моль…

– Летом моль в меховых вещах не заводится, – возразила Мэри.

– Ну ладно, ты все равно поняла, о чем я… Но, видишь ли, с моей точки зрения, тут куда интереснее.

– Интереснее, чем жить у себя дома? – с удивлением и обидой переспросила Мэри. Филип тут же спохватился.

– Прости, дорогая, я не правильно выразился. Наш дом – самый лучший дом в мире, ты там навела потрясающую красоту. Комфорт, уют, стиль. Но понимаешь, все было бы иначе, если бы… если бы я был таким, как прежде. Днем у меня было бы полно всяких дел и выше головы разных идей. И так было бы чудесно возвращаться вечерами к тебе в наш замечательный дом. Обсуждать с тобой все, что произошло за день. Но теперь… теперь все переменилось.

– О да, конечно. Ты не думай, я об этом ни на миг не забываю, Фил. Я из-за этого терзаюсь, Фил, ужасно терзаюсь.

– Да, – процедил Филип сквозь зубы. – Ты слишком терзаешься, Мэри. Ты так терзаешься, что и я из-за этого начинаю еще больше терзаться. Все, что мне нужно, это отвлечься… нет, не говори мне, что я могу отвлечься с помощью массажа и лечебной физкультуры или за головоломками и за чтением бесконечных книг. Иногда мне нестерпимо хочется заняться каким-нибудь настоящим делом! А здесь, в этом доме, есть дело, которым можно заняться по-настоящему.

– Филип, – испуганно проговорила Мэри. – Ты что, все еще не расстался со своим замыслом?

– Поиграть в расследование убийства? Убийца, убийца! Где ты, убийца? Да, Полли, ты, в сущности, угадала. Я страстно хочу выяснить, кто убийца.

– Но зачем? И как ты можешь это выяснить? Если кто-то влез в окно или вошел в незапертую дверь…

– А ты все еще тешишь себя мыслью, что это был кто-то посторонний? Это не выдерживает критики, дорогая. Старик Маршалл сделал вид, будто оно его удовлетворяет. Но на самом деле он просто хотел помочь нам сохранить лицо. В эту замечательную версию никто не верит. Она попросту абсурдна.

– А если она абсурдна, – перебила его Мэри, – если, как ты говоришь, это сделал один из нас, тогда я просто не желаю ничего знать. Зачем нам это нужно? В тысячу раз лучше оставаться в

неведении!

Филип с интересом на нее посмотрел.

– Хочешь спрятать голову в песок, Полли? Неужели у тебя нет хотя бы обыкновенного любопытства?

– Говорю тебе, я ничего не хочу знать! По-моему, это просто ужасно. Я хочу забыть… и больше ни о чем таком не думать.

– Неужели ты настолько не любила мать, что тебе безразлично, кто ее убил?

– А что толку знать, кто убил? Два года мы жили спокойно, считая, что это сделал Жако.

– Вот именно, – кивнул Филип, – и это всех нас устраивало.

Жена взглянула на него с недоумением.

– Что ты такое говоришь, Филип?

– Разве непонятно, Полли, что в каком-то смысле это вызов мне, моей сообразительности? Я не хочу сказать, что так уж болезненно пережил смерть твоей матери или что так уж горячо ее любил. Ничего подобного. Она сделала все от нее зависящее, чтобы ты не выходила за меня замуж. Но я на нее зла не держал, потому что в итоге ты все-таки досталась мне. Верно я говорю, моя девочка? Так что мной движет не жажда мести и даже не стремление к справедливости, нет, я думаю, что… ну да, главным образом у меня это любопытство, хотя и не без примеси благородных побуждений.

– В такие вещи лучше не соваться, – покачала головой Мэри. – Это не доведет до добра. Умоляю тебя, Филип, не ввязывайся ты в эту историю! Поедем лучше домой и не будем больше об этом думать.

– Ну что ж, – сказал Филип. – Тебе ничего не стоит вывезти меня куда угодно, не так ли? Но я хочу остаться здесь. У тебя никогда не возникает желания, чтобы я хоть иногда делал то, что хочется мне?

– Да я только и думаю о том, чтобы все было так, как хочется тебе!

– Ничего подобного, дорогая. Тебе просто нравится нянчиться со мною, как с грудным ребенком, и всегда самой решать, что для меня лучше, – со смешком возразил Филип.

Мэри растерянно произнесла:

– Не могу понять, когда ты говоришь всерьез, а когда шутишь.

– Так вот, дело не только в любопытстве, – сказал Филип Даррант, – кто-то, знаешь ли, все-таки должен выяснить правду.

– Зачем? С какой целью? Чтобы еще кого-нибудь отправили в тюрьму? По-моему, то, что ты задумал, ужасно.

– Ты не правильно меня поняла, – уточнил Филип. – Я ведь не сказал, что сдам в полицию того, кто это сделал, – если мне, конечно, удастся его обнаружить. В чем я вовсе не уверен. Разумеется, все будет зависеть от обстоятельств. Вероятнее всего, передавать его в полицию

будет бессмысленно. Я по-прежнему думаю, что реальных доказательств не существует.

– Но если реальных доказательств не существует, как ты собираешься что-то разузнавать?

– Есть много разных способов докопаться до истины, – ответил Филип. Убедиться с полной определенностью раз и навсегда. И знаешь ли, по-моему, медлить тут нельзя. В этом доме дела обстоят неважно, и очень скоро будет еще хуже.

– О чем ты?

– Ты что, ничего не замечаешь, Полли? Например, у твоего отца с Гвендой Воэн.

– Ну и что? Зачем папе в его возрасте понадобилось опять жениться, я…

– Это мне как раз понятно, – сказал Филип. – В конце концов, в первом браке ему пришлось несладко. И теперь он получил шанс обрести счастье. Осеннее счастье, если угодно, но оно возможно. Вернее сказать, было возможно. Потому что теперь в их отношениях что-то не так.

– Наверно, все из-за этого расследования… – предположила Мэри.

– Вот именно, – подтвердил Филип. – Из-за этого расследования. Они все больше расходятся друг с другом и причины этому могут быть только две: подозрение или вина.

– И кто кого подозревает?

– Ну, скажем, он ее, а она – его. Или так: с одной стороны подозрение, а с другой сознание вины, или наоборот, или так, или этак, в общем, как тебе будет угодно.

– Перестань зубоскалить, Филип, ты меня совсем запутал. – Мэри вдруг немного повеселела. – Значит, ты полагаешь, это Гвенда? – спросила она. Может быть, ты и прав. Господи, вот хорошо было бы, если бы это оказалась Гвенда!

– Бедная Гвенда. Почему хорошо? Потому что она не член семьи?

– Ну да, – сказала Мэри. – Тогда это не кто-то из нас.

– А тебе главное, как это отразится на нас? И больше тебя ничего не волнует?

– Конечно, – ответила Мэри.

– Конечно, конечно, – передразнил ее Филип. – Твоя беда в том, Полли, что ты совершенно лишена воображения. Ты не в состоянии поставить себя на место другого человека.

– А зачем?

– Действительно, зачем? – подхватил Филип. – Если быть честным, наверное, просто для забавы. Но при этом я могу поставить себя на место твоего отца и на место Гвенды и понять, как это все мучительно, если они не виноваты. Как горько чувствовать Гвенде, что ее теперь держат на расстоянии. Как больно от сознания, что ей так и не удастся в конечном итоге выйти замуж за того, кого она любит. Или поставь себя на место отца. Он знает, не может не знать, что его любимая женщина имела возможность совершить это убийство, и мотив у нее тоже был. Он думает, что это не она, он хочет верить, что это сделала не она, но полной уверенности у него нет. И что самое печальное – никогда не будет.

– В его возрасте… – снова начала было Мэри.

– Что ты все: в его возрасте да в его возрасте? – раздраженно перебил ее Филип. – Неужели ты не понимаешь, что в его возрасте все это еще тяжелее? Это его последняя любовь. Едва ли ему суждено еще когда-нибудь полюбить и быть любимым. Такое чувство особенно глубоко. Или если подойти с другой стороны, продолжал он, – Представим себе, что Лео вырвался из замкнутого мира теней и туманов, в котором жил до сих пор. А вдруг это он собственноручно нанес удар, лишивший жизни его жену? Бедняга. К нему испытываешь даже нечто вроде жалости, правда? И все-таки – нет, – подумав, заключил он. – Не могу себе ни на минуту представить, чтобы он был способен на такое. А вот полиция наверняка сможет. Ну а теперь, Полли, послушаем твое мнение. Кто, по-твоему, убийца?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Мэри.

– Хорошо. Допустим, что знать тебе неоткуда, – согласился Филип. – Но ты могла бы сказать что-нибудь дельное, если бы дала себе труд подумать.

– Говорю тебе, что я не желаю думать на эту тему.

– Интересно, почему?.. Просто из чувства брезгливости? Или потому, что на самом деле ты… знаешь? Возможно, на самом деле твой холодный бесстрастный ум уже дал тебе ответ, четкий и определенный… настолько определенный, что ты думать об этом не желаешь. Кто же у тебя на уме? Эстер?

– Вот еще! Зачем бы Эстер стала убивать маму?

– Действительно, как будто бы незачем, – согласился Филип. – Но ведь встречаются описания таких случаев. Сын – или дочь – родители не чают в них души, они ухожены и избалованы, но в один прекрасный день случается какой-нибудь пустяк: любящий папаша не дал денег на кино или на новые туфли или, отпуская дочь с кавалером, велит ей быть дома в десять, и ни минутой позже. Это может быть совершенная ерунда, но от нее, как от спички, вспыхивает цепочка давно накопившихся обид, и на юное создание вдруг накатывает, девица хватается за молоток или топор, а возможно, и за кочергу – и все, конец. Объяснить такие поступки всегда трудно, но они случаются… Словно вырывается наружу долго подавлявшийся протест, нежелание подчиняться старшим. С Эстер тоже могло случиться нечто подобное… Ведь с Эстер как? Поди догадайся, что за мысли в ее хорошенькой головке. Она слабохарактерна, это бесспорно, и тяготится собственной слабостью. А ваша мать была таким человеком, рядом с которым ей постоянно приходилось ощущать себя слабой. Да, – Филип, воодушевившись, подался вперед, – мне кажется, я мог бы выстроить вполне убедительное обвинение против Эстер.

– Господи, да перестань ты говорить об этом! – не выдержала Мэри.

– Перестану, – согласился Филип. – Разговорами ничего не добьешься. Впрочем, это еще как сказать… Прежде всего надо нащупать вероятную схему убийства. А потом прикинуть, кто именно может вписаться в эту схему. Ну а уж когда все более или менее проясняется, следующий шаг – расставлять незаметные ловушки и смотреть, кто в них попадется.

– В доме тогда находилось всего четыре человека, – напомнила Мэри. – А ты рассуждаешь так, будто тут было по меньшей мере человек десять. Насчет папы я с тобой согласна: он не мог этого сделать. Но что у Эстер могли быть на это причины – совершеннейший абсурд… В общем, остаются Кирсти и Гвенда.

– И которую же из них ты предпочитаешь? – с еле уловимой издевкой в голосе спросил Филип.

– Не могу себе представить, чтобы это могла сделать Кирсти, – не поведя бровью, ответила Мэри. – Она всегда так терпелива, так добра. И маме она была по-настоящему преданна. Возможно, конечно, что она внезапно повредилась в уме. Говорят, такое бывает, но раньше я никогда не замечала за ней никаких странностей.

– Верно, – согласился Филип. – Я бы сказал, Кирсти – абсолютно нормальная женщина, которой необходима полноценная, во всех смыслах, жизнь. В этом она, пожалуй, похожа на Гвенду, только Гвенда привлекательна и хороша собой, а бедная старушка Кирсти глупа и неказиста. Ни один мужчина, я думаю, не взглянул на нее дважды. Но ей бы так этого хотелось! Она была бы рада полюбить кого-нибудь и выйти замуж. Горькая, должно быть, доля – родиться женщиной, когда ты совершенно некрасива и необаятельна, да еще если этот недостаток не возмещается ни умом, ни талантом. Понимаешь, она слишком долго прожила здесь. Ей бы уехать сразу после войны, заняться снова своим ремеслом массажистки. Глядишь, подцепила бы какого-нибудь богатенького старичка.

– Ты как все мужчины, – проворчала Мэри. – Вы думаете, у женщин одно на уме: выйти замуж. Филип ухмыльнулся.

– Да, я консерватор и думаю, что для всех женщин это самое главное. А кстати, у Тины нет сердечного дружка?

– Мне, по крайней мере, о таком не ведомо, – ответила Мэри. – Правда, она мало о себе рассказывает.

– О да, она такая тихоня. И не то чтобы так уж хороша собой, но очень грациозна. Интересно бы узнать, что ей об этом деле известно?

– Наверно, ничего, – сказала Мэри.

– Ты так думаешь? А я нет.

– Тебе постоянно что-то мерещится, – заметила Мэри.

– Ничего мне не мерещится. Знаешь, что она сказала? Она-де очень надеется, что ей ничего не известно. Довольно интересное высказывание. Держу пари, что она что-то знает.

– Что, например?

– Может быть, нечто такое, что может стать недостающим звеном во всей цепочке событий, но она не очень понимает, что именно. Надеюсь, мне удастся что-нибудь выяснить у нее.

– Филип!

– Бесполезно, Полли. У меня теперь есть цель в жизни. Я внушил себе, что мое расследование необходимо, оно в интересах общества. Итак, с чего начать? Пожалуй, мне следует начать с Кирсти. Она в общем-то простая душа.

– Господи, как бы мне хотелось, как бы мне ужасно хотелось, чтобы ты бросил эту безумную затею и мы бы вернулись домой! Мы были так счастливы. И все у нас шло так хорошо… – Голос у Мэри дрогнул, и она отвернулась.

– Полли! – встревоженно произнес Филип. – Неужели это для тебя так важно? Я и не подозревал, что ты так расстроишься.

Мэри с надеждой обернулась.

– Значит, ты согласен поехать домой и все забыть?

– Я все равно не смог бы все это забыть, – ответил Филип. – Только изводился бы, ломал голову и не знал бы покоя. Давай останемся хотя бы до конца недели, Мэри, а там… там посмотрим.

Глава 16

– Ты не против, если я еще немного тут поживу, отец? – спросил Микки.

– Ну разумеется. Буду очень рад. А как к этому отнесутся в твоей фирме?

– Я позвонил и договорился, – ответил Микки. – Могу не появляться до понедельника. Они вошли в мое положение. И Тина тоже погостит здесь до конца недели. Он отошел к окну, выглянул. Потом, держа руки в карманах, пересек комнату и двинулся вдоль книжных шкафов, поглядывая на верхние полки.

– Знаешь, отец, – проговорил он наконец смущенным пресекающимся голосом, я очень ценю то, что вы для меня сделали. За последнее время я осознал… понял по-настоящему, каким я был неблагодарным глупцом.

– Благодарность тут совершенно ни при чем, – возразил Лео Аргайл. – Ты мой сын, Микки. Ты всегда был для меня сыном.

– Не всякий родитель так обращается с детьми, – сказал Микки. – Ты никогда не командовал мною.

Лео Аргайл улыбнулся своей всегдашней отрешенной улыбкой.

– А ты что же, думаешь, что роль отца сводится к тому, чтобы командовать детьми?

– Нет, – ответил Микки. – Именно что нет. – И продолжил с горячностью:

– Я был дурак дураком. До смешного. А знаешь, что я хочу теперь сделать? Я собираюсь… мне предложили работу в нефтяной компании в Персидском заливе. Мама с самого начала хотела туда меня устроить… в нефтяную компанию. Но я тогда уперся. Хотел жить по-своему.

– Ты был в том возрасте, – сказал Лео, – когда человеку бывает очень важно делать все самому, для тебя было неприемлемо, чтобы кто-то другой делал выбор за тебя. Ты всегда был таким, Микки. Если тебе хотели купить свитер красного цвета, ты немедленно заявлял, что нет, нужен синий, хотя самому в глубине души, может быть, хотелось именно красный.

– Точно! – засмеялся Микки. – Я был совершенно несносным созданием.

– Просто юным созданием, – возразил Лео. – Брыкался. Не хотел терпеть узды и седла, не желал подчиняться. Это с каждым бывает, но в конце концов приходится идти на мировую.

– Да, наверно.

– Я очень рад, – сказал Лео, – что ты выбрал для себя такое будущее. По моим представлениям, продавать и обкатывать машины – это не совсем то, что тебе нужно. В общем-то неплохая

работа, но никакой перспективы.

– Машины я люблю, – сказал Микки. – Люблю показывать, на что они способны. И с клиентами разговаривать умею, и позубоскалить, и польстить, когда надо. Но удовольствия от этого я не получаю. А там, во всяком случае, буду иметь дело только с транспортом. Заведовать отделом техобслуживания. Ответственная должность.

– Имей в виду, – напомнил ему Лео, – если тебе понадобятся средства, чтобы приобрести долю в каком-то стоящем на твой взгляд предприятии, – деньги для тебя есть, ты в любое время можешь их получить. Я всегда готов дать добро твоим опекунам на выдачу нужной тебе суммы, конечно, если условия будут рассмотрены и одобрены. Мы проконсультируемся с экспертами. Но так или иначе, деньги имеются, и ты сможешь их взять, когда нужно будет.

– Имей в виду, – напомнил ему Лео, – если тебе понадобятся средства, чтобы приобрести долю в каком-то стоящем на твой взгляд предприятии, – деньги для тебя есть, ты в любое время можешь их получить. Я всегда готов дать добро твоим опекунам на выдачу нужной тебе суммы, конечно, если условия будут рассмотрены и одобрены. Мы проконсультируемся с экспертами. Но так или иначе, деньги имеются, и ты сможешь их взять, когда нужно будет.

– Спасибо, отец, но я не хочу кормиться за твой счет.

– Мой счет тут ни при чем. Эти деньги – твои, Микки. Они предназначены непосредственно тебе, тебе и всем остальным нашим детям. А мне принадлежит только право распределения и передачи. Ведь это не мои деньги, и получаешь ты их не от меня.

– Они мамины.

– Опекунский фонд был создан несколько лет назад.

– Не хочу я их брать! И прикасаться к ним не хочу! Просто не смогу. При том, как теперь все обернулось… – Он встретился взглядом с отцом и вдруг мучительно покраснел. – Я не хотел… Сорвалось с языка.

– Почему же ты не хочешь к ним прикасаться? – спросил Лео. – Мы тебя усыновили. То есть взяли на себя всю ответственность за тебя, и финансовую и моральную. Мы обязались воспитать тебя как родного сына и обеспечить твое будущее.

– Я хочу стоять на собственных ногах, – повторил Микки.

– Да. Вижу… Ну, хорошо, Микки, но если передумаешь, помни, что деньги есть и тебя дожидаются.

– Спасибо, отец. Спасибо, что ты меня понимаешь. Или если и не понимаешь, то позволяешь, по крайней мере, поступать по-своему. Извини, что я не сумел как следует все объяснить… Я хотел сказать, не могу же я… воспользоваться… черт… об этом так трудно говорить…

В дверь постучали, вернее, ударили.

– Это, должно быть, Филип, – сказал Лео Аргайл. – Будь добр, открой ему, Микки.

Микки прошел к двери, распахнул ее, и через порог, весело ухмыляясь, въехал на своем кресле Филип Даррант.

– Вы сейчас заняты, сэр? – обратился он к Лео. – Мне ведь не к спеху, могу и подождать. Я мешать вам не буду, пороюсь тихонько на книжных полках.

– Нет, – ответил Лео. – Я сейчас не работаю.

– Гвенда не пришла? – сочувственно осведомился Филип.

– Она звонила, предупредила, что не придет сегодня, у нее болит голова, ровным голосом объяснил Лео.

– Вот как. Микки сказал:

– Ладно, я пойду. Загляну к Тине, вытащу ее погулять. Эта девчонка боится свежего воздуха.

И легкой, пружинистой походкой вышел из библиотеки.

– Я ошибаюсь, или действительно в Микки за последнее время произошла перемена? Он, кажется, уже не злится на всех и вся? – спросил Филип.

– Он повзрослел, – ответил Лео. – Правда, у него на это ушло довольно много времени.

– Не очень-то подходящий момент он выбрал, чтобы так воспрянуть духом, заметил Филип. – После вчерашнего допроса как-то не до веселья, вы согласны?

Лео тихо ответил:

– Разумеется, очень тяжело заново все это переживать.

– У Микки, как по-вашему, есть совесть? – продолжал Филип, продвигаясь в своем кресле вдоль полок и рассеянно вытаскивая то один томик, то другой.

– Странный вопрос, Филип.

– Ничуть, сэр. Я просто размышляю. Ведь бывают же люди, у которых нет музыкального слуха. И точно так же некоторые не способны испытывать угрызения совести, раскаяние и даже простое сожаление по поводу своих действий. Взять того же Жако. Он точно ничего подобного не испытывал.

– Да. Это верно.

– Ну а Микки? – Филип помолчал и заговорил совсем на другую тему:

– Можно я задам вам один вопрос, сэр? Вам вообще-то известно происхождение ваших приемных детей?

– Почему вы об этом спрашиваете, Филип?

– Просто любопытно. Меня очень занимают проблемы наследственности. Интересно, насколько велика ее роль?

Лео не отвечал. Филип смотрел на него с живым интересом.

– Возможно, вам неприятно, что я задаю такие вопросы?

– Нет, отчего же, – сказал Лео, вставая. – Вы ведь член нашей семьи и имеете право их задавать. А в данной ситуации, спору нет, то, о чем вы спрашиваете, весьма существенно. Но наших детей, строго говоря, нельзя считать приемными. Мэри, ваша жена, действительно была удочерена по закону. Остальные же попали в наш дом в общем-то неформальным путем. Жако осиротел, его отдала нам на время войны родная бабка. Она погибла во время бомбежки, и мальчик остался у нас. Так уж вышло. Микки внебрачный ребенок. Его мать интересовали исключительно кавалеры. Она назначила цену в сто фунтов и получила их. Что сталось с матерью Тины, нам неизвестно. Она ни разу не написала своей дочери, не потребовала, чтобы ей ее вернули после войны, а разыскать ее не представлялось возможным.

– А Эстер?

– Эстер тоже внебрачный ребенок. Ее мать была ирландка, молоденькая медсестра. Вскоре после того, как ее дочь оказалась у нас, она вышла за американского солдата и попросила, чтобы мы оставили девочку у себя. Не хотела, чтобы муж знал о незаконном ребенке. В конце войны она уехала с мужем в Штаты, и с тех пор мы о ней ничего не слышали.

– У каждого по-своему трагическая история, – заметил Филип. – Все пятеро несчастные, никому не нужные подкидыши.

– Да, – сказал Лео. – Потому-то Рейчел с такой страстью к ним ко всем и относилась. Хотела, чтобы они почувствовали себя желанными, чтобы у них был свой дом, хотела стать им настоящей матерью.

– Благородное стремление.

– Да, но получилось не так, как она рассчитывала, – вздохнул Лео. – Она свято верила, что кровное родство ничего не значит. На самом же деле оно все-таки имеет значение. В характере, в поведении родных детей обычно есть какая-то особинка, которую узнаешь и понимаешь без слов. А с приемными детьми такой связи нет. Их не понимаешь сердцем, только умом и судишь о них, отталкиваясь только от своих собственных представлений и чувств. Однако нельзя забывать о том, что твои мысли и чувства, возможно, довольно далеки от того, что думают и чувствуют они.

– Вы, вероятно, всегда понимали это?

– Я предостерегал Рейчел, – кивнул Лео. – Но она, конечно, не верила. Отказывалась верить. Она внушала себе, что это ее родные дети.

– Тина всегда казалась мне темной лошадкой, – сказал Филип. – Возможно, потому, что она не совсем белая. Кто был ее отец, вы знаете?

– Кажется, какой-то моряк. Возможно, индиец. Мать не могла точно сказать, – сухо добавил Лео.

– Совершенно непонятно, как она на что реагирует, что думает. Говорит мало. – Филип замолчал. А потом выпалил:

– О чем, интересно, она знает, но помалкивает?

Он заметил, как рука Лео, переворачивавшая страницы, замерла в воздухе. На мгновенье стало тихо, затем Лео спросил:

– Почему вы думаете, что она говорит не все, что знает?

– Но, сэр, это же очевидно, разве нет?

– Мне не очевидно, – сказал Лео.

– Ей известно что-то, что может повредить какому-то определенному лицу, вы не думаете?

– Я думаю, Филип, вы уж простите меня, что рассуждать на эти темы крайне неосмотрительно. Можно нафантазировать лишнее.

– Вы меня хотите припугнуть, сэр?

– Какое вам, в сущности, до всего этого дело, Филип?

– В смысле, что я не полицейский?

– Да. Именно это я хотел сказать. Полицейские обязаны выполнять свою работу. Их долг – разбираться, что и как.

– А вы сами не хотите в этом разобраться? Или… или вы и без того знаете, кто убийца? Знаете, сэр?

– Нет.

Краткость и страстность его ответа поразили Филипа.

– Нет, – повторил Лео и ударил ладонью по столу. Сейчас он был совсем не похож на того тихого и замкнутого книжного червя, которого так хорошо знал Филип. – Я не знаю, кто убийца! Слышите? Не знаю. Не имею ни малейшего представления. И не хочу, не желаю знать.

Глава 17

– Эстер, а ты что тут делаешь, душечка моя? – спросил Филип.

Он катил в своем кресле по коридору. А Эстер стояла в коридоре у окна. При звуке его голоса она вздрогнула и оглянулась.

– А, это ты, – проговорила она.

– Созерцаешь Вселенную или хочешь выпрыгнуть из окна? – поинтересовался Филип.

– С чего это ты взял? – с вызовом спросила Эстер.

– По лицу прочел, – ответил Филип. – Однако, если ты и вправду задумала такое, предупреждаю: данное окно для подобных целей не годится: оно слишком низко от земли… Ну подумай сама: до чего неприятно будет получить перелом руки и ноги вместо благодатного забвения, которого ты жаждешь.

– Когда-то Микки вылезал из этого окошка и спускался по стволу магнолии. И возвращался тем же путем. А мама об этом и не догадывалась.

– Чего только не скрывают от родителей! Можно целую книгу написать на эту тему. Однако

если ты все же подумываешь о том, чтобы свести счеты с жизнью, Эстер, то гораздо надежнее будет прыгнуть с того места, где беседка.

– Это где выступ над самой рекой? Да, там разобьешься в лепешку о камни!

– У тебя слишком пылкое воображение, Эстер. Большинство людей вполне удовлетворила бы газовая духовка: аккуратно сунул туда голову – и порядок. Или того проще: выпить целую пачку снотворного.

– Я рада, что ты здесь, – неожиданно сказала Эстер. – С тобой всегда можно поболтать на любые темы… о чем угодно.

– Мне ведь теперь больше особенно и заняться нечем, – признался Филип. Пошли в мою комнату, поболтаем еще. – И, видя, что она колеблется, добавил:

– Мэри внизу, пошла приготовить для меня какое-то несъедобное угощение своими собственными белыми ручками.

– Мэр меня не поймет, – сказала Эстер.

– Эта верно, – согласился Филип. – Мэри ничегошенькй не поймет.

Он покатил дальше, и Эстер пошла с ним рядом. Она открыла дверь их гостиной и пропустила Филипа вперед.

– А вот ты понимаешь, – сказала она, входя следом. – Почему?

– Видишь ли, бывают ситуации, когда такие мысли не могут не прийти в голову… Например, когда со мной случилась эта история и я понял, что могу остаться калекой на всю жизнь…

– Да, – сказала Эстер. – Это, наверно, было жутко. Жутко. Ты же летчик.

– «Высоко-высоко по небу летит на белой тарелочке сахарный бисквит», шутливо продекламировал Филип.

– Прости меня, ради Бога! Я такая эгоистка… я не подумала… это я должна была проявить сочувствие.

– И хорошо, что не проявила, – сказал Филип. – И вообще, это время у меня уже прошло. Ко всему можно привыкнуть, Эстер. Сейчас эти слова для тебя пустой звук, но в конце концов ты убедишься, что я прав. Если только не успеешь раньше наделать всяких глупостей. Ну давай рассказывай. Что такое случилось? Повздорила, наверно, со своим дружком, этим неулыбой-медикусом?

– Нет, не повздорила. Все гораздо хуже.

– Обойдется, – сказал Филип. – Вот увидишь.

– Нет, никогда. Тут уже ничего не исправишь.

– Эх, Эстер, какая же ты максималистка. Для тебя все либо белое, либо черное, да? И никаких полутонов.

– Что поделаешь, – ответила Эстер. – У меня всю жизнь так. Чего ни задумаю, за что ни возьмусь, все у меня получается шиворот-навыворот, не как мечталось. Я хотела, чтобы у меня была своя жизнь, хотела кем-нибудь стать, что-то делать. И все так, впустую… Я часто подумывала о самоубийстве. Лет с четырнадцати.

Филип слушал ее очень внимательно. А потом спокойно, деловито проговорил:

– Между четырнадцатью и девятнадцатью очень многие решаются на самоубийство. Это такой возраст, когда как бы смещаются пропорции. Школьники хотят свести счеты с жизнью, потому что боятся провалиться на экзамене, школьницы – потому что мама не пустила в кино с мальчиком, который нравится ей, но не нравится маме. В этом возрасте все окрашено в неестественно яркие краски – и радости и огорчения. Совсем как в кино. Либо полный мрак, либо на седьмом небе от счастья. Но эта острота восприятия с возрастом проходит. Твоя беда в том, Эстер, что ты все никак не повзрослеешь, а пора бы.

– Мама всегда была права, – вдруг сказала Эстер. – Бывало, я хочу что-то сделать, а она не позволяет. И всякий раз выходило, что права она, а не я. И я не могла этого вынести, просто не могла! Вот и решила доказать себе, какая я храбрая. Уехать и жить самостоятельно. Проверить, на что я способна. Ну и ничего из этого не вышло. Актрисой я оказалась никудышной.

– Естественно, – сказал Филип. – Ты же не умеешь сдерживать свои эмоции, вживаться в роль, так кажется, говорят актеры. Ты слишком занята собственными переживаниями, моя милая. Ты и сейчас все драматизируешь, преувеличиваешь свои проблемы.

– Тогда я решила завести себе настоящую любовь, – чуть усмехнувшись, продолжала Эстер. – Не наивный детский роман, а нечто серьезное… Он был намного старше меня… Женат и очень несчастлив в браке.

– Стандартная ситуация, – заметил Филип. – И он безусловно этим спекулировал.

– Я думала, это будет… ну, великая страсть, как же иначе… Ты не смеешься надо мной? – Она замолчала и взглянула на него с подозрением.

– Нет, не смеюсь, Эстер, – ласково ответил Филип. – Я представляю себе, как ты намучилась.

– Великой страсти не получилось, – горько заключила Эстер. – А получилась глупая, жалкая интрижка. Все, что он нарассказывал о своей загубленной жизни, о жене, оказалось ложью. Я… я просто навязалась ему со своей дурацкой любовью… как последняя идиотка.

– Некоторые истины, – сказал Филип, – приходится постигать на собственном опыте. И знаешь, Эстер, тебе это все во вред не пошло. Наоборот, помогло повзрослеть. Или могло бы помочь, если бы ты не сопротивлялась.

– Мама тут же кинулась меня… спасать, – то ли с обидой, то ли с негодованием проговорила Эстер. – Приехала, все уладила и сказала, что, если я действительно хочу стать актрисой, надо учиться, надо сначала поступить в школу драматического искусства. Но я вовсе не стремилась стать актрисой и к этому времени уже поняла, что у меня ни на грош таланта. В общем… пришлось возвратиться домой. А что еще мне оставалось?

– Нашлись бы, наверно, и другие выходы. Но этот был самый легкий.

– О да, – с горечью подтвердила Эстер. – Ты так хорошо все понимаешь! Я ужасно

слабохарактерная, настоящая размазня. Вечно выбираю что полегче. А если взбунтуюсь, обязательно выходит какая-то глупость или вообще ничего не получается.

– Ты очень не уверена в себе. Почему? – сочувственно спросил Филип.

– Может быть, потому, что я не родная, а приемная, – сказала Эстер. – Я узнала это только в пятнадцать лет. Про остальных-то я знала, а потом как-то спросила… оказывается, я тоже… На меня это подействовало просто ужасно. Словно земля из-под ног ушла.

– Ох, какая же ты мастерица все драматизировать, – покачал головой Филип.

– Она не была мне матерью! Она совершенно не понимала, что я чувствую. А просто относилась ко мне с добротой и терпением и планировала за меня мою жизнь. О, как же я ее ненавидела! Это отвратительно с моей стороны, я знаю, но я ее ненавидела.

– А знаешь, ведь очень многие девочки переживают такой период, когда они ненавидят своих матерей, – сказал ей Филип. – Так что в твоих чувствах не было ничего такого уж особенного.

– Я ненавидела ее за то, что она всегда была права. Когда человек всегда прав, это невыносимо. Рядом с ним начинаешь чувствовать себя все никудышнее и никудышнее. Филип, все это так ужасно! Что мне делать? Как быть?

– Выходи за этого симпатичного парня, который за тобой ухаживает, ответил Филип. – Остепенись. Стань доброй женушкой трудяги-врача. Или это для тебя не достаточно блестящая перспектива?

– Он уже больше не хочет на мне жениться, – сокрушенно отозвалась Эстер.

– Откуда ты взяла? Он что, так и сказал? Или ты просто фантазируешь?

– Он думает, что это я убила маму.

– Вот как? – Филип замолчал на мгновение, а потом вдруг выпалил:

– А на самом деле нет? Эстер резко обернулась к нему:

– Ты почему спрашиваешь? Объясни!

– Просто поинтересовался. Дело внутрисемейное, так сказать. Не для передачи в инстанции.

– Если бы это сделала я, думаешь, я бы тебе сказала?

– Конечно, разумнее было бы не говорить, – согласился Филип.

– Он знает, что убила я. Он так мне и заявил. И еще сказал, что я могу смело ему довериться, все будет в порядке, мы поженимся, и он за мной присмотрит. Он… он не допустит, чтобы это стояло между нами.

– Ну и ну, – присвистнув, сказал Филип.

– И бесполезно… бесполезно объяснять ему, что я не убивала. Он ведь все равно не поверит, правда?

– Должен поверить, раз ты это отрицаешь.

– Я не убивала! – взволнованно воскликнула Эстер. – Слышишь? Это не я! Не я! Не я! – Она вдруг махнула рукой и замолчала. – Звучит неубедительно, проговорила она.

– Правда часто звучит неубедительно, – утешил ее Филип.

– Мы… мы не знаем, – продолжила Эстер. – Никто не знает. И все тайком друг за другом наблюдают. Мэри посматривает на меня. И Кирстен. Она так бережно за мной ухаживает, так ласково со мной обращается… Ну ясно, тоже считает, что это я. У меня нет выхода. В этом все дело, понимаешь? У меня нет выхода. Лучше уж действительно пойти к обрыву и броситься оттуда вниз головой…

– Бога ради, Эстер, не болтай глупостей. Выход всегда можно найти. И даже не один.

– Например? Нет, ничего нельзя сделать. Для меня все пропало. Разве можно жить с этим дальше, вот так, день за днем? – Она посмотрела на Филипа. – Ты, конечно, считаешь меня ненормальной. А что, если это и вправду я убила? И теперь мучаюсь от раскаяния? Может быть, вот здесь, – она картинно прижала руку к груди, – хранятся страшные воспоминания.

– Не будь дурочкой.

Филип поднял руку и притянул Эстер к себе. Она почти упала поперек его кресла. Он поцеловал ее.

– Хороший муж, вот кто тебе нужен, моя девочка, – сказал он. – А не этот напыщенный молодой болван Дональд Крейг, у которого голова набита психиатрией и учеными словечками. Ты такая глупенькая, такая дурочка и – совершенно прелестная, Эстер.

Открылась дверь, и на пороге застыла Мэри Даррант. Эстер оттолкнула Филипа и поднялась, а он смущенно улыбнулся жене.

– Я тут пытаюсь приободрить Эстер, Полли, – объяснил он.

– Я тут пытаюсь приободрить Эстер, Полли, – объяснил он.

– О, – только и произнесла Мэри.

Она вошла в комнату и бережно поставила поднос на столик рядом с креслом Филипа, демонстративно не глядя на Эстер. Девушка растерянно смотрела то на мужа, то на жену.

– Ну ладно, – наконец сказала она. – Я, пожалуй, пойду и… пойду и…

Так и не договорив, она вышла из комнаты и плотно закрыла за собой дверь.

– Эстер в тяжелом состоянии, – сказал Филип. – На грани самоубийства. Я пытался отговорить ее, – добавил он.

Мэри хранила ледяное молчание. Он протянул к ней руку. Она отстранилась.

– Полли, я тебя очень рассердил? Очень-очень? Она не ответила.

– Наверно, из-за того, что чмокнул ее? Ладно тебе, Полли, один маленький, ничего не значащий поцелуй – жалко тебе, что ли? Она такая хорошенькая и такая глупенькая, я вдруг почувствовал, что… что хорошо бы мне снова стать веселым малым и закрутить какой-нибудь

романчик, а то и два. Иди сюда, дай я тебя поцелую. Поцелуемся и помиримся, хорошо?

Но Мэри Даррант в ответ холодно произнесла:

– Ешь суп, а то остынет.

И ушла в спальню, закрыв за собой дверь.

Глава 18

– Тут внизу молодая дама, сэр, хочет вас видеть.

– Молодая дама? – удивился Колгари. Кому это он понадобился? Он оглядел заваленный бумагами стол. Тактично приглушенный голос швейцара повторил в трубку:

– Настоящая леди, сэр. И очень приятная.

– Ну ладно. Пусть поднимется.

Колгари усмехнулся про себя. Лестный отзыв и уважительный швейцарский полушепот развеселили его. Однако интересно все-таки, кто это может быть? Но когда раздался звонок и Колгари, открыв дверь, увидел перед собой Эстер Аргайл, изумлению его не было границ.

– Вы? – вырвалось у него от неожиданности. Но тут же, спохватившись, он пригласил:

– Входите, пожалуйста. Милости прошу.

Он втянул Эстер в переднюю и захлопнул дверь. Поразительно… она и сейчас произвела на него почти такое же впечатление, как и при первой встрече. Вопреки чопорным лондонским правилам, она была без шляпы, темные кудри в поэтическом беспорядке вились вокруг щек и лба. Из-под распахнутого твидового пальто виднелись темно-зеленая юбка и свитер. Словно она только вернулась с прогулки по холмам и даже еще не успела перевести дух.

– Пожалуйста, – пробормотала Эстер, сразу же приступая к делу, – прошу вас, вы должны мне помочь.

– Я? Помочь вам? – с недоумением переспросил он. – В чем именно? Разумеется, чем смогу, помогу.

– Я не знаю, что мне делать. К кому обратиться. Но кто-то должен мне помочь. Я так больше не могу, а затеяли все это вы.

– Вы оказались в беде? С вами случилось что-то серьезное?

– Мы все оказались в беде, – ответила Эстер. – Но человек – эгоист. В этом смысле, что я думаю только о себе.

– Присядьте, милая, – ласково пригласил ее Колгари. Он сгреб бумаги с кресла и усадил Эстер. А потом отошел к угловому поставцу[23].

– Вы должны выпить вина, – сказал он ей. – Стакан сухого хереса. Не возражаете?

– Если угодно. Мне все равно.

– Сегодня холодно и сыро. Вам надо согреться. Он обернулся к ней, держа в руках графин и стакан – она сидела, съежившись, в кресле, такая худенькая и несчастная, что сердце его сжалось от жалости.

– Не переживайте, – сказал он, ставя на столик с ней рядом стакан и наливая в него херес. – Обычно на самом деле все бывает не так плохо, как кажется.

– Так принято говорить, но это не правда, – возразила Эстер. – Так бывает. Бывает даже хуже, чем кажется. – Она отхлебнула хереса и с укором продолжала:

– Мы жили вполне нормально, пока не появились вы. Вполне нормально. И вдруг… вдруг началось все это.

– Не хочу делать вид, – сказал Артур Колгари, – что не понимаю, о чем речь. Когда я впервые услышал от вас эти упреки, они меня поразили, но теперь я понимаю, чем обернулось для вас мое… э… э… сообщение.

– До тех пор, пока мы считали, что это сделал Жако… – Эстер не договорила.

– Знаю, Эстер. Я знаю. Но надо смотреть глубже. Вы жили в мнимой безопасности. Она была ненастоящая, что-то вроде картонной театральной декорации. Только видимость благополучия, на самом же деле – сплошной обман.

– Если я верно поняла, – сказала Эстер, – вы призываете быть храброй, не хвататься за спасительную ложь, пусть даже это самое легкое? – Она умолкла, словно задумалась. А потом проговорила:

– Вот вы вели себя храбро. Это я понимаю. Пришли к нам в дом и рассказали, как все было на самом деле. Не зная, как мы к этому отнесемся, что будем чувствовать. Это был смелый поступок. Меня всегда восхищает смелость, потому что сама я, как вы видите, совсем не из храбрых.

– Расскажите мне, – ласково попросил Колгари, – что привело вас ко мне? Какая-нибудь новая неприятность?

– Мне приснился сон, – ответила Эстер. – Есть один молодой человек… врач…

– Понимаю, – кивнул Колгари. – Вы с ним друзья. Или, может быть, больше, чем просто друзья?

– Я думала, что больше, чем друзья… И он тоже так думал. Но теперь, когда это все всплыло…

– Да? – подбодрил ее Колгари.

– Он думает, что это я убила. – Эстер поспешила уточнить:

– То есть, может, и не думает, но не уверен и в обратном. Не может быть вполне уверен. Он считает – я ведь вижу, – что я на первом месте… ну среди подозреваемых. Возможно, так оно и есть. Возможно, мы все так думаем друг про друга. Ну, и я решила, что кто-то должен помочь нам в этой страшной неопределенности. А о вас я подумала из-за сна, который мне приснился. Я словно бы потерялась и никак не могу найти Дона. Он куда-то от меня ушел, и передо мной огромный овраг, вернее – бездна. Да-да, самая настоящая бездна. Это слово означает что-то

очень глубокое, верно? Глубокое и… через нее невозможно пройти. А на той стороне были вы, и вы протянули мне руки и сказали: «Я хочу вам помочь». – Эстер перевела дух. – Вот я и пришла к вам. Убежала из дому и пришла сюда, потому что вы должны нам помочь. Если вы не поможете, я просто не знаю, чем все может кончиться. Вы должны, должны нам помочь! Ведь вы сами на нас это обрушили. Наверно, вы скажете, что вас все это не касается. Что однажды открыв… сообщив нам правду о том, что было, вы не имеете больше… что теперь это не ваше дело. Вы скажете, что…

– Нет, – перебил ее Колгари, – ничего подобного я Не скажу. Это мое дело, Эстер. Я с вами согласен. Раз я что-то начал, то обязан довести это до конца. Я убежден в этом так же, как и вы.

– О! – Лицо Эстер вдруг вспыхнуло. И сразу, как обычно в минуту радости, она необыкновенно похорошела. – Значит, я уже больше не одна. Есть еще кто-то!

– Да, дорогая, есть кто-то еще, если только от него вам будет прок. До сих пор проку от меня было не много, но я стараюсь, очень стараюсь. – Он сел и придвинул к ней свое кресло. – А теперь расскажите, что происходит? Вам очень плохо?

– Убийца – кто-то из нас, понимаете? Мы все это знаем. При мистере Маршалле мы делали вид, будто верим, что кто-то проник в дом. Но он, конечно, понимает, что это не так. Убил один из нас.

– А ваш молодой человек… как его зовут?

– Дон. Дональд Крейг. Он врач.

– Дон считает, что это вы?

– Он опасается, что это я, – с горечью уточнила Эстер, до боли стискивая ладони. Потом вопросительно взглянула на него. – Может быть, и вы думаете на меня?

– О нет, – ответил Колгари. – Вовсе нет. Я знаю, что вы невиновны.

– Вы говорите так, словно и вправду совершенно в этом убеждены.

– Совершенно убежден.

– Но откуда вы знаете? Что дает вам основание?

– Ваши слова, которые вы сказали мне, когда я уходил в тот вечер из вашего дома. Помните? Насчет невиновности. Почувствовать и выразить такое мог только человек, который невиновен.

– Ах, Боже мой, – произнесла Эстер. – Как это замечательно! Знать, что есть кто-то, кто это понимает!

– А теперь, – сказал Колгари, – мы можем спокойно обсудить создавшееся положение, верно?

– Да, – ответила Эстер. – Теперь мне гораздо спокойнее, теперь совсем другое дело.

– Для начала позвольте поинтересоваться (только не забывайте ни на минуту мое отношение ко всему этому): какие существуют основания предполагать, что вашу приемную мать убили вы?

– А что… Я могла бы, – ответила Эстер. – Мне часто хотелось это сделать. Иногда просто перестаешь соображать от бешенства. Из-за беспомощности, из-за собственной никчемности… Мама всегда была такая спокойная, уверенная, все всегда знала, во всем оказывалась права. И я часто думала: «Нет, когда-нибудь я ее все-таки убью!» Вам это понятно? Вы ни разу такого не испытывали, когда были молодым?

Последние ее слова неожиданно больно его укололи. Нечто похожее он ощутил тогда в драймутской гостинице, когда Микки сказал ему: «Вы выглядите старше». Когда он был молодым… Очевидно, по меркам Эстер, это было в глубокой древности. Ему вспомнилось прошлое. Вспомнилось, как девятилетним мальчишкой он всерьез обсуждал с одноклассником способы ликвидации мистера Уорборо, классного учителя, чьи саркастически-язвительные замечания часто приводили его в состояние беспомощной ярости. Должно быть, такое же чувство испытывала и Эстер. Но какими бы кровожадными фантазиями они с тем мальчиком – как бишь была его фамилия? Порч, кажется? Да, Порч – ни упивались, дальше этого, разумеется, дело не шло, на тот свет мистер Уорборо отправлен не был.

– Послушайте, – сказал он Эстер, – эти подростковые переживания вы уже давно должны были перерасти. Конечно, я вас понимаю.

– Но мама все время оказывала на меня такое действие. Я только теперь начинаю сознавать, что сама была виновата. Я думаю, проживи она еще хоть немного, чтобы я успела чуть-чуть повзрослеть, утвердиться в жизни, мы бы с ней в чем-то нашли общий язык и даже стали бы добрыми друзьями. Тогда я была бы рада ее совету, принимала бы ее помощь. Но такая, какой я была, я не могла этого выносить; ведь при ней я чувствовала себя совершенно никчемной. За что бы ни бралась, ничего не получалось… Я и сама видела, что делаю глупости. А делала я их просто назло: хотела всем показать, что я – это я. Хотя на самом деле я была никем. Во мне не было никакой твердости. Я была какая-то бесформенная… как какое-то жидкое вещество. И только все примеряла, примеряла к себе чужие образы, образы людей, которые мне нравились. Вообразила, что если убегу из дому, и стану актрисой, и заведу роман, то, по крайней мере…

– ..по крайней мере, ощутите самое себя, почувствуете себя кем-то?

– Да. Да, именно! Но теперь я вижу, что вела себя просто как неразумный ребенок. Вы и представить себе не можете, как бы мне сейчас хотелось, чтобы мама была жива. Потому что это так несправедливо, несправедливо по отношению к ней! Она столько для всех нас сделала, столько нам всем дала. А мы ее не отблагодарили – ничем! И вот теперь – поздно. – Эстер перевела дух, помолчала. И заключила с прежней горячностью:

– Я теперь твердо решила: хватит быть инфантильной дурочкой. Вы ведь поможете мне стать другой?

– Я же сказал: сделаю все, что в моих силах. Она одарила его быстрой прелестной улыбкой.

– Теперь расскажите поподробнее, что там у вас происходит, – попросил Колгари.

– То, что я и предвидела, – ответила Эстер. – Мы все глядим друг на друга и гадаем и не можем ничего решить. Отец смотрит на Гвенду и думает: может, это она? Она смотрит на него и не знает, что и думать. По-моему, они уже раздумали жениться. В общем, полная безысходность. Тина думает, что это Микки. Почему, не знаю, его же тогда здесь не было. Кирстен думает, что это я, и старается меня всячески опекать. А Мэри – это наша старшая сестра, вы с ней не знакомы, – Мэри думает, что убийца – Кирстен.

– А по вашему мнению – кто?

– По моему мнению? – удивленно переспросила Эстер.

– Да, по вашему. Мне очень важно это знать. Эстер подняла ладони с растопыренными пальцами.

– Я не знаю! – жалобно воскликнула она. – Не могу понять. Я… это звучит ужасно, но я… всех боюсь. Словно за каждым знакомым лицом прячется, как за маской, другое лицо, зловещее и незнакомое. Что, если с нами не отец, а кто-то другой в его облике? А Кирстен твердит, чтобы я никому не доверяла, даже ей. Или Гвенда, она мне всегда нравилась, я рада была, что отец собирается на ней жениться. Но теперь я и в Гвенде больше не уверена. Смотрю на нее и вижу кого-то другого, беспощадного и мстительного. Я больше не знаю, какие мы на самом деле. Знаю только, что страдают все, и это так мучительно.

– Могу себе представить, – тихо сказал Колгари.

– Столько горя… и мне почему-то кажется, что и сам убийца страшно мучается. И, наверное, ему тяжелее всех… Как по-вашему, может так быть?

– Может, наверно, – ответил Колгари. – Хотя – я, правда, не очень в этом разбираюсь, – мне что-то не верится, чтобы убийца был способен терзаться.

– Но почему же? Мне кажется, ничего нет ужаснее сознания, что ты кого-то убил.

– Да, – не мог не согласиться Колгари. – Это, должно быть, ужасно. И следовательно, убийцей может быть либо такой человек, для которого это совершенно не ужасно и который говорит себе: «Да, конечно, жаль, что пришлось убить, но ничего не поделаешь, это необходимо для моего благополучия… Я не виноват, меня вынудили обстоятельства». Или же…

– Или? – подхватила Эстер. – Или какой?

– Учтите, это всего лишь мои домыслы, но мне кажется, что есть еще убийца другого склада, который просто не смог бы спокойно жить, совершив такое преступление. Он должен либо покаяться, признавшись в содеянном, либо как-то переосмыслить для себя этот эпизод своей жизни. Переложить вину на другого, внушая самому себе: «Я бы никогда этого не сделал, если бы не случилось того-то и того-то. Я не убийца, я ведь не хотел убивать, это произошло помимо моей воли, виноват злой рок». Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да, – ответила Эстер. – И по-моему, это не лишено интереса. – Она закрыла глаза. – Я пытаюсь представить себе…

– Да, Эстер, постарайтесь представить, постарайтесь хорошенько, ведь, чтобы попытаться вам помочь, мне необходимо увидеть ситуацию вашими глазами.

– Микки ненавидел мать, – медленно проговорила Эстер. – Всю жизнь ненавидел… Не знаю почему. Тина, по-моему, ее любила. Гвенда относилась к ней так себе. Кирстен была ей преданна, хотя считала, что она не всегда была права. Отец… – Эстер не договорила и надолго задумалась.

– Что насчет него? – не выдержал Колгари.

– Отец за эти дни опять сильно изменился. Знаете, после маминой смерти он стал совсем

другим. Перестал все время держаться как бы на расстоянии. Сделался человечнее и… живее, что ли. Но теперь он словно бы снова вернулся в… в какой-то свой мир теней, куда нет доступа другим. Как он относился к маме, я совсем не знаю. Наверно, он любил ее, когда женился. Они не ссорились. Но что он на самом деле к ней испытывал, я не могу вам сказать. – Она снова растопырила пальцы. – Да и вообще, разве можно знать чувства другого человека? Что на самом деле скрывается за вежливыми улыбками и любезными фразами? В человеке могут бурлить ненависть, любовь, отчаяние, а ты даже и не догадаешься об этом! Это так страшно… Меня это пугает, мистер Колгари!

Он взял ее руки в свои.

– Вы уже не ребенок, Эстер, – строго произнес он. – Пугаются только дети. А вы взрослая женщина. – Он отпустил ее руки и спросил деловым тоном:

– У вас есть где остановиться в Лондоне?

– Н-не знаю. Наверно, – растерявшись, ответила Эстер. – Мама всегда останавливалась в «Кертисе».

– Очень хорошо. Вполне приличная гостиница. На вашем месте я бы отправился туда и взял номер.

– Я сделаю все, как вы велите, – сказала Эстер.

– Ну и умница. Который час? – Он взглянул на каминные часы. – О, уже почти семь. Что, если вы сейчас отправитесь в гостиницу, а я, скажем, минут через сорок заеду за вами и мы поедем куда-нибудь поужинать? Согласны?

– Это было бы чудесно, – ответила Эстер. – Вы не шутите?

– Нисколько.

– Ну а потом? Дальше что будет? Не могу же я поселиться в «Кертисе» навеки?

– Ваш кругозор всегда ограничивает лишь вечность?

– Вы смеетесь надо мной? – неуверенно спросила Эстер.

– Слегка, – ответил он с улыбкой. Она в замешательстве несколько раз моргнула, но потом тоже улыбнулась.

– Кажется, я опять драматизирую, – призналась она.

– Такая, видно, у вас привычка, – заметил Колгари.

– Поэтому-то я и решила, что смогу стать хорошей актрисой. Но актрисы из меня не получилось. Я играла – хуже некуда.

– Я думаю, что вам и так хватает в жизни драм, – сказал Колгари. – Сейчас я посажу вас в такси, и езжайте в «Кертис». Причешитесь, умойтесь, приведите себя в порядок. У вас есть с собой какой-нибудь багаж?

– О да, я захватила с собой самые необходимые вещи.

– Замечательно. – Он опять улыбнулся. – Не нервничайте, Эстер. Мы что-нибудь придумаем.

Глава 19

– Я хочу с вами поговорить, Кирсти, – сказал Филип.

– Конечно, Филип, я вас слушаю.

Кирстен Линдстрем отложила хозяйственные дела – она только что внесла корзину с чистым бельем и раскладывала его по ящикам комода.

– Разговор будет обо всем, что тут произошло. Вы ведь не против?

– И так уж слишком много об этом разговоров, – ответила Кирстен. – На мой взгляд.

– Но все-таки нам было бы неплохо прийти к какому-то общему мнению. А то вы ведь знаете, что сейчас творится?

– Да, теперь все не слава Богу. Куда ни глянь.

– Как вы считаете, Лео и Гвенда все-таки поженятся теперь?

– Чего бы им не пожениться?

– Да мало ли причин, – пояснил Филип. – Ну, во-первых, потому, что Лео как умный человек, возможно, понимает, что его женитьба даст полиции то, чего там так жаждут: убедительный мотив для убийства его супруги. Или же потому, что Лео подозревает в убийстве Гвенду. Он натура тонкая и, видимо, совсем не хочет заполучить в жены женщину, прикончившую его первую жену. Что вы на это скажете?

– Ничего, – ответила Кирстен. – Что я должна сказать?

– Не хотите раскрывать карты, а, Кирсти?

– Не понимаю.

– Вы кого прикрываете, Кирстен?

– Никого я не прикрываю, как вы выражаетесь. Я просто считаю, что надо поменьше болтать, и еще я считаю, что в этом доме не стоит слишком долго гостить. Это к добру не приведет. Так что вам, Филип, и вашей жене пора возвращаться к себе домой.

– Ах, вот как! И почему же?

– Ничего, – ответила Кирстен. – Что я должна сказать?

– Не хотите раскрывать карты, а, Кирсти?

– Не понимаю.

– Вы кого прикрываете, Кирстен?

– Никого я не прикрываю, как вы выражаетесь. Я просто считаю, что надо поменьше болтать, и еще я считаю, что в этом доме не стоит слишком долго гостить. Это к добру не приведет. Так что вам, Филип, и вашей жене пора возвращаться к себе домой.

– Ах, вот как! И почему же?

– Потому что вы задаете вопросы, – сказала Кирстен. – Докапываетесь. А ваша жена не хочет, чтобы вы этим занимались. Она умнее вас. Можете ведь докопаться до такого, чего лучше бы и не знать. Поезжайте домой, Филип, да поскорее.

– А мне не хочется домой, – тоном капризного ребенка возразил Филип.

– Это детишки так говорят, – покачала головой Кирстен. – Мол, не хочу делать то, не хочу это. И тем, кто лучше знает жизнь, кто понимает, что к чему, приходится их уговаривать, чтобы они сделали то, что им было ведено.

– И это вы называете уговаривать? – ухмыльнулся Филип. – По-моему, это приказ.

– Ну что вы, как я могу приказывать. Я только советую. – Кирстен вздохнула. – И всем здесь посоветовала бы то же самое. Микки пора на работу, вон Тина вернулась же в свою библиотеку. Я так рада, что Эстер уехала. Здесь ей делать совершенно нечего, здесь приходится каждую минуту вспоминать о том, что было.

– Тут я с вами согласен. Насчет Эстер вы правы. Ну а вы-то сами, Кирстен? Не лучше ли и вам уехать отсюда подальше?

– Да, – вздохнув, ответила Кирстен. – Мне тоже лучше уехать.

– Что же вы не уезжаете?

– Вы не поймете. Мне уезжать уже поздно. Филип пристально посмотрел на нее. И продолжил разговор:

– Может быть столько вариаций, верно? Вариаций на одну тему. Лео думает, что это сделала Гвенда, Гвенда думает, что это он. Тина знает что-то, что дает ей основание кого-то подозревать. Микки знает, кто это сделал, но ему это безразлично. Мэри считает, что это Эстер. – Он немного помолчал. – Но все эти вариации не исчерпывают темы. Но мы с вами прекрасно знаем, чьих рук это дело, верно, Кирсти?

В ее глазах мелькнул ужас.

– Ну, вот видите, я так и думал, – победно сказал Филип.

– О чем вы? На что вы намекаете? – проговорила Кирстен.

– Я-то, по правде сказать, не знаю, кто это сделал. А вот вы – знаете. Не просто предполагаете, а знаете точно! Ну как, я ведь прав?

Кирстен решительно двинулась к двери. Однако на пороге обернулась.

– Не хочется быть невежливой, – произнесла она. – Но я все-таки скажу. Вы глупец, Филип. То, что вы пытаетесь сделать, опасно. Вы были летчиком. И столько раз смотрели смерти в лицо. Неужели вам непонятно, что стоит вам хоть немного приблизиться к правде, как вы окажетесь в такой же опасности, как тогда, на войне?

– А как же вы, Кирсти? Вам ведь тоже угрожает опасность, раз вы знаете правду?

– О себе я как-нибудь позабочусь, – сурово сказала Кирстен. – Я смогу себя защитить. А вы, Филип, в своем инвалидном кресле полностью беззащитны. Подумайте об этом! Кроме того, – добавила она, – я помалкиваю о том, что знаю. По мне, пусть все остается как есть. Потому что я искренне считаю – так будет лучше для всех. Пусть только все разъедутся по домам и займутся каждый своим делом, и на этом все неприятности кончатся. А я, если спросят, по-прежнему буду держаться того, что убил Жако.

– Жако? – удивленно повторил Филип.

– А что ж такого? Жако был хитрец. Он вполне мог все заранее устроить, чтобы уйти от ответственности. Он еще когда был маленьким прекрасно это умел. Взял да сфабриковал себе алиби. Такое происходит сплошь и рядом, по-моему.

– Это алиби он сфабриковать не мог. Доктор Колгари…

– Доктор Колгари, доктор Колгари, – раздраженно повторила Кирстен. Оттого, что он человек известный, вы так произносите его имя, словно это сам Господь Бог. Но вот что я вам скажу: если человек перенес сотрясение мозга, его воспоминания могли сильно исказиться. На самом деле все могло быть иначе в другой день, в другой час, на другом месте.

Филип слушал, наклонив голову набок.

– Вот, стало быть, какова ваша версия. И вы намерены ее держаться. Похвально, ничего не скажешь. Но сами вы в это ведь не верите, Кирсти?

– Все. Я вас предостерегла, – произнесла Кирстен. – Больше я ничего сделать не могу.

Она вышла, но тут же просунула голову в дверь и сказала своим обычным домовитым тоном:

– Передайте Мэри, что ее чистое белье я сложила во второй ящик комода.

Филип усмехнулся такой смене интонаций, но тут же усмешка исчезла с его лица…

Он почувствовал нарастающее волнение… Кажется, цель уже совсем близка. Опыт с Кирстен получился весьма удачным. Однако едва ли из нее теперь выжмешь что-нибудь еще. И с чего это она вздумала заботиться о нем? Это правда, он калека, но отсюда вовсе не следует, что он так уж беззащитен. Он тоже может за себя постоять. И потом, разве его не караулят денно и нощно? Мэри не отходит от него просто ни на шаг.

Он взял со стола лист бумаги и принялся писать. Краткие замечания, имена, вопросительные знаки… Слабые места…

Вдруг он кивнул себе и записал: «Тина». Потом задумался… Взял еще один лист.

Когда вошла Мэри, он едва на нее взглянул.

– Что это ты делаешь, Филип?

– Пишу письмо.

– Кому? Эстер?

– Эстер? Нет. Я даже не знаю ее теперешнего адреса. Кирсти только что получила от нее открытку, там просто написано «Лондон», и больше ничего. – Он усмехнулся. – По-моему, ты ревнуешь, Полли. Признайся.

Она не сводила с него холодных голубых глаз.

– Возможно.

Ему стало слегка не по себе.

– Так кому же ты пишешь? – Она подошла чуть ближе.

– Прокурору, – бодро отозвался Филип, с трудом подавив порыв злобы. Неужели он не имеет права написать письмо и чтобы его при этом не контролировали? Но тут он увидел ее лицо и сжалился. – Шутка, Полли. Я пишу Тине.

– Тине? С чего это?

– Она – следующее направление моей атаки. Куда ты, Полли?

– В ванную, – ответила Мэри и вышла. Филип рассмеялся. В ванную, как в тот вечер, когда произошло убийство… Он вспомнил их разговор об этом и снова рассмеялся.

* * *

– Ну давай, сынок, послушаем, что там у тебя, – сказал старший инспектор Хьюиш.

Юный Сирил Грин набрал полную грудь воздуха, но произнести ничего не успел, его опередила мамаша.

– Я, мистер Хьюиш, тогда-то особо внимания не обратила. Вы же знаете детей. У них только и разговоров, что о космических кораблях и тому подобном. Сирил приходит ко мне и говорит «Мама, я видел спутник, он спустился на землю». Прежде-то у него все были летающие тарелки. Вечно не одно, так другое… Это все русские им головы забивают.

Старший инспектор Хьюиш вздохнул. Насколько легче было бы работать, если бы мамаши не имели обыкновения говорить за своих сыновей.

– Значит, так, Сирил, – стал уточнять он, – ты пришел домой и сказал маме… что видел русский спутник… верно?

– Я тогда еще не соображал, – сказал Сирил. – Маленький был. В позапрошлом году. Теперь-то я соображаю, что к чему.

– Тогда эти автомобильчики со стеклянной крышей были в новинку, – ввернула мамаша. – В нашем районе ни одного еще не завели, и понятно, когда ребенок увидел такой, да еще ярко-красного цвета, ему и невдомек было, что это обыкновенная легковая машина. А когда назавтра утром мы узнали, что убили миссис Аргайл, он и говорит, Сирил-то: «Мам, говорит, это все те русские, ну которые прилетели на своем спутнике, забрались к ней, наверно, и убили». А я ему: «Не болтай чепухи». Ну а позже-то сообщили, что арестовали ее сына.

Старший инспектор Хьюиш снова терпеливо обратился к мальчику:

– Это было вечером, как я понимаю? А в котором часу, не помнишь?

– Я только чаю напился, – стал вспоминать Сирил, громко дыша от умственного напряжения. – А мама была в Женском институте. Ну, я и вышел погулять… мы с ребятами играли на дороге, ну там, где поворот на новую улицу.

– Чем вы, интересно, там занимались? – строго спросила мамаша.

Констебль Гуд, доставивший в участок этого ценного свидетеля, счел необходимым вмешаться. Он отлично знал, чем именно занимались Сирил и его дружки на новой улице. Разъяренные домовладельцы неоднократно обращались в полицию с жалобами: из их палисадников то и дело исчезали хризантемы, ни для кого не было секретом, что наименее почтенные из деревенских жителей потихоньку поощряли набеги своих отпрысков на цветочные клумбы и с удовольствием сбывали на рынке их добычу. Но сейчас, как отлично понимал констебль Гуд, было не время вникать в прошлые правонарушения, поэтому он лишь назидательно произнес:

– Мальчишки есть мальчишки, миссис Грин, они всегда найдут где пошалить.

– Ага, – сказал Сирил. – Мы просто играли в разные игры. И вот тут-то я его и увидел. И говорю: «Ух ты! Что за штука такая?» Теперь-то я, конечно, знаю, что это было, не маленький. Такая малолитражка с прозрачным верхом. А бока красные-красные.

– И сколько тогда было времени? – снова спросил многотерпеливый Хьюиш.

– И сколько тогда было времени? – снова спросил многотерпеливый Хьюиш.

– Н-ну, я же сказал, я напился чаю, и мы пошли туда, и там бузили выходит, где-то ближе к семи, потому что я услышал, часы бьют, и подумал, небось мама уже вернулась, как бы не разозлилась, что меня нет. И побежал домой. И ей тоже рассказал, что видел, как приземлился русский спутник. А она, конечно, сказала, что я вру, но я не врал. Теперь-то я понимаю, это автомобиль, а тогда маленький еще был, не соображал. Ясно?

Старший инспектор Хьюиш ответил, что ясно. Задав еще несколько вопросов, он отпустил миссис Грин с ее отпрыском восвояси. Констебль Гуд задержался в кабинете у начальства и посмотрел на Хьюиша с самодовольным видом младшего чина, который проявил смекалку и надеется, что ему это зачтется.

– Этот мальчишка болтал, что миссис Аргайл убили русские, – объяснил он. Ну а я, как про это узнал, сразу подумал: возможно, это стоит взять на заметку.

– Действительно стоит, – подтвердил старший инспектор. – Красная малолитражка с прозрачным верхом есть у мисс Тины Аргайл. Так что, по-видимому, мне придется задать ей еще несколько вопросов.

* * *

– Вы были там в тот вечер, мисс Аргайл? Тина смотрела на старшего инспектора. Руки ее спокойно лежали на коленях, взгляд черных немигающих глаз был абсолютно безмятежным.

– С тех пор уже столько времени прошло. Я не помню.

– Там видели ваш автомобиль, – сказал ей Хьюиш – Да?

– Пожалуйста, сосредоточьтесь, мисс Аргайл. Когда вас попросили описать, как вы провели тот

вечер, вы ответили, что отправились домой и больше не выходили. Приготовили себе ужин и слушали пластинки. Но это не правда. Незадолго до семи часов вашу машину видели вблизи от дома ваших родителей. Что вы там делали?

Она молчала. Немного выждав, Хьюиш спросил:

– Вы входили в дом, мисс Аргайл?

– Нет, – ответила Тина.

– Но вы были поблизости?

– По вашим утверждениям, была.

– Мои утверждения тут ни при чем. У нас есть доказательства: вас видели. Тина вздохнула – Да, – сказала она. – Я ездила туда в тот вечер.

– Но вы говорите, что в дом не входили?

– Нет, в дом не входила.

– А что же вы делали?

– Развернулась и поехала обратно в Редмин. И, как я уже говорила, приготовила себе ужин и стала слушать пластинки.

– Зачем же вы туда ездили, если не входили в дом?

– Я просто передумала, – ответила Тина.

– Что побудило вас изменить свои намерения, мисс Аргайл?

– Пока доехала, расхотела.

– Вы что-то увидели или узнали, из-за чего вам не захотелось войти в дом? Тина промолчала.

– Послушайте, мисс Аргайл. В тот вечер была убита ваша мать. Ее убили между семью и половиной восьмого. Вы там были, ваш автомобиль там был незадолго до семи. Как долго он там находился, мы не знаем. Вполне возможно, что достаточно долго. Вы могли войти в дом… у вас ведь есть ключ, насколько мне известно…

– Да, – подтвердила Тина. – У меня есть ключ.

– Возможно, что вы вошли в дом. Возможно, вы заглянули в кабинет вашей матери и увидели, что она мертва. А может быть…

Тина подняла голову.

– А может быть, я ее и убила? Вы это хотите сказать, старший инспектор?

– Теоретически это возможно, – кивнул Хьюиш. – Но, на мой взгляд, более вероятно, мисс Аргайл, что убил кто-то другой. Если так, то, очевидно, вы знаете, кто убийца. Или кого-то очень сильно подозреваете.

– Я не заходила в дом, – напомнила ему Тина.

– Тогда, значит, вы что-то увидели или услышали. Вы увидели, как кто-то входит в дом – или выходит из него. Возможно, кто-то, о чьем присутствии никому не было известно. Может быть, ваш брат Майкл, мисс Аргайл?

– Я никого не видела, – ответила Тина.

– Но что-то слышали? – подхватил Хьюиш. – Что вы слышали, мисс Аргайл?

– Говорю же вам, я просто передумала.

– Простите, мисс Аргайл, но этому я не верю. С какой стати вы решили вдруг уехать, не повидав родных? Вы же приехали из Редмина специально, чтобы их увидеть? Что-то побудило вас отказаться от этого намерения. Значит, вы что-то должны были увидеть или услышать. – Он подался к ней через стол. – По-моему, мисс Аргайл, вы знаете, кто убил вашу мать.

Тина медленно покачала головой.

– Но что-то вы знаете Что-то такое, о чем не хотите нам рассказать. Но подумайте, мисс Аргайл, подумайте хорошенько. Вы понимаете, на что вы обрекаете своих родных? Неужели вы хотите, чтобы они все оставались под подозрением? Ведь так и получится, если мы не доберемся до истины. Убийца вашей матери, кто бы он ни был, не заслуживает, чтобы его покрывали. А вы кого-то покрываете, так ведь?

Он снова встретил взгляд ее черных как глубокая ночь глаз.

– Я ничего не знаю, – проговорила Тина. – Я ничего не слышала и не видела. Просто передумала, и все.

Глава 20

Колгари и Хьюиш разглядывали друг друга. Колгари видел перед собой чрезвычайно мрачного, подавленного человека. У него был до того унылый вид, что поневоле думалось, что вся его карьера – сплошная череда неудач. Колгари был изумлен, узнав позже, что старший инспектор Хьюиш пользуется большим уважением и что его очень ценят коллеги. А Хьюиш увидел худощавого, рано поседевшего и немного сутулого человека с выразительным лицом и на редкость обаятельной улыбкой.

– Боюсь, вы не знаете, кто я, – начал Колгари.

– Нет, что вы, мы о вас наслышаны, доктор Колгари, – возразил Хьюиш. – Вы тот самый джокер в колоде, который спутал всю игру в деле Аргайлов. – Углы его сурово сжатого рта неожиданно тронула улыбка.

– В таком случае мне нечего рассчитывать на ваше доброе отношение, сказал Колгари.

– Нет, отчего же. Обычная история. Случай, не вызывавший ни малейших сомнений, так что нам не за что упрекнуть тех, кто дал санкцию на арест. Такие повороты случаются. Они посылаются нам как испытание, говаривала, бывало, моя матушка. Мы на вас зла не держим, доктор Колгари. В конце концов, главное справедливость, правда?

– Я так всегда считал и всегда буду считать, – ответил Колгари. – «Никому не будет отказано в справедливом суде», – добавил он вполголоса.

– «Великая хартия вольностей», – кивнул старший инспектор Хьюиш.

– Да. Именно. Процитирована в разговоре со мной мисс Тиной Аргайл.

Старший инспектор удивленно вздернул брови.

– Вот как? Не ожидал. Эта барышня, должен сказать, не выказала готовности помочь вращению колес правосудия.

– Чем же она вам не угодила? – спросил Колгари.

– Честно признаться, тем, что что-то утаивает. В этом я даже не сомневаюсь.

– А почему утаивает?

– Да так, знаете, дела семейные, – ответил Хьюиш. – Стоят друг за друга горой. А вы по какому делу хотели меня видеть?

– Мне нужны сведения, – ответил Колгари.

– По делу Аргайлов?

– Да. Я понимаю, вы, наверно, думаете, что я сую нос в дела, которые меня не касаются…

– Отчего же, определенно касаются.

– Я рад, что вы так считаете. Да, я чувствую себя в ответе. За то, что принес людям неприятности.

– Невозможно приготовить омлет, не разбив яиц, как говорят французы, заметил Хьюиш.

– Я хотел бы узнать кое-какие данные, – сказал Колгари.

– А именно?

– Я хотел бы получить более подробные сведения о Жако Аргайле.

– О Жако? Вы меня, признаться, удивили.

– Мне известно, что на него в полиции было давным-давно заведено дело, еще до убийства миссис Аргайл, – сказал Колгари. – Хотелось бы ознакомиться с некоторыми деталями.

– Что ж, ничего нет проще, – отозвался Хьюиш. – Дважды был осужден условно. В третий раз избежал приговора – за растрату чужих денег – только благодаря тому, что сумел своевременно восполнить присвоенную сумму.

– Одним словом, многообещающий молодой преступник?

– Вот именно, сэр. Не убийца, как вы нам доказали, но натворить много чего успел. Правда, без особого размаха, так сказать, по мелочам. На крупное мошенничество у него не хватило бы ни мозгов, ни дерзости. Так себе, мелкий негодяй. Поживиться горстью монет из кассового

аппарата, тянуть деньги с женщин.

– В этом он был мастак, как я понимаю? Умел тянуть деньги с женщин?

– Дело это безопасное, чистое, – усмехнулся старший инспектор. – Женщин он облапошивал без труда. Предпочитал пожилых, а то и старушек. Вы не представляете себе, как легко перезрелые дамы попадаются на удочку. У него это был постоянный источник дохода, и немалого. Умел каждой внушить, что он от нее без ума. Во что только не поверит женщина, если захочет поверить.

– Ну а потом? – спросил Колгари. Хьюиш пожал плечами.

– Конечно, со временем его жертвы прозревали, кто раньше, кто позже. Однако в суд ни одна не обращалась, кому охота объявить на весь свет, что тебя одурачили? Да, в этом бизнесе риск минимальный.

– А как насчет шантажа? – спросил Колгари.

– Про такое не слышали. Но вообще-то это вполне в его духе. Не совсем уж откровенный, циничный шантаж, я бы сказал, а так, легкие намеки. Письма глупые какие-нибудь, подробности, которые ни к чему знать мужьям. Ну для того, чтобы заставить женщину помалкивать…

– Понятно, – сказал Колгари.

– Это все, что вы хотели узнать?

– Есть в семействе Аргайлов человек, с которым я никак не могу познакомиться. Я имею в виду старшую дочь. – Миссис Даррант?

– Я отправился к ней домой, но там все закрыто. Мне сказали, что они с мужем в отъезде.

– Они гостят в «Солнечном мысе».

– До сих пор?

– Да. Ее муж захотел там еще задержаться. Как я понимаю, мистер Даррант решил тоже принять участие в расследовании.

– Он, кажется, калека?

– Да, переболел полиомиелитом. Такое вот несчастье. Ему, бедняге, нечем заняться. Поэтому он так горячо и взялся за это дело, пытается вычислить убийцу. Думает даже, что нащупал след.

– А на самом деле? – спросил Колгари. Хьюиш пожал плечами.

– Все может быть. У него ведь для этого более благоприятные, чем у нас, условия. Во-первых, он лучше знает свое семейство, а во-вторых, человек он очень толковый и с интуицией.

– Думаете, он докопается?

– Не исключено, – ответил Хьюиш. – Но если даже и докопается, мы все равно ничего не

узнаем. Они будут хранить семейную тайну.

– А вы знаете, кто убийца, старший инспектор?

– Я не имею права отвечать на подобные вопросы, доктор Колгари.

– Значит, все-таки знаете?

– Просто знать – мало. Нужны доказательства. А без них ничего не сделаешь, верно?

– И у вас нет никакой надежды получить необходимые доказательства?

– О, мы люди очень терпеливые, – заметил Хьюиш. – Будем пытаться.

– Что станется ,со всеми Аргайлами, если ваши попытки так и не увенчаются успехом? Об этом вы задумывались?

– Вас ведь беспокоит именно это, сэр?

– Им необходимо знать, – сказал Колгари. – Как бы дело ни обернулось, им непременно надо знать правду.

– А вам не кажется, что они и без нас ее знают? Колгари покачал головой.

– Нет. Не знают, – ответил он. – В этом вся и трагедия.

* * *

– О-о, – изумленно протянула Морин Клегг. – Это опять вы!

– Мне очень жаль, что я вынужден снова вас побеспокоить, – сказал Колгари.

– Да вовсе вы меня и не беспокоите. Входите. У меня нынче выходной.

Это обстоятельство уже было Колгари известно, и именно оно послужило причиной его прихода.

– Джо должен вернуться с минуты на минуту, – сообщила Морин. – В газетах вроде бы о Жако больше не пишут, ну после того, как он получил полное помилование, а в парламенте был сделан запрос и объявили, что он точно не убивал. А что теперь полиция делает и кто же на самом деле убийца, об этом ни гугу. Они так и не смогли выяснить?

– А у вас по-прежнему нет никаких соображений на этот счет? – ответил вопросом на вопрос Колгари.

– Да нет, где уж мне, – усмехнулась Морин. – Но только я не удивлюсь, если окажется, что это брат Жако. Микки чудной такой – хмурый-хмурый. Джо иногда видит его, он людей возит. Он ведь работает в компании «Бенц». Из себя вроде очень даже ничего парень, но уж больно мрачный. Джо слышал, что он куда-то собрался уезжать, вроде бы в Персию, а это уже подозрительно, вы согласны со мной?

– Чего же тут подозрительного, миссис Клегг?

– Но ведь это такая даль, куда полиции нипочем не добраться. Верно я говорю?

– Вы думаете, что он спасается бегством?

– Наверно, почуял, что дело плохо.

– Да, полагаю, такие разговоры про него идут, – кивнул Колгари.

– Слухов про ихнюю семью много гуляет, – заметила Морин. – Поговаривают, мой свекр давно уже положил глаз на свою секретаршу. Но, по-моему, если бы он надумал избавиться от жены, то скорее бы яду ей подсыпал, точно? Мужья, они ведь так обычно делают, верно я говорю?

– Чувствуется, что вы, миссис Клегг, видели гораздо больше кинофильмов, чем я.

– Я на экран-то не гляжу, – сказала Морин. – Когда работаешь в кинотеатре, фильмы жуть как приедаются. А вот и Джо!

Джо Клегг тоже удивился приходу Колгари и, по-видимому, не особенно обрадовался. Поговорили о том о сем, и Колгари наконец подошел к цели своего посещения.

– Не могли бы вы назвать фамилию одного человека и адрес? – попросил он.

Колгари аккуратно записал их в записную книжку.

* * *

На вид ей было примерно лет пятьдесят. Она была грузной и неповоротливой и, судя по всему, никогда не отличалась миловидностью. Хороши были только глаза: карие и очень добрые.

– Право, доктор Колгари, – испуганно пробормотала она. – Я уж и не знаю прямо, что вам сказать.

Он наклонился к ней, стараясь успокоить ее, разогнать тревогу. Ему хотелось, чтобы она почувствовала всю искренность его сочувствия и симпатии.

– Столько времени с тех пор прошло, – отговаривалась она. – И вообще… Некоторые вещи… тяжело вспоминать…

– Я прекрасно вас понимаю, – уверял ее Колгари. – И само собой, все останется между нами. За это я вам ручаюсь.

– Но вы ведь сказали, что собираетесь написать об этом книгу?

– Только описать определенный тип женщины, – уточнил Колгари, – весьма интересный с точки зрения медицины и психологии. И никаких имен. Просто мистер А., миссис Б. В таком духе.

– Вы ведь были в Антарктиде? – неожиданно спросила она.

Он удивился столь внезапной перемене темы, но подтвердил:

– Да. Участвовал в экспедиции Хейса Бентли. Лицо ее залила краска. Отбежали назад годы. На мгновенье Колгари увидел в ней молоденькую девушку, какой она когда-то была.

– Я читала о вашей экспедиции… Меня всегда безумно интересовало все, что связано с полюсами. А тот, кто первый туда пришел, он ведь норвежец был. Амундсен[24] его фамилия? Я считаю, что полюса – это гораздо увлекательнее, чем Эверест[25], всякие спутники, полеты

на Луну и прочие космические проекты.

Колгари воспользовался неожиданной возможностью расположить ее к себе и принялся рассказывать про экспедицию, дивясь про себя столь романтическому интересу этой женщины к полярным исследованиям. Наконец она со вздохом произнесла:

– Как приятно послушать человека, который сам там был. Так вы, значит, хотите знать про… про Джеки?

– Да.

– И вы не назовете мою фамилию, и никаких наводящих подробностей?

– Ни в коем случае! Я уже вам объяснял. Вы же знаете, как пишут в такого рода книгах – миссис М., леди У, ни одной конкретной фамилии.

– Д-да, я читала такие книжки… Это, я думаю, было, как у вас говорится, пото… пето…

– Патология, – догадался Колгари.

– Да. Джеки – это был, конечно, патологический случай. Но каким он умел быть нежным, каким ласковым… Ну просто чудесным. Такого, бывало, наговорит, и всему веришь.

– Он, вероятно, и сам верил, – вставил Колгари.

– Я ему твержу: «Я же тебе в матери гожусь». А он мне: «Молоденькие меня не интересуют». Он говорил, что они грубые все, девчонки. А его, мол, привлекают женщины опытные и зрелые.

– Он очень был в вас влюблен? – спросил Колгари.

– Говорил, что да. И вел себя как влюбленный… – У нее задрожали губы. А сам небось все время думал только о деньгах.

– Совсем необязательно, – возразил Колгари, стараясь выспросить побольше, – Он, возможно, и вправду был к вам искренне привязан. А что он обманщик, то такая уж у него была натура лживая, он не виноват.

Ее огорченное, тронутое морщинами лицо чуть-чуть просветлело.

– Да, – согласилась она. – Хорошо бы так думать. Утешает. Мы с ним строили планы: поедем вместе, во Францию, в Италию, если то, что он затеял, получится. Нужен только небольшой капиталец, так он говорил.

«Обычный прием, – подумал Колгари. – Интересно, сколько несчастных женщин попались на эту удочку?»

– Сама не знаю, что на меня такое нашло, – продолжала она. – Для него я бы сделала все, о чем бы он ни попросил.

– Это естественно, – кивнул Колгари.

– И небось не только со мною он так обошелся, – с горечью сказала она. Колгари встал.

– Я очень благодарен вам за откровенность.

– Теперь он умер… Но я его никогда не забуду. Эту его обезьянью мордашку. И как он, бывало, сидит грустный-грустный и вдруг – как расхохочется. Такой был чудак! Он не был совсем уж плохой, я уверена, в нем было и хорошее, – проговорила она, вопросительно заглядывая ему в глаза.

Но на это у Колгари не было ответа.

Глава 21

Ничто не предвещало того, что сегодняшний день будет особенным.

Филип Даррант и не подозревал, что сегодня раз и навсегда решится его судьба.

Он проснулся в хорошем расположении духа и чувствовал себя вполне бодрым. В окно весело светило неяркое осеннее солнце. Кирстен принесла ему полученное по телефону известие, от которого его настроение улучшилось еще более.

– Тина приедет сегодня к чаю, – сообщил он жене, когда та внесла поднос с его завтраком.

– Вот как? Ах, ну да, сегодня она работает только до ленча, – вспомнила Мэри.

– Что-нибудь не так, Полли?

– Нет, ничего.

Она срезала для него макушку яйца. И сразу же он ощутил досаду.

– Я ведь еще владею руками, Полли.

– Я подумала, что тебе лучше лишний раз не утруждать себя…

– Я ведь еще владею руками, Полли.

– Я подумала, что тебе лучше лишний раз не утруждать себя…

– Сколько, по-твоему, мне лет? Шесть?

Она немного удивилась его отповеди. А потом вдруг сообщила:

– Сегодня возвращается Эстер.

– Да? – рассеянно отозвался Филип, мысленно прикидывая, как лучше разговорить Тину. Но потом вдруг заметил, какое у его жены лицо.

– Бога ради, Полли, неужели ты думаешь, что я питаю преступную страсть к этой девочке? Мэри отвернулась.

– Ты все время говоришь, какая она прелестная.

– Она и вправду прелестная. Для тех, кому нравятся изысканные линии и неземной облик. – Он сухо прибавил:

– Но я не очень-то гожусь в соблазнители, мне кажется.

– А хотел бы, наверно.

– Это смешно, Полли. Я не знал, что ты такая ревнивая.

– Ты ничего про меня не знаешь.

Он хотел было возразить, но промолчал. Ему пришло в голову, что, пожалуй, он и вправду знает про Мэри не так уж много.

Она сказала:

– Я хочу, чтобы ты был мой, и только мой. И чтобы в мире никого не было, кроме тебя и меня.

– Нам скоро бы стало не о чем разговаривать, Полли. Он проговорил это шутливым тоном, но ему было не по себе. Сияние утреннего солнца вдруг померкло. Мэри продолжала:

– Давай уедем домой, Филип! Очень тебя прошу!

– Скоро, скоро уедем, но только не сейчас. Дела продвигаются. Как я уже сказал, к чаю приедет Тина, – добавил он, надеясь направить ее мысли по другому руслу:

– Я многого жду от Тины.

– В каком смысле?

– Тина что-то знает.

– Про убийство, что ли?

– Да.

– Откуда ей знать? Ее же здесь вообще не было в тот вечер.

– Я теперь уже в этом не уверен. Знаешь, возможно, она была. Удивительно, как помогают всякие мелочи, которые вдруг выясняются. Миссис Нэрракотг, приходящая прислуга, рослая такая, рассказала мне одну вещь...

– Ну, о чем она могла рассказать?

– О слухах, которые ходят в деревне. Эрни, нет, кажется, Сирил, сынишка миссис... не помню, как ее... был с мамашей в полицейском участке, поскольку он что-то такое видел вечером того дня, когда была убита миссис Аргайл.

– Так что же он видел?

– Н-ну, тут миссис Нэрракотг ничего определенного сообщить пока не смогла. Не выведала еще у мамаши этого Сирила. Но нетрудно догадаться, правда, Полли? Мальчишка вышел погулять, следовательно, увидел он что-то на улице. И значит, одно из двух: он видел либо Микки, либо Тину. Я лично думаю, что это приезжала Тина.

– Она бы сказала об этом.

– Необязательно. Видно за версту, что она что-то знает, но не хочет рассказывать. Допустим, она приехала в тот вечер. И вот она входит в дом и видит, что ваша мать убита.

– А потом уезжает, ни слова не сказав? Глупости.

– У нее могли быть на то свои причины. Возможно, она что-то увидела или услышала – и догадалась, кто убийца.

– Она не особенно любила Жако. Я уверена, что она не стала бы его покрывать.

– Значит, под ее подозрение попал кто-то другой. А позже, когда Жако арестовали, она решила, что все-таки ошиблась, и поняла, что ей совсем не нужно было заявлять, что в тот вечер она вообще не выходила из своего дома. Но изменить показания, естественно, уже не могла. Теперь-то, конечно, совсем иная ситуация.

Мэри раздраженно возразила:

– Хватит фантазировать, Филип. Придумываешь бог весть что, совершенно невозможные вещи.

– Вполне возможные, уверяю тебя. И я постараюсь, чтобы Тина рассказала мне, что же она такое знает.

– Да ничего она не знает. Неужели ты думаешь, что ей и в самом деле известен убийца?

– Ну этого я утверждать не стану. Просто она что-то невольно увидела или услышала. И я намерен выяснить, что именно.

– Так она тебе и расскажет.

– Она действительно очень скрытная. И на личике у нее ничего не прочтешь. Но лгать она не умеет, до тебя, например, ей далеко. Буду действовать так: выскажу свою догадку, но в форме вопроса. Чтобы она могла ответить только «да» или «нет». И знаешь, что из этого может получиться? Одно из трех. Она скажет «да», и тогда все станет ясно. Она скажет «нет», но, так как лгать она не умеет, я сразу пойму по ее лицу, правду она говорит или нет. Или же она вообще откажется отвечать и состроит непроницаемую мину, – а это, Полли, будет все равно что «да». Ну, согласись, что это может дать требуемый результат!

– Фил, умоляю тебя, выбрось ты это из головы! Не нужно все это ворошить! И вся эта история постепенно забудется.

– Нет-нет. Нам необходима ясность. Иначе Эстер все время придется оттаскивать от открытых окон, а Кирсти лечить от нервных срывов. Лео, тот вообще уже превратился в ледяной сталактит. А бедняжка Гвенда собирается наняться на работу в Родезию.

– Какое нам до них дело?

– Главное – чтобы нам было хорошо, а на остальных наплевать, – ты это хочешь сказать? – Лицо Филипа потемнело. Мэри испугалась. Она никогда еще не видела мужа таким рассерженным.

– С какой стати я должна волноваться о других? – тем не менее с вызовом спросила она.

– Тебе нет ни до кого дела, правда?

– Не пойму, о чем ты.

Филип горько вздохнул и отпихнул от себя поднос с завтраком.

– Унеси это. Я ничего больше не хочу.

– Но, Филип…

Он раздраженно взмахнул рукой. Мэри подхватила поднос и вышла из комнаты. Филип подкатил свое кресло к письменному столику и взял ручку, но потом загляделся в окно. На сердце ему вдруг легла какая-то тяжесть. От радостного возбуждения не осталось и следа. Он почувствовал смутную тревогу. Но потом, все-таки взяв себя в руки, торопливо исписал две страницы и в раздумье откинулся на спинку кресла.

…Да-да, это вполне возможно. Вполне… Но все же полной уверенности не было. На верном ли он пути? Трудно сказать. Мотив. Вот чего ему недоставало, черт возьми. Должен, должен быть еще какой-то неизвестный ему фактор! Но где?

Он нетерпеливо вздохнул. Ну когда же наконец приедет Тина? Если бы только удалось во всем этом разобраться! Конечно, только для себя, это вопрос чисто семейный. Достаточно только узнать – и все в доме обретут наконец покой. Избавятся от этой удушающей атмосферы, пропитанной подозрительностью и безнадежностью. Все – кроме, разумеется, убийцы – смогут благополучно жить дальше. А они с Мэри смогут спокойно возвратиться домой и…

При этой мысли он снова ощутил на сердце тяжесть и вдруг совершенно отчетливо понял: ему не хочется возвращаться домой. Он вспомнил, какой безукоризненный порядок царит в их доме, как играет яркими красками пестрая обивка на мебели, как сияют начищенные медяшки. Чисто вымытая, светлая клетка! И он заперт в этой клетке, прикован к инвалидному креслу, окружен со всех сторон любовной заботой жены.

Жена… Думая о жене, он представлял себе двух разных женщин. Одна белокурая, голубоглазая девушка, скромная и ласковая, девушка, на которой он женился, которую он любил и часто поддразнивал, а она смотрела на него с немым недоумением. Это ее он ласково называл уменьшительным именем Полли. Но была еще и другая, которую можно было называть только ее полным именем – Мэри. Мэри жесткая, как сталь, страстная, но не способная любить; Мэри, для которой не существует никто, кроме нее самой. Даже он нужен ей лишь потому, что принадлежит ей. Он ее собственность.

Ему вспомнилась строка из Расина – как там?

«Венера с торжеством свою терзает жертву»

Такую Мэри он не любил. За взглядом ее холодных голубых глаз скрывался кто-то чужой и незнакомый…

Тут Филип очнулся от задумчивости и посмеялся над собой. Нет, он определенно стал таким же нервным и чувствительным, как обитатели этого дома. Ему припомнился рассказ тещи про его жену. Про милую белокурую девочку в Нью-Йорке, как та обхватила ручками шею миссис Аргайл и плача пролепетала: «Я хочу остаться у тебя. Я никогда от тебя не уеду!»

Разве это говорило не любящее сердечко? Просто не верится, что это была Мэри! Неужели, став взрослым, можно до такой степени перемениться? Теперь Мэри просто не в состоянии выразить нежность и любовь. Не то что тогда, в детстве… Но тут он опять сам себя перебил. Так ли все просто? Была ли это любовь – или просто расчет? Средство достичь цели? Обдуманное притворство? На что способна Мэри, когда захочет чего-то добиться? На все,

ответил себе Филип – и ужаснулся. Он в сердцах отбросил пишущую ручку и выехал из маленькой гостиной в спальню. Остановив кресло у туалетного стола, взял щетку и старательно зачесал назад нависавшие надо лбом волосы. Собственное лицо показалось ему незнакомым.

«Кто я? – спросил он себя. – Куда иду?» Мысли такого рода никогда еще не посещали его… Он подъехал к окну, выглянул. Этажом ниже одна из работниц стояла у кухонного окна и разговаривала с кем-то, кто находился внутри. Их голоса, их по-местному распевные интонации были хорошо слышны даже здесь… Он сидел словно в трансе, глядя перед собой широко раскрытыми глазами.

В смежной комнате послышались шаги. Он очнулся и подкатил к двери.

Возле его письменного столика стояла Гвенда Воэн. Она обернулась, и его поразило ее страдальчески осунувшееся лицо, на которое как раз падал солнечный свет.

Возле его письменного столика стояла Гвенда Воэн. Она обернулась, и его поразило ее страдальчески осунувшееся лицо, на которое как раз падал солнечный свет.

– Здравствуйте, Гвенда.

– Доброе утро, Филип. Лео прислал вам «Иллюстрейтед Лондон ньюс», может, вам будет интересно почитать.

– А-а. Спасибо.

– Приятная комната, – заметила Гвенда, обводя глазами гостиную. По-моему, я здесь ни разу не была.

– О да, прямо королевский гостиничный номер, – улыбнулся Филип. – И в стороне от людей. Идеальное обиталище для инвалидов и новобрачных.

Он сразу же спохватился, что последнего слова произносить не следовало, но было уже поздно. У Гвенды задрожал подбородок.

– Побегу, – сразу заторопилась она.

– Безупречная секретарша.

– Даже секретарша уже не безупречная. Я стала делать ошибки.

– Кто из нас их не делает. – И решительно спросил:

– Когда вы с Лео поженитесь?

– Наверно, никогда.

– Вот это действительно было бы ошибкой, – сказал Филип.

– Лео думает, что наша свадьба произвела бы неблагоприятное впечатление на… на полицию! – с горечью пояснила она.

– Но, черт возьми, Гвенда, иногда приходится рисковать!

– Я лично не против. Я никого не боюсь. И готова идти ва-банк за свое счастье. Но Лео…

– Да? Что Лео?

– Лео, – ответила Гвенда, – наверно, он так навсегда и останется мужем Рейчел Аргайл. – Филипа поразил ее раздосадованный и безнадежный тон:

– Она словно бы и не умирала. Она все время здесь, с нами… в этом доме…

Глава 22

Тина припарковала машину прямо на траве у кладбищенской стены. Бережно развернула привезенный букет, прошла в ворота и тихо побрела по центральной аллее. Новое кладбище ей не нравилось. Очень жаль, что не удалось похоронить миссис Аргайл на старом, за церковной оградой. Там веет вековым покоем. Старые тисы, обомшелые надгробные плиты. А тут все такое новенькое, одинаковое, опрятное, все так четко распланировано: прямая центральная аллея, от нее направо и налево расходятся дорожки – ну просто какой-то супермаркет.

Могила миссис Аргайл содержалась в идеальном порядке. Она представляла собой квадратный мраморный цоколь, засыпанный гранитным щебнем, с возвышающимся у изголовья большим гранитным крестом.

Перехватив поудобнее букет гвоздик. Тина наклонилась и перечитала надпись:

«В память Рейчел Луизы Аргайл, покинувшей этот мир 9-го ноября 1956»

И снизу – стих:

«Встанут дети ее и превознесут ее»

В этот момент сзади раздались шаги. Тина вздрогнула и повернула голову.

– Микки!

– Я увидел твою машину. И пошел следом за тобой.

То есть я и сам сюда шел.

– Ты шел сюда? Зачем?

– Сам не знаю. Наверно, попрощаться. – Попрощаться… с нею? Он кивнул.

– Да. Я согласился на эту должность в нефтяной компании, про которую тебе рассказывал. Уезжаю через три недели.

– И пришел попрощаться с мамой?

– Да. Поблагодарить, ну и… попросить прощения.

– За что, Микки?

– Совсем не за то, что я убил ее, если ты на это намекаешь. А ты, Тина, так все время и думала, что убийца – я?

– Я была не совсем уверена.

– И сейчас тоже не уверена, правда? Даже если я поклянусь, что не убивал, это тебя все равно не убедит?

– За что ты хочешь просить прощения, Микки?

– Она очень много для меня сделала, – медленно произнес Микки. – А я только злился, как бы она ни старалась мне угодить. Ни разу не сказал ей доброго слова, не взглянул с любовью. Даже просто «спасибо» ни разу не сказал. И теперь сожалею об этом. Вот и все.

– Когда ты перестал на нее злиться? Уже после того, как она умерла?

– Д-да, наверно.

– Ты злился не на нее, Микки.

– Похоже, что так. Ты права. Я злился на свою родную мать. Потому что любил ее. Я любил ее, а ей было на меня наплевать.

– А теперь это тебя больше не мучает?

– Нет. Видно, она ничего не могла с собой поделать. Такой уж она уродилась. Веселой и легкомысленной. И обожала мужчин и выпивку, была ласкова со своими детьми – под настроение, конечно. И обижать их тоже никому не позволяла. Ну не любила она меня, ну и что? А я все эти годы не желал с этим примириться. Но теперь примирился. – Он протянул к Тине руку. – Дай мне одну гвоздику, ладно? – Взяв цветок, он наклонился и положил его у подножия креста. – Вот, мама, – проговорил он вслух. – Я был тебе никудышным сыном… да и ты, я думаю, была не самой лучшей матерью. Но ты старалась все сделать как можно лучше. – Он оглянулся на Тину. – Как по-твоему, годится такое извинение?

– Я думаю, да, – ответила Тина и положила на могилу остальные гвоздики.

– Ты часто приносишь сюда цветы?

– Раз в году.

– Крошка Тина, – улыбнулся Микки. Они пошли вместе назад.

– Я не убивал ее, Тина, – сказал Микки. – Клянусь тебе. Я хочу, чтобы ты мне поверила.

– Я была там в тот вечер. Микки резко обернулся.

– Ты была там? В «Солнечном мысе»?

– Да. Я надумала сменить работу и приехала посоветоваться с отцом и мамой.

– Ну и?.. Рассказывай дальше.

Но Тина молчала. Тогда он сдавил ей локоть.

– Рассказывай дальше. Тина. Ты должна мне все рассказать.

– Я до сих пор никому не говорила.

– Так что же было? Давай выкладывай. Хватит отмалчиваться.

– В общем, я приехала туда. Остановила машину не доезжая до ворот, знаешь, там есть широкое место, где легче развернуться?

Микки кивнул.

– Вылезла из машины и пошла к дому. Откровенно говоря, я немного робела. Сам знаешь, как трудно бывало разговаривать с мамой. Она всегда считала, что знает лучше нас, что нам нужно. Я обдумывала, как бы получше все изложить. Дошла до дома, потом обратно до машины, потом снова до дома. Все обдумывала предстоящий разговор.

– А который был час? – спросил Микки.

– Не знаю. Не помню уже. Я… я как-то не замечаю, который когда час.

– Да, дорогая, я знаю, – сказал Микки. – Ты всегда с таким великолепным безразличием относишься ко времени.

– Я прошла к деревьям у ворот, а походка у меня тихая, – продолжала Тина.

– Ну да, ты ходишь по-кошачьи. Ты же кошечка, – нежно вставил Микки.

– И вдруг услышала их.

– Кого?

– Двое разговаривали шепотом.

– И что? – Микки весь напрягся. – Что они говорили?

– Они говорили… Один сказал: «Между семью и половиной восьмого. В этот промежуток. Запомни и ничего не спутай. Между семью и половиной восьмого». А второй ответил: «Можешь на меня положиться». Тогда первый сказал: «И после этого, душенька, все замечательно устроится».

Тина умолкла. Чуть погодя Микки спросил:

– Ну и почему ты это скрыла?

– Потому что я не знала… Не знала, кто это говорил.

– А чей голос сказал, что все устроится, мужской или женский?

– Не знаю, – вздохнула Тина. – Когда разговаривают шепотом, голоса ведь не слышно. Слышно просто… шепот. Я думаю… естественно, я думаю, что это были мужчина и женщина, судя по тому…

– Судя по тому, что они говорили?

– Да. Но кто… я не знаю.

– Ты подумала, что это, наверно, отец и Гвенда?

– Могли быть они, разве нет? Тогда бы это означало, что Гвенда должна была уйти, а потом – между семью и половиной восьмого – вернуться, или что Гвенда договаривается с папой, чтобы он между семью и половиной восьмого спустился вниз.

– Если бы это были отец с Гвендой, ты ведь не стала бы подставлять их полиции. Так?

– Вот именно, если бы, – ответила Тина. – Потому что я не совсем была уверена в том, что это они. Это мог быть и кто-нибудь другой. Например, Эстер и кто-то еще. Или даже Мэри. Но не с Филипом. Конечно не с Филипом.

– Когда ты говоришь, Эстер и кто-то еще, ты кого имеешь в виду?

– Я… я не знаю.

– Ты не видела этого мужчину?

– Нет, – ответила Тина. – Я его не видела.

– Тина, по-моему, ты говоришь не правду. Это точно был мужчина?

– Я сразу развернулась и пошла к машине, – сказала Тина. – И в это время кто-то очень быстро прошел по другой стороне улицы. В темноте мелькнула чья-то фигура. И тут я услышала… мне показалось, будто в конце нашей улицы завелся автомобиль.

– И ты решила, что это я, – предположил Микки.

– Не знаю. Мог быть и ты. Рост и сложение примерно твои.

Они подошли к Тининому автомобильчику.

– Полезай в машину, Тина, – распорядился Микки. – Я еду с тобой. В «Солнечный мыс».

– Но, Микки…

– Тебе ведь бесполезно повторять, что это был не я? А что еще я могу сказать? Поехали, поехали в «Солнечный мыс».

– Что ты хочешь делать, Микки?

– Почему ты решила, что я намерен что-то сделать? Ты же все равно туда собиралась?

– Да. Собиралась. Я получила письмо от Филипа. Она включила зажигание. Микки сидел рядом, весь напрягшись, и смотрел прямо перед собой.

– Филип написал тебе письмо? Чего же он хочет?

– Он попросил меня приехать. Ему нужно меня видеть. Он знает, что сегодня я работаю только полдня.

– Вот как. А зачем ему понадобилось тебя видеть, он не написал?

– Написал, что должен задать мне один вопрос и надеется получить ответ. Я ничего не должна ему рассказывать, он сам мне скажет. А от меня только требуется ответить, да или нет. И еще он обещает, что все останется между нами.

– Значит, он что-то такое нащупал, а? – предположил Микки. – Интересно.

До «Солнечного мыса» было несколько минут езды. Когда доехали, Микки сказал:

– Ты ступай в дом, а я немного похожу по саду, кое-что обдумаю. Ступай, ступай. Тина. Тебя ждет разговор с Филипом.

Тина спросила:

– А ты не… Ты не собираешься?..

– Прыгнуть вниз головой с Обрыва влюбленных? – со смешком договорил Микки. – Ты что? Ты же меня знаешь.

– Иногда мне кажется, что тут вообще никто никого не знает.

Сказав это, она повернулась и медленно пошла к дому. Микки стоял, засунув руки в карманы, и понуро смотрел ей вслед. Брови его были нахмурены. Немного так постояв, он начал обходить дом вокруг, внимательно поглядывая наверх. Ему припомнилось детство. Вот старая магнолия. Сколько раз мальчиком он влезал по ней до второго этажа и через окно на лестничной площадке забирался в дом. Под деревом был маленький участочек земли, который считался его личным садиком. Впрочем, садиками он никогда особенно не интересовался. Заводные игрушки, которые ему покупали, он всегда норовил разобрать на части. «Маленький разрушитель», – подумал он о себе и покачал головой.

Н-да. Человек какой был, таким и остается.

* * *

В доме Тина столкнулась в коридоре с Мэри. При виде сестры та удивленно вздернула брови.

– Тина! Ты приехала из Редмина?

– Да, – ответила Тина. – А ты разве не ждала меня?

– Я совсем забыла, – сказала Мэри. – Кажется, Филип упоминал о том, что ты должна приехать. Она отвернулась.

– Я иду на кухню, – сообщила она. – Узнать, привезли ли «Оувалтин»[26]. Филип пьет его перед самым сном. Кирстен понесла ему кофе. Он любит кофе больше, чем чай, говорит, что от чая у него расстройство.

– Почему ты обращаешься с ним, как с беспомощным младенцем, Мэри? спросила Тина. – Он ведь не беспомощный.

Глаза Мэри холодно блеснули.

– Когда у тебя будет свой муж, Тина, – сердито произнесла она, – тогда ты будешь лучше знать, какое обращение предпочитают мужья.

– Прости, – тихо сказала Тина.

– Только бы нам наконец вырваться из этого дома, – вздохнула Мэри. Филипу так вредно здесь находиться. А сегодня еще Эстер возвращается.

– Да? – удивилась Тина. – Эстер приезжает? Зачем?

– Откуда мне знать? Позвонила вчера вечером и сказала, что приедет. Каким поездом, представления не имею. Наверно, экспрессом, как обычно. Кому-то придется поехать в Драймут встретить ее.

Мэри скрылась в коридоре, ведущем в кухню. Тина, постояв мгновенье в нерешительности, пошла по лестнице наверх. Когда она поднялась на площадку, справа открылась дверь и вышла Эстер. При виде Тины на лице у нее выразилось удивление.

– Эстер! Мне сказали, что ты скоро приедешь, а ты, оказывается, уже здесь.

– Доктор Колгари привез меня на автомобиле, – объяснила Эстер. – Я вошла и сразу поднялась к себе. Никто в доме, наверно, не знает, что я уже приехала.

– И доктор Колгари здесь?

– Нет, он высадил меня и поехал в Драймут. У него там с кем-то назначена встреча.

– Мэри думает, что ты еще не приехала.

– Мэри вообще ничего ни о ком не знает, – сказала Эстер. – Они с Филипом держатся ото всех в сторонке. Папа с Гвендой, должно быть, в библиотеке. Похоже, жизнь тут как шла, так и идет.

– Отчего же ей не идти?

– Н-ну, не знаю. Просто я думала, что тут все переменилось.

Она обошла Тину и стала спускаться по лестнице. А Тина прошла в коридор и, не заходя в библиотеку, сразу направилась к апартаментам Даррантов. Перед их дверью стояла Кирстен Линдстрем с подносом в руке. Она резко обернулась.

– Господи, Тина! Как ты меня напугала, – проговорила она. – Я принесла Филипу кофе и печенье.

Тина подошла и встала рядом.

Кирстен, постучавшись, толчком открыла дверь и первой вошла в комнату. Из-за ее высокой плотной фигуры ничего не было видно, но Тина вдруг услышала, как Кирстен испуганно охнула и уронила поднос. Чашка, блюдце и тарелочка со звоном разбились о каминный экран.

– Нет! – вскрикнула Кирстен. – О нет!

– Филип? – только и вымолвила Тина. Она обошла обомлевшую женщину и приблизилась к инвалидному креслу у письменного столика. Филип Дар-рант, по-видимому, только что писал, возле его правой руки лежала шариковая ручка. Но голову он как-то боком уронил на стол. И на затылке у основания черепа виднелся маленький темный ромбик, сочившийся красным на белый воротник.

– Его убили, – проговорила Кирстен. – Закололи. Вот сюда, прямо в мозжечок. Сюда достаточно только вонзить острие – и моментальная смерть.

Она прибавила, повышая голос:

– Я его предостерегала. Я сделала все возможное. Но он вел себя как ребенок, который норовит поиграть с опасными предметами, не понимая, чем это может кончиться.

«Похоже на страшный сон», – мелькнуло в голове у Тины. Она стояла сбоку от Филипа и молча смотрела на него, пока Кирстен пыталась нащупать на его руке пульс, которого не было. О чем он собирался спросить ее? Какая разница… теперь он уже все равно никогда ничего не узнает. Не в силах ни о чем думать, Тина смотрела и машинально про себя отмечала: он писал, вон ручка валяется рядом, но бумаги на столе нет. Ни клочка, ни одной написанной строчки. Тот, кто его убил, забрал листок с записями. Она произнесла ровным механическим голосом:

– Мы должны сообщить остальным.

– Да-да, надо пойти вниз. Но сначала надо сказать вашему отцу.

Они двинулись к двери. Кирстен обнимала Тину за плечи. Тина, оглянувшись, посмотрела на упавший поднос и разбитую посуду.

– Это все не важно, – сказала Кирстен. – Потом можно будет прибрать.

Тина споткнулась. Кирстен поддержала ее.

– Иди осторожнее. Упадешь.

Они побрели в обнимку вдоль коридора. Распахнулась дверь библиотеки. Вышли Лео и Гвенда. Тина сказала ясным тихим голосом:

– Филипа убили. Закололи.

И опять все было как во сне. Потрясенные возгласы отца и Гвенды поплыли по коридору, мимо Тины, по направлению к Филипу… По направлению к Филипу, которого уже не было в живых.

Кирстен отпустила ее плечи и торопливо пошла вниз.

– Я должна сказать Мэри. Только надо как-то ее подготовить… нельзя вот так сразу… Бедняжка Мэри. Какой страшный удар.

Тина медленно побрела следом. Ощущение того, что вокруг туман, какая-то вязкая муть, усилилось, странно кололо сердце. Куда она идет? Она и сама не знала… Все вокруг было словно ненастоящим. Тина подошла к открытой парадной двери и шагнула за порог. И тут она увидела Микки, выходящего из-за угла. Машинально, словно именно к этой цели все время и стремилась, она пошла ему навстречу.

– Микки, – немеющими губами проговорила она. – О, Микки!

Он протянул к ней руки, и она очутилась в их кольце.

– Все хорошо, – сказал Микки, – Я тебя держу. Но Тина, обмякнув, повисла на нем и медленно опустилась на землю. В эту минуту из дому выбежала Эстер.

– Она в обмороке, – растерянно произнес Микки. – Я ни разу не видел, чтобы Тина падала в обморок.

– Это шок, – сказала Эстер.

– Какой шок? О чем ты?

– Убили Филипа, – ответила Эстер. – Ты разве не знаешь?

– Откуда мне знать. Когда? Как?

– Только что.

Он недоуменно посмотрел на нее. Потом поднял на руки Тину. Вдвоем с Эстер они внесли ее в кабинет миссис Аргайл и уложили на диван.

– Позвони доктору Крейгу, – попросил Микки.

– Вон подъехала его машина, – ответила Эстер, подходя к окну. – Папа уже его вызвал. Я… – Она оглянулась. – Я не хочу с ним встречаться.

Она вышла из комнаты и взбежала вверх по лестнице. Дональд Крейг вылез из машины и вошел в дом – входная дверь была открыта. Навстречу ему вышла из кухни Кирстен.

– Добрый день, мисс Линдстрем. Что тут у вас случилось? Мистер Аргайл сказал, что будто бы Филип Дар-рант убит? Я не ослышался?

– Да, так оно и есть, – ответила Кирстен.

– Мистер Аргайл позвонил в полицию?

– Я не знаю.

– Может быть, только ранен? – спросил Дон, поспешив обратно к машине за своим саквояжем.

– Нет, – твердо сказала Кирстен измученным голосом. – Он мертв. Это совершенно точно. Рана нанесена вот сюда. – Она приложила палец к своему затылку.

В прихожую вышел Микки.

– Здравствуйте, Дон. Хорошо бы вы взглянули на Тину, – попросил он. – Она в обмороке.

– Тина? Ах да. Это которая живет в Редмине? Где она?

– Вот тут, в гостиной.

– Зайду к ней, а уж потом поднимусь наверх. – Открывая дверь, он через плечо отдал распоряжение Кирстен:

– Укройте ее потеплее и приготовьте горячий чай или кофе, дадите, как только она очнется. Ну да вы и сами все знаете…

Кирстен кивнула.

– Кирсти!

Из кухни медленно вышла Мэри Даррант – Кирсти пошла ей навстречу. Микки стоял в стороне и беспомощно смотрел на них.

– Это не правда, – проговорила Мэри громким резким голосом. – Не правда! Ты все это

выдумала. Я его только что видела… Он был жив и невредим. Сидел и писал. Говорила я ему: не пиши! Сколько раз говорила! Зачем он это делал? Почему так упрямился? Почему не соглашался уехать отсюда? Я ведь так хотела, чтобы мы уехали!

– Это не правда, – проговорила Мэри громким резким голосом. – Не правда! Ты все это выдумала. Я его только что видела… Он был жив и невредим. Сидел и писал. Говорила я ему: не пиши! Сколько раз говорила! Зачем он это делал? Почему так упрямился? Почему не соглашался уехать отсюда? Я ведь так хотела, чтобы мы уехали!

Кирсти как могла ее утешала, чтобы хоть немного успокоить.

Из гостиной торопливо вышел Дональд Крейг.

– Кто сказал, что эта девушка в обмороке? – спросил он. Микки растерянно обернулся.

– Но она потеряла сознание.

– Где она находилась, когда это произошло?

– Рядом со мной… Она вышла из дома и пошла мне навстречу. И вдруг… свалилась.

– Свалилась, говорите? Еще бы ей не свалиться, – мрачно произнес Дональд Крейг. Он устремился к телефону. – Я должен вызвать «скорую помощь». Срочно!

– «Скорую помощь»? – Микки и Кирстен смотрели на него с недоумением. Только Мэри словно остолбенела и ничего не слышала.

– Да, – сказал Дональд, торопливо набирая номер. – Эта девушка не в обмороке. Ей всадили в спину нож. Вы слышите? Необходимо немедленно доставить ее в больницу.

Глава 23

Сидя у себя в номере, Артур Колгари в который раз просматривал свои записи, время от времени кивая своим мыслям.

Да… Теперь он на верном пути. Поначалу он сделал ошибку, сосредоточив все свое внимание на личности миссис Аргайл. В девяти случаях из десяти это было бы правильно. Но тут, похоже, именно тот редкий десятый случай.

Он все время ощущал, что существует некий неизвестный ему фактор. Надо было только догадаться, что это за фактор, выделить его, и загадка была бы решена. Но ему постоянно мешал образ убитой женщины. Это только потом он понял, что убитая – не главное. Подошла бы, в сущности, любая жертва.

Он решил посмотреть на все под другим углом, обратить взгляд к давнему прошлому. И еще раз мысленно взглянуть на Жако… На Жако, не просто как на жертву, на человека, несправедливо приговоренного к тюремному заключению за убийство, которого он не совершил, но на Жако как такового, на Жако как личность. Был ли Жако, согласно понятиям старинной кальвинистской доктрины[27], «сосудом разрушения»? Да, был ли? Несмотря на то что ему были созданы такие условия, о которых можно было только мечтать… Доктор Макмастер, тот считал, что Жако порочен от рождения. Что никакая среда не могла его ни

исправить, ни спасти. Справедливо ли заключение доктора? Лео Аргайл склонен был жалеть и прощать своего приемного сына. Как он тогда выразился? «Один из пасынков Природы». Лео Аргайл разделяет современный взгляд на проблему: человека с подобной психикой следует считать больным, а не преступником. Что говорила Эстер? Что Жако всегда был ужасным человеком.

Высказывание по-детски непосредственное. А что говорила Кирстен Линдстрем? Жако был негодяй! Она употребила именно это, прямо скажем, сильное словцо. Негодяй! Тина сказала: «Я его не любила и не верила ему». Так что отзывы всех в общем совпадали. Только у его вдовы, Морин Клегг, было чуть иное к нему отношение. Но она смотрела на Жако только со своей колокольни: Жако был недостоин ее любви, но она поддалась его обаянию и не могла ему этого простить. Теперь же, благополучно выйдя снова замуж, она послушно повторяет то, что думает о Жако ее муженек. Колгари вспомнил, как она подробно описывала некоторые сомнительные дела Жако и приемы, которыми он пользовался для добычи денег. Деньги…

Это слово плясало перед усталым взором Колгари, словно написанное гигантскими буквами на стене. Деньги! Деньги! Деньги! Как лейтмотив в опере. Деньги миссис Аргайл! Деньги, вложенные в дискреционный фонд! Деньги, на которые куплена рента! Остаток имущества, предназначенный ее мужу! Деньги, взятые из банка! Деньги в ящике письменного стола! Эстер, выскочившая из дому без денег в кошельке и получившая два фунта от Кирстен Линдстрем! Деньги, найденные у Жако, которые, как он клятвенно уверял, дала ему мать.

Все складывается в единую четкую схему, составленную из разных мелких подробностей, так или иначе связанных с деньгами.

И безусловно, на этой схеме отчетливо проступает недостающий искомый фактор.

Колгари взглянул на часы. Он обещал Эстер, что позвонит ей в это время. Притянув к себе телефонный аппарат, он назвал в трубку номер.

Наконец послышался ее голос, по-детски чистый и звонкий.

– Эстер. С вами все в порядке?

– О да. Со мной все в порядке.

Он не сразу сообразил, что в ее ответе, в этом странном уточнении, есть какой-то подтекст, и только через секунду или две спросил:

– Что случилось?

– Филип убит.

– Филип! Филип Даррант? – не веря своим ушам, переспросил Колгари.

– Да. И Тина тоже – то есть нет, она жива. Но ее увезли в больницу.

– Рассказывайте, – коротко распорядился он. И уже по ходу ее рассказа спрашивал и переспрашивал, пока все наконец не уяснил. Затем сурово приказал:

– Держитесь, Эстер. Я выезжаю. Буду у вас через… – он скосил глаза на часы, – примерно через час. Мне надо сначала повидать старшего инспектора Хьюиша.

* * *

– Что вы, собственно, хотите у меня выяснить, доктор Колгари? – спросил старший инспектор, но Колгари не успел ответить, так как на столе у Хьюиша зазвонил телефон, и тот поднял трубку.

– Да? Да, у телефона. Минуту. – Он пододвинул к себе чистый лист и взял ручку, приготовившись записывать. – Так. Давайте. Да. – Он сделал запись. Где-где? На конце какая буква? А, ну да. Пока еще не очень понятно, я бы сказал. Записал. Это все? Ясно. Спасибо. – Он положил трубку. – Из больницы звонили.

– Тина? – спросил Колгари. Старший инспектор кивнул.

– К ней вернулось на несколько минут сознание.

– Она что-нибудь сказала?

– Даже не знаю, должен ли я вам это сообщать, доктор Колгари.

– Я прошу вас быть со мной откровенным и полагаю, что смогу тут быть вам полезен. Хьюиш помолчал, взвешивая.

– По-моему, вы принимаете все это очень близко к сердцу, доктор Колгари.

– Да, очень близко. Понимаете… я чувствую себя ответственным за то, что полиция снова вернулась к этому делу. И эти две последние трагедии тоже, получается, на моей совести. Девушка будет жить?

– Врачи считают, что все обойдется, – ответил Хьюиш. – Лезвие не задело сердца, но опасность пока не миновала, – Он покачал головой. – Вот так всегда, – сказал он. – Люди не верят, что убийца опасен. Звучит глупо, но это истинная правда. Знали же, что среди них находится убийца. Нет бы сообщить нам все, что им известно. Единственный способ обезопасить себя – это сразу же выложить полиции все без утайки. А они играли в молчанку. Скрывали от меня то, что знали. Филип Даррант был славный малый и с головой, но относился к сложившейся в доме ситуации как к увлекательной игре. Вынюхивал, расставлял ловушки. И до чего-то докопался – или думал, что докопался. И кто-то еще тоже думал, что Даррант напал на след. А в результате мне звонят и сообщают, что Дарранта убили, вонзили клинок в затылок. Вот к чему приводят такие игры, когда люди не понимают, насколько это опасно…

Хьюиш замолчал и слегка откашлялся.

– А девушка? – не отступался Колгари.

– Девушка что-то знала, – сказал Хьюиш. – Но не хотела об этом рассказывать. У меня сложилось такое впечатление, что она в него влюблена.

– Вы имеете в виду Микки? Хьюиш кивнул.

– Да и он, полагаю, тоже был к ней по-своему привязан. Но когда человек теряет голову от страха, даже самая горячая симпатия уже не имеет никакого значения. Она, наверное, не понимала, что некий известный ей факт представляет для него смертельную опасность. Потрясенная убийством Дарранта, она бросилась к нему в объятья, и он этим воспользовался – вонзил ей в спину нож.

– Но это всего лишь ваши предположения, не правда ли?

– Не совсем так, доктор Колгари. Нож нашли у него в кармане.

– Тот самый нож?

– Да. Вымазанный кровью. Мы, конечно, проведем экспертизу, но в том, что это будет ее кровь, можете не сомневаться. Ее и Филипа Дарранта.

– Но… этого не может быть.

– Кто вам сказал, что не может быть?

– Эстер. Я позвонил ей, и она мне рассказала, как все было на самом деле.

– Рассказала, говорите? Как было на самом деле? Но все было очень просто. Мэри Даррант в три часа десять минут спустилась в кухню. В это время муж ее был жив и невредим. Кроме них, в доме находились: Лео Аргайл с Гвендой Воэн в библиотеке, Эстер Аргайл – в своей комнате на втором этаже, и Кирстен Линдстрем – в кухне. В начале пятого подъехали на автомобиле Микки и Тина. Микки ушел в сад, Тина пошла по лестнице наверх следом за Кирстен, которая несла Филипу кофе с печеньем. Тине встретилась Эстер, они перемолвились несколькими словами, а затем она догнала мисс Линдстрем, уже у самой двери, и они вместе вошли в комнату и увидели, что Филип мертв.

– Но Микки все это время был в саду. Разве это не алиби?

– Есть одна деталь, доктор Колгари, которая вам не известна. У дома Аргайлов под самым окном растет большая магнолия. В детстве дети любили по ней лазить, особенно Микки. Он даже наловчился удирать через окно из дому и возвращаться обратно, когда вздумается. Он и сегодня спокойно мог влезть в дом, проскользнуть в комнату Дарранта, нанести ему удар ножом и выбраться тем же путем обратно. Конечно, тут требовалось все рассчитать – до минуты, но когда поставлена на карту жизнь, человек способен на чудеса. А Микки грозило разоблачение. Ему любой ценой надо было предотвратить встречу Тины с Даррантом. Чтобы обеспечить себе безопасность, он должен был убить обоих.

– Есть одна деталь, доктор Колгари, которая вам не известна. У дома Аргайлов под самым окном растет большая магнолия. В детстве дети любили по ней лазить, особенно Микки. Он даже наловчился удирать через окно из дому и возвращаться обратно, когда вздумается. Он и сегодня спокойно мог влезть в дом, проскользнуть в комнату Дарранта, нанести ему удар ножом и выбраться тем же путем обратно. Конечно, тут требовалось все рассчитать – до минуты, но когда поставлена на карту жизнь, человек способен на чудеса. А Микки грозило разоблачение. Ему любой ценой надо было предотвратить встречу Тины с Даррантом. Чтобы обеспечить себе безопасность, он должен был убить обоих.

Колгари задумался.

– Вы сказали, что к Тине вернулось сознание. Она не сообщила определенно, кто нанес ей удар?

– Она говорила не очень связно, – ответил Хьюиш. – Собственно, я не уверен, что она по-настоящему пришла в себя. – Он вздохнул. – Ну да ладно, доктор, повторю вам дословно, что она сказала. Сначала она произнесла имя. Микки.

– Выходит, она обвинила его.

– Похоже на то, – кивнул Хьюиш. – А все остальное, на мой взгляд, лишено смысла. Наверное, она бредила.

– Что она сказала?

Хьюиш заглянул в свои записи.

– Сначала, стало быть, «Микки». Потом пауза. Потом: «Чашка была пустая…» Опять пауза. И последнее: «Голубица высоко на рее». – Он вопросительно посмотрел на Колгари. – Вам это что-нибудь говорит?

– Нет, – покачал головой Колгари. И повторил в полном недоумении:

– Голубица высоко на рее… Надо же придумать такое!

– Никакие реи и никакие голубицы, насколько нам известно, в этом деле не фигурируют.

– Наверно, для нее это что-то означало, какую-то мысль, воспоминание. Но вполне возможно, что к убийству это вообще не имеет отношения. Одному Богу известно, где она сейчас витает.

Колгари снова погрузился в молчание, обдумывая последние события. Потом спросил:

– Вы арестовали Микки?

– Пока просто задержали. Обвинение ему будет предъявлено не позже, чем через двадцать четыре часа. Хьюиш вопросительно взглянул на Колгари.

– А вы, как я понимаю, хотели предложить совсем другое объяснение происшедшего?

– Да, – ответил Колгари. – Другое. Даже сейчас… я не убежден, что виновен Микки. – Он поднялся. – По-моему, прав все-таки я. Но у меня нет достаточно убедительных доказательств, чтобы переубедить вас. Поеду опять туда. Мне нужно видеть их всех.

– Что ж, – произнес Хьюиш. – Только смотрите поосторожней, доктор Колгари. А все-таки какова суть вашей идеи?

– Не знаю, удовлетворит ли вас такой ответ, но, на мой взгляд, это преступление на почве страсти. Хьюиш вздернул брови.

– Страстей существует много, доктор Колгари. Ненависть, скупость, алчность, страх – это все страсти.

– Нет, я имел в виду именно то, что обычно под этим понимается.

– Если вы подразумеваете Лео Аргайла и Гвенду Воэн, то мы с самого начала подозревали именно их, – сказал Хьюиш. – Но при теперешней ситуации они вроде бы точно отпадают.

– Да нет, тут сложнее, – покачал головой Артур Колгари.

Глава 24

Уже темнело, когда Артур Колгари снова приехал в «Солнечный мыс», – совсем как в тот вечер, когда он явился сюда первый раз. «Гадючий мыс», – сказал он себе и позвонил.

Последовавшие события тоже были как бы повторением. И снова ему открыла Эстер. И на лице у нее было то же самое выражение вызова и отчаяния. В прихожей за ее спиной, как и тогда, мелькнула настороженная, бдительная тень Кирстен Линдстрем. Воистину история повторялась.

Но в какой-то момент все вдруг переменилось. С лица Эстер ушло выражение безнадежности и страха. Оно осветилось милой, приветливой улыбкой.

– Вы! – коротко воскликнула она. – Слава Богу, что вы здесь!

Он взял ее руки в свои.

– Мне надо видеть вашего отца, Эстер. Он наверху, в библиотеке?

– Да. С Гвендой. К ним подошла Кирстен Линдстрем.

– Зачем вы опять приехали? – укоризненно произнесла она. – Мало несчастья вы принесли сюда в прошлый раз? Смотрите, что с нами всеми сталось! Вы испортили жизнь Эстер, вы испортили жизнь мистеру Аргайлу. И две смерти. Две! Филип Даррант и крошка Тина. Это ваших рук дело – это все вы!

– Тина жива, – возразил Колгари. – И нечего накликать на нее смерть. А сюда я приехал, потому что у меня есть здесь неотложное дело.

– Какое еще дело? – Кирстен так и не сдвинулась с места, преграждая ему путь на лестницу.

– Я должен довести до конца то, что начал, – ответил Колгари.

Положив ладонь ей на плечо, он легонько отодвинул ее в сторону. И стал подниматься по ступенькам. Эстер пошла следом за ним. Он, оглянувшись, сказал:

– Пойдемте с нами, мисс Линдстрем. Я хочу, чтобы присутствовали все.

Когда они вошли в библиотеку, Лео Аргайл сидел у письменного стола, а Гвенда Воэн, стоя на коленях перед камином, всматривалась в огонь. Оба с удивлением оглянулись на вошедших.

– Простите, что врываюсь к вам, – начал Колгари, – но, как я только что уже сказал мисс Кирстен, я должен доделать то, что начал. – Он огляделся. – А миссис Даррант? Она еще не уехала? Я хотел бы, чтобы она тоже была здесь.

– Я думаю, она прилегла отдохнуть, – ответил Лео. – Она в ужасном состоянии.

– И все же пусть она придет. – Колгари посмотрел на Кирстен. – Если вам не трудно, пожалуйста, приведите ее.

– Не знаю, согласится ли она, – хмуро заметила Кирстен.

– Скажите, что ей будет интересно узнать кое-что о смерти ее мужа.

– Ну что ты, Кирсти, – обратилась к ней Эстер, – Перестань нас оберегать. Я не знаю, что хочет нам рассказать доктор Колгари, но мы все должны это услышать.

– Дело ваше, – проворчала Кирстен и вышла.

– Садитесь, – пригласил гостя Лео, указывая на кресло у камина.

Колгари сел.

– Вы простите меня, доктор Колгари, если я скажу, что очень сожалею о том, что вы появились тогда в этом доме, – произнес Лео Аргайл.

– Это нечестно! – горячо возразила Эстер. – Папа, ты говоришь ужасно несправедливые вещи!

– Я понимаю ваши чувства, – сказал Колгари, – Наверно, на вашем месте я испытывал бы то же самое. Какое-то время я и сам жалел, что явился к вам. Но при серьезном размышлении понял, что все-таки не мог бы поступить иначе.

Возвратилась Кирстен.

– Мэри идет, – сообщила она.

В ожидании все сидели молча. Вошла Мэри Даррант. Колгари взглянул на нее с интересом: он видел ее впервые. Мэри выглядела очень спокойной, собранной, она была тщательно одета и причесана – волосок к волоску. Но лицо ее напоминало маску, точнее лицо лунатика, который бродит во сне.

Лео представил их друг другу. Она наклонила голову.

– Благодарю за то, что пришли, миссис Даррант, – проговорил Колгари. – Я думаю, вам следует выслушать то, что я собираюсь сообщить.

– Как вам будет угодно, – ответила Мэри. – Но что бы вы ни сказали, Филипа это не вернет.

Она отошла в сторону и села на стул у окна. Колгари обвел глазами всех присутствующих.

– Сначала разрешите мне сказать следующее. Когда я явился к вам в первый раз, чтобы сообщить, что Жако невиновен, я был изумлен тем, как вы восприняли это известие. Теперь-то я понимаю почему. А тогда меня особенно поразили слова, сказанные этой девушкой, – он указал глазами на Эстер, – когда я уходил. Она сказала, что самое важное не справедливость, а то, на что обрекаются теперь невиновные. В Книге Иова есть выражение: «пытка невинных»[28]. Известие, принесенное мною, обрекло вас всех на муку. Но невиновные не должны страдать, этого допустить нельзя. И сегодня я явился к вам, чтобы положить конец страданию невиновных.

Он помолчал несколько мгновений. Никто не произнес ни слова. Тихим ровным голосом Колгари продолжал:

– Весть, которую я вам принес тогда, не была для вас, вопреки моим ожиданиям, радостной. Для вас обвинение, предъявленное Жако, было вполне естественным. Вас всех это, если можно так выразиться, вполне устроило. Этот вердикт был самым подходящим для всей семьи.

– Вам не кажется, что вы чересчур категоричны? – спросил Лео.

– Нет, – ответил Колгари. – То, что я сказал, – правда. Жако, на ваш взгляд, вполне годился в убийцы, поскольку о том, что в дом мог проникнуть кто-то посторонний, всерьез говорить не приходилось, а для Жако можно было выдвинуть набор оправданий. Он-де несчастный,

психически не совсем здоровый, он не в состоянии отвечать за свои поступки. У него сложный характер и врожденные дурные наклонности. Такого рода доводы с успехом используются в наши дни для оправдания преступников. Вы сами, мистер Аргайл, говорили, что не вините его. И что даже его мать, которую он лишил жизни, тоже не винила бы его. Его обвинял только один человек. – Колгари посмотрел на Кирстен Линдстрем. – Вы. Вы сказали просто и ясно, что Жако был негодяй, без всяких оговорок. «Жако был негодяй» – вот ваши слова.

– Может быть. – Кирстен пожала плечами. – Да, может быть, я так и сказала. Потому что это правда.

– Да, это правда. Он и в самом деле был негодяй. Не будь он негодяем, ничего бы этого не произошло. И однако, вы прекрасно знаете, – продолжал Колгари, – что мое свидетельство оправдывает его.

– Свидетельствам не всегда можно верить, – возразила Кирстен. – Вы перенесли сотрясение мозга. Мне хорошо известно, как может повлиять на человека сотрясение. Он все вроде бы помнит, но смутно, как бы в тумане.

– Значит, вы по-прежнему думаете, что Жако убийца? – уточнил Колгари. Что все-таки Жако совершил преступление, а потом каким-то образом обеспечил себе алиби? Так?

– Я, конечно, не знаю подробностей. Но да, примерно так. Я и сейчас считаю, что это сделал он. Все горе, которое обрушилось на этот дом, и эти смерти – да, эти ужасные смерти – все это его рук дело. Жако.

Эстер удивленно воскликнула:

– Кирсти! Ты же всегда так его любила!

– Может быть. Да, наверно. И все-таки я повторяю, что он был негодяй.

– Я думаю, у вас есть все основания так его называть, – сказал Колгари. Но относительно достоверности моих слов вы ошибаетесь. Сотрясение никак не повлияло на мою память. В конце концов она полностью восстановилась. Я четко помню, что в тот вечер, когда была убита миссис Аргайл, я именно в тот промежуток времени подвозил Жако на своей машине. И потому – я повторяю это с полной ответственностью – Жако Аргайл никак не мог убить свою приемную мать. Это абсолютно исключено. Его алиби не вызывает сомнений.

Лео нетерпеливо сменил позу. Заметив это, Колгари сказал:

– Вы думаете, что я пришел повторить то, что говорил вам в прошлый раз? Не совсем так. Теперь мне стали известны кое-какие детали. Во-первых, от старшего инспектора Хьюиша я узнал, что Жако, доказывая свое алиби, шпарил как по бумажке, слишком уж четко: время до минуты, место своего нахождения назвал не раздумывая, – словно заранее знал, что эти данные ему понадобятся. Это согласуется с тем, что сказал мне доктор Макмастер, у которого очень большой опыт работы с так называемыми «пограничными» правонарушениями, в которых трудно четко определить степень виновности. Его не удивило, что Жако, как он выразился, «носил в своем сердце семена убийства». Удивительно было другое: что он все-таки его совершил. По мнению доктора Макмастера, от Жако естественнее было бы ожидать, что само осуществление убийства он переложил бы на кого-то другого. И вот я спросил себя: не знал ли Жако заранее, что в тот вечер должно было произойти убийство? Не знал ли он, что ему понадобится алиби? И не нарочно ли он обзавелся таковым? Если так, то миссис Аргайл

была убита кем-то другим, и Жако знал, что она будет убита. То есть его можно считать в данном случае подстрекателем, замыслившим убийство, но толкнувшим на него другого человека.

Колгари повернулся к Кирстен Линдстрем:

– И вы так считаете, верно? Вы по-прежнему чувствуете, или хотите чувствовать, что это Жако совершил убийство, он, а не вы. Вы считаете, что действовали по его приказу, под его влиянием. И хотите всю вину возложить на него.

– Я? – переспросила Кирстен – То есть как это? Что вы такое говорите?

– Я говорю, – ответил Колгари, – что в этом доме есть только один человек, который мог, как это ни дико звучит, стать сообщником Жако Аргайла. И этот человек – вы, мисс Линдстрем. Жако был покорителем дамских сердец, и особенно хорошо ему удавалось кружить головы немолодым уже женщинам. Этим умением он не раз пользовался – в корыстных целях. Он умел внушить доверие. – Колгари наклонился к ней. – Он ведь был вашим любовником, так? Уверял, что питает к вам самые нежные чувства и хочет жениться на вас? Что как только это дело будет сделано и он получит свою долю материнских денег, вы поженитесь и уедете куда-нибудь далеко-далеко. Ведь все было именно так, да?

Кирстен сидела неподвижно, как парализованная, не отводя от него глаз.

– Он поступил с вами очень жестоко, руководствуясь циничным расчетом, продолжал Артур Колгари. – В тот вечер ему срочно требовались деньги, иначе ему грозил арест и тюремное заключение. Миссис Аргайл отказалась его выручать. И тогда, ничего не добившись от нее, он обратился к вам.

– Неужели вы думаете, что я взяла бы деньги миссис Аргайл, вместо того чтобы дать ему свои? – пробормотала Кирстен Линдстрем.

– Нет, конечно, – ответил Колгари. – Вы наверняка сами дали бы ему денег если бы они у вас были. Но я думаю, у вас их уже не было . Вы получали неплохую годовую ренту, которую купила вам миссис Аргайл. Но, по-видимому, к тому моменту он уже успел все у вас вытянуть. Так что в тот вечер он действительно оказался в безвыходном положении. Когда миссис Аргайл поднялась к мужу в библиотеку, вы выскользнули из дому, снаружи вас ждал Жако, и он объяснил вам, что от вас требуется. Сначала вы должны были передать ему деньги, а затем, прежде чем пропажа обнаружится, убить миссис Аргайл. Потому что эту кражу она не стала бы покрывать. Он сказал, что ваша задача очень проста. Надо только выдвинуть ящики, чтобы подумали, будто в кабинет пробрался грабитель, а ее ударить по затылку кочергой. Это будет безболезненная смерть, она не успеет ничего почувствовать. А ему надо позаботиться о своем алиби, так что вам ведено было действовать строго в условленное время – между семью и семью тридцатью.

– Это не правда, – произнесла Кирстен. Ее била дрожь. – Вы, наверное, не в своем уме, раз говорите про меня такие вещи.

Но в голосе ее почему-то не слышалось ни малейшего негодования, только страшная усталость.

– Даже если бы то, что вы говорите, было правдой, как бы я, по-вашему, могла допустить, чтобы его засудили?

– А почему нет? – возразил Колгари. – Он же заверил вас, что у него будет алиби. Вы, наверно, ожидали, что его арестуют, но потом наверняка признают невиновным. Все это входило в ваш совместный план.

– Но когда он не смог доказать свою невиновность, неужели я бы не выручила его? Не дала бы показания в его пользу?

– Возможно, – ответил Колгари. – Возможно, что и дали бы, не случись одно небольшое происшествие: и утро следующего дня в дом явилась жена Жако. Вы даже не подозревали, что он женат. Посетительнице пришлось два или три раза повторить вам, кто она такая, прежде чем вы ей поверили. И в ту же минуту с ваших глаз спала пелена. Вы увидели Жако в истинном свете – бессердечного, хитрого и совершенно равнодушного к вам человека Вы вдруг осознали, на что он вас толкнул.

И тут Кирстен заговорила, горячо и бессвязно:

– Я любила его… Любила всем сердцем. Дура я была, доверчивая старая дура. Он заставил меня поверить… что будто бы все так и есть. Говорил, что молодые ему никогда не нравились. Он много чего мне нашептывал – я не могу вам повторить всего. Я его любила. Говорю вам, я любила его. И вдруг является эта молоденькая и довольно вульгарная девчонка. Тогда я поняла, что все было сплошной ложью, ложью и подлостью… С его стороны.

– Когда я сюда явился, вы испугались, – продолжал Колгари. – Ведь так? Испугались: что же теперь будет? Испугались за других. За Эстер, которую вы любили, за Лео, к которому хорошо относились. Наверно, вы понимали – в какой-то мере, – чем это все чревато для них. Но главным образом вы испугались за себя. И смотрите, куда завел вас страх… Теперь на вашей совести еще два убийства.

– Вы утверждаете, что это я убила Тину и Филипа?

– Конечно, – сказал Колгари. – Но Тина все-таки пришла в сознание.

Плечи Кирстен безнадежно обмякли.

– Значит, она сообщила, что это я воткнула ей в спину нож? А я думала, она ничего не почувствовала. Конечно, я была вне себя. Совсем потеряла от страха голову. Опасность подступала все ближе и ближе.

– Хотите знать, что на самом деле сказала Тина, когда ненадолго очнулась? – спросил Колгари. – «Чашка была пустая». Я догадался, что она имела в виду. Вы сделали вид, будто несли Филипу Дарранту кофе, но в действительности вы уже вонзили ему в затылок нож и выходили из его комнаты, когда услышали Тинины шаги. И тогда вы повернулись к ней спиной, чтобы она подумала, что только собираетесь войти. А потом, хотя она была потрясена его смертью почти до беспамятства, она все же заметила, что чашка, упавшая с подноса, была пустой и кофе по полу не разлился.

– Но Тину Кирстен не могла убить! – воскликнула Эстер. – Ведь Тина потом еще спустилась по лестнице и вышла к Микки. Сама, без всякой помощи.

– Милая девочка, – возразил ей Колгари. – Бывали случаи, что человек, пронзенный ножом, проходил всю улицу, даже не подозревая, что с ним произошло! Тина была в состоянии шока и поэтому ничего не почувствовала. Разве что легкий укол, может быть, и все. – Он снова обернулся к Кирстен. – А позже вы украдкой сунули нож в карман Микки. Большей подлости и

представить себе невозможно…

Кирстен умоляюще вскинула кверху ладони.

– А что мне было делать? У меня не было другого выхода… Угроза разоблачения надвигалась все ближе… Все начали догадываться. Филип до чего-то додумался. И Тина… Я думаю. Тина слышала в тот вечер мой разговор с Жако за домом. Еще немного, и все бы догадались… А я… я так хотела спастись! Но это оказалось невозможно! – Руки Кирстен безвольно упали, – Я не хотела убивать Тину. Ну а Филипа…

Мэри Даррант встала и медленно, но целеустремленно пересекла комнату.

– Это ты его убила? – процедила она сквозь зубы. – Ты убила Филипа.

И вдруг, словно тигрица, бросилась на Кирстен. Гвенда тут же вскочила и все-таки успела схватить ее. Затем подбежал Колгари, и вдвоем они ее удержали.

– Ты! – задыхаясь, кричала Мэри. – Ты… Кирстен Линдстрем посмотрела ей прямо в глаза.

– А ему какое до этого было дело? Зачем он все вынюхивал, задавал всякие вопросы? Ему-то ничего не угрожало. Его-то жизнь не была поставлена на карту. Для него это было просто развлечение.

Она повернулась ко всем спиной и вышла вон.

– Остановите ее! – крикнула Эстер. – Надо ее задержать!

– Пусть уходит, Эстер, – возразил Лео.

– Но… она убьет себя.

– Едва ли, – сказал Колгари.

– Она долгие годы была нам всем верным другом, – вздохнул Лео. – Верным, преданным – и вдруг такое…

– Думаете, она пойдет в полицию и повинится? – спросила Гвенда.

– Гораздо вероятнее, – ответил Колгари, – что она доедет до ближайшей железнодорожной станции и отправится в Лондон. Но все равно скрыться ей не удастся. Ее конечно же найдут.

– Наша дорогая Кирстен, – повторил Лео дрогнувшим голосом. – Такая преданная нам всем, такая заботливая… Гвенда тряхнула его за плечо.

– Лео! Как можно? Вспомни, что она со всеми нами сделала! Сколько страданий нам причинила!

– Да, конечно, – согласился Лео. – Но она и сама страдала тоже. Наверно, ее страдание давило на всех нас в этом доме.

– И по ее милости мы бы могли страдать всю жизнь, терзая друг друга подозрением! – негодовала Гвенда. – Спасибо доктору Колгари, он избавил всех нас от этой муки.

– Итак, мне все-таки удалось сделать что-то полезное, – усмехнулся Колгари. – Правда, поздновато.

– Да, поздновато! – с горечью повторила Мэри. – Теперь уже ничего не исправишь… Но как же мы сами не поняли? Почему не догадались? – Обернувшись к Эстер, она со злостью произнесла – Я ведь думала, что это ты. Я все время считала, что это ты.

– А он так не думал, – сказала Эстер, кивая на Колгари.

– Я хочу умереть, – тихим ровным голосом произнесла Мэри.

– Дорогая девочка, как бы я хотел тебе помочь, – вздохнул Лео.

– Мне никто не поможет, – отозвалась Мэри. – Филип сам во всем виноват. Нечего ему было оставаться здесь и лезть во все это. Вот и доигрался… – Она обвела взглядом всех присутствующих. – И никому из вас меня не понять, заключила она и вышла.

Колгари и Эстер двинулись за ней следом. Подойдя к двери, Колгари оглянулся и увидел, как Лео обнял Гвенду за плечи.

– Она ведь предостерегала меня, – сказала Эстер, глядя на Колгари широко раскрытыми испуганными глазами. – Она с самого начала говорила, чтобы я никому не доверяла, и ей в том числе…

– Забудьте об этом, моя милая, – ласково приказал ей Колгари. – Ваша задача отныне состоит в том, чтобы забыть. Вы все теперь свободны. Тень вины больше не падает на безвинных.

– А как же Тина? Она поправится? Не умрет?

– Я думаю, она поправится, – ответил Колгари. – Она влюблена в Микки, правда?

– Наверно… Может быть… – растерянно пробормотала Эстер. – Мне это никогда не приходило в голову. Они ведь росли как брат и сестра. Но ведь на самом деле они не родственники.

– Да, кстати, Эстер, вы не знаете, что могли значить слова Тины: «Голубица высоко на рее»?

– «Голубица на рее»? – Эстер наморщила лоб. – Погодите-ка, это что-то очень знакомое:

Голубица высоко на рее

Тоскует вместе со мной.

Подходит?

– Да, наверное, – сказал Колгари.

– Это такая песня. Вроде колыбельной. Ее пела нам Кирстен. Я помню только отрывки.

«Я всем и всюду чужой

И жив одной лишь тобой «

И дальше:

«Плыви мой корабль быстрее,

Голубица высоко на рее

Тоскует вместе со мной».

– Да, понятно, – проговорил Колгари.

– Они, наверно, поженятся, – сказала Эстер, – когда Тина выздоровеет. И она поедет с ним в Кувейт. Тине всегда хотелось жить где-нибудь в таком месте, где тепло. На Персидском заливе ведь очень тепло, верно?

– Кажется, даже чересчур, – ответил Колгари.

– Для Тины не может быть чересчур тепло.

– И вы, моя милая, тоже сможете теперь быть счастливой, – проговорил Колгари, взяв ее руки в свои и попытавшись улыбнуться. – Выйдете замуж за своего медика, успокоитесь и не будете больше мучиться сумасшедшими фантазиями и приступами беспросветного отчаяния.

– За Дона? – удивленно переспросила Эстер. – Разумеется, я не выйду за Дона.

– Вы же его любите.

– Да нет, я думаю, что нет… Это мне просто показалось тогда. Он мне не верил. Он сомневался в том, что я не убила. Как он мог…. – Эстер заглянула ему в глаза. – А вот вы точно знали, что я тут ни при чем. Я бы вышла замуж за вас.

– Эстер, я же намного вас старше. Разве я могу рассчитывать на то, что…

– Если, конечно, вы согласны, – неуверенно проговорила она.

– О, я-то согласен! – ответил Артур Колгари.

Notes

note 1

Драймут - (буквально: «сухое русло») вымышленный город.

note 2

Рубикон - река в Италии, бывшая в I веке до н.э, границей Римской республики. Полководцам, находившимся в римских колониях, запрещалось переходить эту реку в сопровождении войск. Известный политический деятель Гай Юлий Цезарь долго стоял на берегу реки, переход которой означал начало гражданской войны в Римской империи После мучительных раздумий полководец перешел реку, выбрав власть и войну, после чего будто бы сказал «Жребий брошен Рубикон перейден» В переносном смысле - «сделать выбор и сжечь за собой все мосты»

note 3

Фавн - в римской мифологии божество лесов, полей и пастбищ. Считался лукавым богом, ворующим детей, насылающим болезни и кошмары. Сельские жители почитали его как покровителя животных.

note 4

Камнеломка - род растений, встречающихся главным образом в умеренных и холодных широтах. Многие виды растут в горах, где корни растений проникают в трещины скал - отсюда и название. Некоторые виды разводятся как декоративные.

note 5

Готические буквы - угловатый шрифт латинского письма, употреблявшийся в ряде европейских государств в эпоху феодализма.

note 6

Портик - выступающая перед фасадом здания открытая галерея, образуемая колоннами или столбами, несущими перекрытие.

note 7

Симптоматика - здесь: проявление характерных симптомов или признаков какого-либо заболевания.

note 8

Тимбукту (Томбукту) - город в Мали, основан в IX веке в пустыне на перекрестке торговых путей. За красоту наречен «Королевой пустыни», «Жемчужиной Сахары». Долгое время европейцам не удавалось добраться до этого африканского города из-за трудностей пути и противодействия туземного населения.

note 9

Доверительный фонд - форма хранения капитала в банке, при которой владелец вклада доверяет управление им определенному лицу или группе лиц. При этом доверенные лица имеют права распоряжаться только процентом от прибыли, но не основным капиталом

note 10

Филантропия - благотворительность.

note 11

Действующий по собственному усмотрению.

note 12

Рента - регулярно получаемый доход от какого-либо имущества, не требующий от своего получателя предпринимательской деятельности.

note 13

Флегматик - человек, отличающийся (по своему темпераменту) медлительностью, спокойствием, - слабым проявлением эмоций.

note 14

Капельдинер - театральный служащий, проверяющий билеты и наблюдающий за порядком в зрительном зале.

note 15

Перманент - один из видов завивки.

note 16

«Ньюс оф де уорлд» - воскресная газета бульварного толка, часто публикующая сенсационные материалы. Основана в 1843 году.

note 17

Великая хартия вольностей - грамота, подписанная в 1215 году английским королем Иоанном (Джоном) Безземельным и охранявшая интересы крупных феодалов от злоупотреблений королевской власти. Ограничивала в пользу крупных феодалов судебные и другие права короля, предоставляла крупным феодалам право поднимать восстание в случае невыполнения им Хартии. Вместе с тем Хартия защищала также интересы простых рыцарей и - отчасти - купечества.

note 18

Харли-стрит - улица в Лондоне, на которой находятся приемные ведущих частных докторов-консультантов.

note 19

Матримониальный - брачный.

note 20

Велосипедные принадлежности (общество с ограниченной ответственностью).

note 21

Пикет - разновидность старинной карточной игры, в которой участвуют два партнера, разыгрывающих тридцать две карты.

note 19

Матримониальный - брачный.

note 20

Велосипедные принадлежности (общество с ограниченной ответственностью).

note 21

Пикет - разновидность старинной карточной игры, в которой участвуют два партнера, разыгрывающих тридцать две карты.

note 22

Имеется в виду пьеса ирландского драматурга Самьюэла Беккета (1952 - французский вариант, 1954 - английский авторский перевод), ставшая первым драматическим произведением театра абсурда.

note 23

Поставец - невысокий шкаф с полками для посуды.

note 24

Амундсен Руаль (1872 - 1928) - знаменитый норвежский полярный исследователь. Первым добрался до Южного полюса (1911). Погиб во время поисков итальянской экспедиции Нобиле.

note 25

Эверест (Джомолунгма) - высочайшая горная вершина Земли.

note 26

«Оувалтин» - шоколадный напиток.

note 27

Имеется в виду занимающее центральное место в кальвинистском религиозном течении учение о предопределении, согласно которому судьбы людей предопределены Богом и ничто не может их изменить.

note 28

Книга Иова, гл. 9, ст. 23.

Topreading.ru